

Чарльз Диккенс

Домби и сын

Чарльз Диккенс
Домби и сын

«Public Domain»

1848

Диккенс Ч.

Домби и сын / Ч. Диккенс — «Public Domain», 1848

Произведение дается в дореформенном алфавите. «Домби сидѣлъ въ углу закрытой комнаты въ большихъ креслахъ подлѣ постели, а сынъ, тепло закутанный, лежалъ въ плетеной корзинкѣ, осторожно поставленной на софѣ, подлѣ камина, передъ самымъ огнемъ. Домби-отцу было около сорока восьми лѣтъ; сыну – около сорока восьми минутъ. Домби былъ немножко плѣшивъ, немножко красенъ, мужчина вообще очень статный и красивый, хотя слишкомъ суровый и величавый. Сынъ былъ совершенно плѣшивъ, совершенно красенъ, ребенокъ, нечего сказать, прелестный и милый, хотя немножко сплюснутый и съ пятнами на тѣлѣ. Время и родная сестра его забота – эти безжалостные близнецы, безъ разбору опустошающіе свои человѣческія владѣнія – уже проложили на челѣ Домби нѣсколько роковыхъ замѣтокъ, какъ на деревѣ, назначенномъ для срубки; лицо сына было исковеркано множествомъ небольшихъ складокъ, но коварное время тупой стороною своей гуляющей косы готовилось выравнять и выгладить для себя новое поле, чтобы впослѣдствіи проводить по немъ глубокія борозды...»

Содержание

Часть первая	5
Глава I. Домби и Сынъ	5
Глава II	12
Глава III	19
Глава IV	27
Глава V	35
Глава VI	47
Глава VII	62
Глава VIII	66
Глава IX	81
Глава X	91
Глава XI	100
Глава XII	111
Глава XIII	123
Глава XIV	131
Глава XV	148
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Чарльз Диккенс

Домби и сын

Часть первая

Глава I. Домби и Сынъ

Домби сидѣлъ въ углу закрытой комнаты въ большихъ креслахъ подлѣ постели, а сынъ, тепло закутанный, лежалъ въ плетеной корзинкѣ, осторожно поставленной на софѣ, подлѣ камина, передъ самымъ огнемъ.

Домби-отцу было около сорока восьми лѣтъ; сыну – около сорока восьми минутъ. Домби былъ немножко плѣшивъ, немножко красенъ, мужчина вообще очень статный и красивый, хотя слишкомъ суровый и величавый. Сынъ былъ совершенно плѣшивъ, совершенно красенъ, ребенокъ, нечего сказать, прелестный и милый, хотя немножко сплюснутый и съ пятнами на тѣлѣ. Время и родная сестра его забота – эти безжалостные близнецы, безъ разбору опустошающіе свои человѣческія владѣнія – уже проложили на челѣ Домби нѣсколько роковыхъ замѣтокъ, какъ на деревѣ, назначенномъ для срубки; лицо сына было исковеркано множествомъ небольшихъ складокъ, но коварное время тупой стороной своей гуляющей косы готовилось выравнять и выгладить для себя новое поле, чтобы впослѣдствіи проводить по немъ глубокія борозды.

Домби отъ полноты душевнаго наслажденія самодовольно побрякивалъ золотою часовой цѣпочкой, свѣсившейся изъ-подъ синяго фрака, котораго пуговицы, при слабыхъ лучахъ разведеннаго огня, свѣтились какимъ-то фосфорическимъ блескомъ. Сынъ лежалъ въ своей люлькѣ съ поднятыми маленькими кулаками, какъ будто вызывая на бой самоуправную судьбу, подарившую его неожиданнымъ событіемъ.

– Домъ нашъ съ этихъ поръ, м-съ Домби, – сказала м-ръ Домби, – не по имени только, а на дѣлѣ будетъ опять: Домби и Сынъ, Домби и Сынъ!

И эти слова имѣли на родильницу такое успокоительное дѣйствіе, что м-ръ Домби противъ обыкновенія пришелъ въ трогательное умиленіе и рѣшился, хотя не безъ нѣкотораго колебанія, прибавить нѣжное словечко къ имени жены: "не правда ли, м-съ моя... моя милая?"

Мимолетный румянецъ слабаго изумленія пробѣжалъ по блѣдному лицу больной женщины, не привыкшей къ супружескимъ нѣжностямъ. Она робко подняла на мужа глаза.

– Мы назовемъ еіо Павломъ, моя мил... м-съ Домби, не правда ли?

Больная въ знакъ согласія пошевелила губами и снова закрыла глаза.

– Это имя его отца и дѣда, – продолжалъ м-ръ Домби. – О, если бы дѣдъ дожилъ до этого дня!

Тутъ онъ немного пріостановился и затѣмъ снова повторилъ: "Доммби и Сынъ"!

Эти три слова выражали идею всей жизни м-ра Домби. Земля сотворена была для торговыхъ операцій Домби и Сына. Солнце и луна предназначены для освѣщенія ихъ дѣлъ. Морямъ и рѣкамъ повелѣно носить ихъ корабли. Радуга обязывалась служить вѣстницей прекрасной погоды. Звѣзды и планеты двигаются въ своихъ орбитахъ единственно для того, чтобы въ исправности содержать систему, центромъ которой были: Домби и Сынъ. Обычныя сокращенія въ англійскомъ языкѣ получали въ его глазахъ особое значеніе, выражая прямое

отношеніе къ торговому дому Домби и Сынъ. А. D. вм#сто Anno Domini¹, м-ръ Домби читаль Anno Dombey and Son.

Какъ раньше его отецъ на пути жизни и смерти возвысился отъ Сына къ Домби, такъ и онъ теперъ былъ единственнымъ представителемъ фирмы. Вотъ ужъ десять л#тъ онъ женатъ; его жена, какъ говорили, не принесла въ приданое д#вственнаго сердца: счастье б#дной женщины заключалось въ прошедшемъ, и, выходя замужъ, она над#ялась успокоить растерзанную душу кроткимъ и безропотнымъ исполненіемъ суровыхъ обязанностей. Впрочемъ, эта молва никогда не достигала до ушей самодовольнаго супруга, да, еслибъ и достигла, м-ръ Домби ни за что на св#т# не пов#рилъ бы безумнымъ и дерзкимъ сплетнямъ. Домби и Сынъ часто торговали кожами; но женскія сердца ни разу не входили въ ихъ коммерческія соображенія. Этотъ фантастическій товаръ оставляли они мальчикамъ и д#вочкамъ, пансіонамъ и книгамъ. Насчетъ супружеской жизни понятія м-ра Домби были такого рода: всякая порядочная и благоразумная женщина должна считать для себя величайшею честью брачный союзъ съ такой особой, какъ онъ, представитель знаменитой фирмы. Надежда произвести на св#т# новаго сочлена для такого дома должна подстрекнуть честолюбіе всякой женщины, если только есть въ ней честолюбіе. М-съ Домби, заключая брачный контрактъ, вполн# понимала вс# эти выгоды и потомъ съ каждымъ днемъ на д#л# могла вид#ть свое высокое значеніе въ обществ#. Она за столомъ сид#ла всегда ыя первомъ м#ст# и вела себя, какъ подобаеть знатной дам#. Стало быть, м-съ Домби совершенно счастлива. Иначе и быть не можетъ.

Но, разсуждая такимъ образомъ, м-ръ Домби охотно соглашался, что для полноты семейнаго счастья требовалось еще одно весьма важное условіе. Вотъ уже десять л#тъ продолжалась его супружеская жизнь; но вплоть до настоящаго дня, когда м-ръ Домби величаво сид#лъ подл# постели въ большихъ креслахъ, побрякивая тяжелою золотою ц#почкой, высокіе супруги не им#ли д#тей.

То есть, не то, чтобы вовсе не им#ли: есть у нихъ дитя, но о немъ не стоитъ и упоминать. Это – маленькая д#вочка л#тъ шести, которая невидимкой стояла въ комнат#, робко забившись въ уголь, откуда пристально смотр#ла на лицо своей матери. Но что такое д#вочка для Домби и Сына? ничтожная монета въ огромномъ капитал# торговаго дома, монета, которую нельзя пустить въ оборотъ, и больше ничего.

Однако-жъ, на этотъ разъ чаша наслажденія для м-ра Домби была уже слишкомъ полна, и онъ почувствовалъ, что можетъ уд#лить изъ нея дв#-три капли, чтобы вспрыснуть пыль на тропинк# своей маленькой дочери.

– Подойди сюда, Флоренса, – сказалъ о. нь, – и посмотри на своего братца, если хочешь, да только не дотрагивайся до него.

Д#вочка быстро взглянула на синій фракъ и б#лый стоячій галстухъ отца, но, не сказавъ ни слова, не сд#лавъ никакого движенія, снова вперила глаза въ бл#дное лицо своей матери.

Въ эту минуту больная открыла глаза и взглянула на дочь. Ребенокъ мгновенно бросился къ ней и, стоя на цыпочкахъ, чтобы лучше скрыть лицо въ ея объятіяхъ, прильнулъ къ ней съ такимъ отчаяннымъ выраженіемъ любви, какого нельзя было ожидать отъ этого возраста.

– Ахъ, Господи! – сказалъ м-ръ Домби, посп#шно вставая съ кресель. – Какая глупая ребяческая выходка! Пойду лучше, позову доктора Пепса. Пойду, пойду. – Потомъ, остановившись у софы, онъ прибавилъ: – мн# н#тъ надобности просить васъ, м-съ...

– Блоккитъ, сэръ, – подсказала нянька, сладенькая, улыбающаяся фигурка.

– Такъ мн# н#тъ надобности просить васъ, м-съ Блоккитъ, чтобы вы особенно заботились объ этомъ юномъ джентльмен#.

– Конечно, н#тъ, сэръ. Я помню, когда родилась миссъ Флоренса...

¹ Отъ Рождества Христова. Прим#чаніе ред.

– Та, та, та, – сказала м-рь Домби, нахмуриль брови и наклоняясь надъ люлькой. – Миссъ Флоренса – совс#мь другое д#ло: все хорошо было, когда родилась Флоренса. Но этотъ молодой джентльмень призванъ для высокаго назначенія: не такъ ли, мой маленькій товарищъ?

Съ этими словами м-рь Домби поднесъ къ губамъ и поц#ловаль ручку маленькаго товарища; но потомъ, испугавшись, по-видимому, что такой поступокъ несообразенъ съ его достоинствомъ, довольно неловко отошелъ прочь.

Докторъ Паркеръ Пепсъ, знаменитый придворный акушеръ, постоянный свид#тель приращенія знатныхъ фамилій, ходилъ по гостиной взадъ и впередъ, съ сложенными назадъ руками, къ невыразимому наслажденію домашнего врача, который въ посл#днія шесть нед#ль протрубилъ вс#мь своимъ паціентамъ, пріятелямъ и знакомымъ, что вотъ того и гляди м-съ Домби разр#шится отъ бремени, и его, по поводу этого событія, пригласять вм#ст# съ докторомъ Паркеромъ Пепсомъ.

– Ну, что, сэръ, – сказала Пепсъ звучнымъ, басистымъ голосомъ, – поправилась ли сколько-нибудь ваша любезная леди при нашемъ присутствіи?

– Ободрилась ли она? – прибавилъ домашой врачъ и въ то же время наклонился къ знаменитому акушеру, какъ-будто хот#ль сказать: "извините, что я вм#шиваюсь въ разговоръ, но случай этотъ важный".

М-рь Домби совершенно потерялся отъ такихъ вопросовъ! Онъ почти вовсе не думаль о больной и теперь не зналь, что отв#чать. Опомнившись, онъ проговорилъ, что докторъ Пепсъ доставить ему большое удовольствіе, если потрудится взойти наверхъ.

– Ахъ, Боже мой! – сказала Паркеръ Пепсъ. – Мы не можемъ больше отъ васъ скрывать, что ея св#тлость герцогиня – прошу извинить: я перем#шиваю имена, – я хот#ль сказать, что ваша любезная леди чувствуетъ чрезм#рную слабость и во всемъ ея организм# зам#тно всеобщее отсутствіе эластичности, а это такой признакъ, котораго мы...

– Не хот#ли бы вид#ть, – перебилъ домашой врачъ, почтительно наклонивъ голову.

– Именно такъ, – сказала Паркеръ Пепсъ, – этого признака мы не хот#ли бы вид#ть. По всему зам#тно, что организмъ леди Кенкеби, – прошу извинить, я хот#ль сказать организмъ м-съ Домби, – но я всегда перем#шиваю фамиліи паціентовъ.

– Еще бы, при такой огромной практик#! – бормоталь домашой врачъ. – Мудрено тутъ не см#шивать. Докторъ Паркеръ Пепсъ знаменитый, велик...

– Очень вамъ благодаренъ, – прерваль докторъ. – Такъ я хот#ль зам#тить, что организмъ нашей паціентки выдержаль такое потрясеніе, отъ котораго, быть можетъ, она освободится; но для этого необходимо съ ея стороны большіе, кр#пкое и...

– Могучее, – добавилъ домашой врачъ.

– Именно такъ, – продолжалъ докторъ, – и могучее усиліе. М-рь Пилькинсъ, по своему положенію врачебнаго сов#тника въ этомъ дом#, а я ув#ренъ, никто лучше его не можетъ выполнить этого назначенія

– Охъ! – пробормоталь домашой врачъ. – Удостоиться такой похвалы отъ знаменитаго придворнаго доктора Паркера Пепса!

– Вы слишкомъ добры, – возразилъ Паркеръ Пепсъ. – М-рь Пилькинсъ, говорю я, по своему положенію домашняго врача, очень хорошо знаетъ организмъ паціентки въ ея нормальномъ состояніи, – а такое знакомство весьма важно въ настоящемъ случа#. Мы оба теперь такого мн#нія, что натура должна сд#лать могучее усиліе, и если, сверхъ чаянія, наша интересная паціентка графиня Домби, – прошу извинить, – если м-съ Домби не...

– Не въ состояніи будетъ, – перебилъ домашой врачъ.

– Именно такъ. Если м-съ Домби не выдержитъ этого усилія, то въ такомъ случа# можетъ произойти опасный, очень опасный кризисъ, и посл#дствія его будутъ гибельны.

Н#сколько секунд эскулапы не говорили ни слова, опустивъ глаза въ землю. Потомъ, по н#мому движенію доктора Пепса, они пошли на верхъ. Домовый врачъ почтительно отворялъ двери передъ знаменитымъ собратомъ.

Мы будемъ несправедливы къ м-ру Домби, если скажемъ, что мн#ніе врачей не произвело на него никакого вліянія. Правда, онъ былъ вовсе не такой челов#къ, чтобы могъ когда-либо и отчего бы то ни было испытывать сильныя ощущенія; но если бы – чего Боже избави! – жена его вдругъ захворала и умерла, н#тъ сомн#нія, м-ръ Домби былъ бы очень огорченъ: тогда бы онъ почувствовалъ, что въ его хозяйств# недостаетъ одной изъ самыхъ драгоценныхъ мебели, и потеря ея была бы для него крайне чувствительна. Но само собою разум#ется, печаль его была бы холодная, спокойная джентльменская.

Между т#мъ, какъ м-ръ Домби разсуждалъ объ этомъ предмет#, размышленія его были прерваны посп#шной ходьбой и шумомъ платья на л#стниц#. Вдругъ вб#жала въ комнату женщина бол#е ч#мъ солидныхъ л#тъ, но перетянутая въ ниточку и од#тая по посл#дней мод#, какъ молодая дама въ полномъ расцв#т# юности и красоты. Лицо ея и вся фигура обличали сильное волненіе. Она стремительно бросилась къ нему на шею и сказала трогательнымъ голосомъ:

– Павель, милый мой Павель! В#дь онъ настоящій Домби!

– Что-жь тутъ мудренаго? – возразилъ братъ, – м-ръ Домби былъ братъ вб#жавшей лэди. – Фамильное сходство должно быть. Но отчего ты такъ встревожена, Луиза?

– Охъ, я знаю, что это глупо, – отв#чала Луиза, усаживаясь на стулъ и вынимая платокъ изъ ридикюля, – но онъ настоящій вылитый Домби. Въ жизнь я не видала такого сходства.

– Но въ какомъ положеніи Фанни? – сказалъ м-ръ Домби. – Съ нею что д#лается?

– Ничего, милый Павель, – отв#чала Луиза, – р#шительно ничего, пов#рь мн#, такъ-таки иросто ничего. Небольшое изнуреніе, истощеніе силъ, но ничего такого, что я вытерп#ла съ моимъ Жоржемъ или Фридерикомъ. Стоитъ ей немножко потерп#ть, – вотъ и все. О, если бы Фанни была Домби! Но я не сомн#ваюсь и даже ув#рена, что она сд#лаетъ это усиліе, котораго отъ нея требуютъ: в#дь она знаетъ, какъ это необходимо. – Ахъ, милый Павель, я вся взволнована, и дрожь проняла меня съ ногъ до головы: это глупо, очень глупо; но что д#лать? Ужь я такъ создана. Вели мн#, пожалуйста, дать рюмку вина и перекусить что-нибудь. Я думала, что совс#мъ упаду на л#стниц#, когда выб#жала отъ Фанни и посмотр#ла на нашего крошечнаго п#вунчика.

За этими словами, вызванными жив#йшимъ воспоминаніемъ о ребенк#, послышалась скромная походка, и кто-то слегка постучался въ дверь.

– М-съ Чиккъ, – проговорилъ ласковый женскій голосъ, – какъ вы себя чувствуете, моя милая?

– Любезный Павель, – тихонько сказала Луиза, вставая со стула, – это миссъ Токсъ, прекрасная, преинтересная д#вица: мн# никогда бы не быть безъ нея зд#сь! Миссъ Токсъ, рекомендую вамъ – братъ мой, м-ръ Домби; Павель, милый Павель, – рекомендую: моя искренняя пріятельница, мой лучшій другъ – миссъ Токсъ.

Отрекомендованная интересная д#вица была длинная, сухоощая фигура съ такимъ увядшимъ лицомъ, какъ-будто щеки ея были когда-то натерты линючей краской, и эта краска мгновенно сб#жала отъ д#йствія воды и солнечныхъ лучей. Зато ее можно было назвать настоящей розой учтивости и добродушія. Отъ продолжительной привычки вслушиваться во все, что при ней говорили, и внимательно всматриваться въ фізіономію собес#дниковъ, какъ-будто было у ней нам#реніе неизгладимо запечатл#ть въ душ# ихъ портреты, голова ея совершенно склонилась на одну сторону. Ея руки получили судорожную привычку подниматься сами собою въ знакъ невольнаго удивленія; въ глазахъ постоянно отражалось это же чувство. Голосъ ея былъ самый н#жный и вкрадчивый; на самой переносиц# ус#лась у нея

небольшая шишка, и огромный орлиный носъ ея, по этой причин#, никогда не вздергивался кверху.

Миссъ Токсъ од#валась богато и даже по мод#, но въ ея платье# всегда зам#тна была какая-то скудость и оборванность. На шляпк# или чепчик# у ней всегда красовались разнокалиберные цв#точки, и волосы иной разъ убирались странными букетами. Любопытные глаза зам#чали также, что на ея воротникахъ, манжетахъ, косынкахъ и вообще на всемъ, гд# долженъ быть узелъ, два конца никогда не сходились вм#ст# какъ сл#дуетъ, а торчали какъ-то страннымъ образомъ. Зимой носила она разные м#ховые наряды, налантины, боа, муфты; но все это никогда не приглаживалось, и м#хъ по обыкновенію тарачился въ разныя стороны. Она любила носить маленькіе кошельки съ замочками, стр#лявшими на подобіе пистолетовъ всякій разъ, когда она ихъ запирала или когда они запирались сами собою; эти и другія подобныя принадлежности въ ея костюм# сод#йствовали къ распространенію мн#нія, что миссъ Токсъ дама независимая во вс#хъ отношеніяхъ, и такое мн#ніе она при всякомъ случа# старалась обратить въ свою пользу. Ея мелкая, жеманная походка была также очень для нея выгодна: она разд#ляла обыкновенный шагъ на дв# или на три части, и это, какъ думали, происходило оттого, что миссъ Токсъ привыкла изъ каждой вещи д#лать возможно большее употребленіе.

– Ув#ряю васъ, – сказала миссъ Токсъ, – я всегда считала за величайшую честь быть представленной м-ру Домби; но, признаюсь, никакъ не думала удостоиться такой чести въ эту минуту. Любезная, милая м-съ Чиккъ... или ужъ позвольте назвать васъ просто Луизой.

М-съ Чиккъ кр#пко пожала руку миссъ Токсъ, поставила рюмку вина, отерла слезу и трогательнымъ голосомъ произнесла: – благодарю, благодарю васъ!

– Милая Луиза, – продолжала миссъ Токсъ, – дорогой мой, неоц#ненный другъ, какъ вы себя чувствуете?

– Теперь немного лучше, – отв#чала м-съ Чиккъ, – выпейте вина, моя милая; вы почти такъ-же взволнованы, какъ я, – вамъ надобно подкр#питъ.

М-ръ Домби началъ подчивать.

– Вотъ что, любезный Павель, – продолжала м-съ Чиккъ, взявъ подругу за руку, – зная, съ какимъ нетерп#ніемъ дожидалась я этого дня, несравненная миссъ Токсъ приготовила для Фанни небольшой подарокъ, который я об#щалась ей передать. Подарокъ этотъ – маленькая подушечка для булавокъ; но я должна сказать теб#, милый Павель, миссъ Токсъ обнаружила тутъ всю деликатность н#жнаго сердца. На подушечк# вышито: "пожалуйста сюда, крошечка Домби"! Каково?

– Это девизъ? – спросилъ братъ.

– Да, девизъ, – отв#чала Луиза.

– Но вы должны оправдать меня, милая Луиза, – сказала миссъ Токсъ тономъ покорной просьбы, – только лишь – ахъ, какъ бы это сказать? – неизв#стность этого случая заставила употребить такую свободу. Мн# бы гораздо приличн#й было выразиться: "пожалуйста сюда, господинъ Домби"! Но какъ могли мы знать, что дождемся такого ангельчика? Иначе бы я никакъ не позволила себ# эту непростительную фамильярность, ув#ряю васъ.

Говоря это, миссъ Токсъ сд#лала очень граціозный книксенъ, и м-ръ Домби отв#чалъ ей тоже очень граціознымъ поклономъ. Надобно сказать, братъ въ совершенств# понималъ свою сестру, считая ее слабой и пустой женщиной; т#мъ не мен#е м-съ Чиккъ им#ла надъ нимъ большое вліяніе именно потому, что очень искусно подд#львалась подъ его характеръ, толкуя безпрестанно о Домби и Сын#.

– Вотъ теперь, – сказала м-съ Чиккъ, сладко улыбаясь, – я готова за все простить Фанни, за все!

Посл# этого припадка христіанской любви къ ближнему, на душ# м-съ Чиккъ сд#лалось очень легко. Собственно говоря, ей вовсе не за что было прощать свою нев#стку, потому

что та ни въ чемъ передъ ней не провинилась: преступленіе ея состояло только въ томъ, что она осм#лилась выдти замужъ за ея брата, да еще разв# въ томъ, что за шесть л#тъ передъ этимъ б#дная женщина родила д#вочку вм#сто сына, котораго отъ нея ожидали.

Въ эту минуту м-ръ Домби посп#шно былъ отозванъ въ спальню жены, и дамы остались одн#. Миссъ Токсъ немедленно настроила себя на восторженный ладъ.

– Я знала, – зам#тила м-съ Чиккъ, – что братъ мой вамъ понравится. Я говорила, что вы будете ему удивляться.

Руки и глаза миссъ Токсъ выразили глубокое удивленіе.

– А какъ онъ богатъ, моя милая!

– Ужь и не говорите! – съ глубокимъ вздохомъ произнесла миссъ Токсъ.

– Да, намъ не пересчитать его милліоновъ.

– Но каково его обращеніе, милая Луиза! – зам#тила миссъ Токсъ. – Какая осанка, какой благородный, величественный видъ! Много мужчинъ, много джентльменовъ видала я на своемъ в#ку; но ни въ комъ и наполовину не нашла такихъ достоинствъ. Что-то этакое, знаете, какая-то въ немъ сановитость, прямота, и грудь такая широкая! Это настоящій финансовый герцогъ Йоркскій, никакъ не мен#е: такъ бы и хот#лось называть его: "Ваша финансовая св#тлость"!

– Что съ тобою, милый Павель? – вскричала сестра, увид#въ вошедшаго брата. – Ты такой бл#дный! Что тамъ случилось?

– Я ужасно разстроень, Луиза: доктора сказали, что Фанни...

– О, не в#рь имъ, милый Павель, не в#рь! Положись на мою опытность, мой другъ, я знаю въ чемъ д#ло: Фанни должна сд#лать надъ собой усиліе, вотъ и все тутъ. Но къ этому усилію, – продолжала сестра, снимая шляпку и хлопотливо над#вая перчатки, – ее надобно поощрить, побудить и даже принудить въ случа# нужды. Пойдемъ со мной.

На этотъ разъ м-ръ Домби д#йствительно пов#рилъ своей сестр#, какъ опытной женщиной#. Онъ н#сколько успокоился и молча пошелъ за ней въ комнату больной.

Родильница, какъ и прежде, лежала въ постели, прижавъ къ груди маленькую дочь. Д#вочка, какъ и прежде, плотно прильнула къ матери, не поднимая головы, не отнимая щекъ отъ ея лица. Она не обращала никакого вниманія на окружающихъ, не говорила, не шевелилась, не плакала.

– Ей д#лается хуже безъ этой д#вочки, – шепнулъ докторъ м-ру Домби. – Мы нарочно ее оставили.

Вокругъ постели господствовала торжественная тишина. Врачи смотр#ли на безжизненное лицо съ такимъ состраданіемъ, съ такую безнадежностью, что м-съ Чиккъ хот#ла сначала оставить свое нам#реніе. Вскор# однако-жь, призвавъ на помощь свою храбрость и то, что называлось у ней присутствіемъ духа, она подс#ла къ постели и тихонько проговорила такимъ голосомъ, какъ-будто хот#ла разбудить спящую:

– Фанни! Фанни!

Никакого отв#та! Торжественная тишина нарушалась только громкимъ боемъ карманныхъ часовъ м-ра Домби и доктора Паркера Пепса.

– Фанни, милая Фанни, – повторяла м-съ Чиккъ съ принужденною веселостью, – зд#сь м-ръ Домби, онъ желаетъ вид#ть тебя. Не хочешь ли говорить съ нимъ? Надо сюда положить твоего ребенка, Фанни, твоего сына, моя милая; ты еще не видала его? А в#дь нельзя его положить, пока ты не привстанешь. Ну, моя милая, понатужься немножко; ну же?

Она нагнулась ухомъ къ постели и прислушивалась, значительно въ то же время поглядывая на зрителей, поднявъ палецъ вверхъ.

– Ну же, ну! – повторила она. – Что ты говоришь, Фанни? Я не слышала.

Н#мое, упорное молчаніе, ни мал#йшаго звука въ отв#тъ. Часы м-ра Домби и Пепса б#жали взапуски, стараясь, по-видимому, перегнать другъ друга.

– Что-жъ ты, въ самомъ дѣлѣ, милая Фанни? – говорила невѣстка, перемѣняя положеніе и принявъ серьезный тонъ. – Я разсорюсь съ тобой, если ты не встанешь. Тебѣ необходимо сдѣлать усиліе, быть можетъ, болѣзненное, мучительное усиліе; но ты знаешь, Фанни, на этомъ свѣтѣ ничего не достается даромъ, и мы не должны унывать, когда такъ много зависитъ отъ насъ. Ну же, милая Фанни, попробуй, попытайся, не то я право разсержусь на тебя.

Бѣготня часовъ при слѣдующей паузѣ доходила до свирѣпаго неистовства: казалось, они сталкивались и колотили другъ друга.

– Фанни! – продолжала Луиза, осматриваясь вокругъ съ возрастающимъ безпокойствомъ. – По крайней мѣрѣ, взгляни на меня. Открой глаза и покажи, что ты слышишь и понимаешь меня: не такъ ли? – Ахъ, силы небесныя! Ну что тутъ дѣлать, господа?

Врачи значительно помѣнялись взорами черезъ постель. Акушеръ, нагнувшись, шепнулъ что-то на ухо ребенку. Не понявъ содержанія словъ, дѣвочка обратила на доктора свое совершенно безцвѣтное лицо и глубокіе темные глаза; но ни на сколько не измѣнила своей позы.

Докторъ повторилъ свои слова.

– Маменька! – сказала дѣвочка.

Знакомый любимый голосокъ пробудилъ лучъ сознанія въ угасающей душѣ. Больная открыла глаза, и легкая тѣнь улыбки показалась на ея устахъ.

– Маменька! – кричалъ ребенокъ, громко рыдая. – Милая мама! Охъ, милая мама!

Докторъ тихонько отнял локоны дѣвочки отъ лица и губъ матери. Увы! Какъ спокойно они тамъ лежали! Какъ мало было дыханія въ этихъ устахъ, чтобы пошевелить ихъ!

И бѣдная мать, крѣпко ухватившись за эту слабую вѣтку, въ ея объятіяхъ, поплыла далеко по темному и невѣдомому морю, которое волнуется вокругъ всего свѣта.

Глава II

Изъ которой видно, какъ въ благоустроенныхъ фамиліяхъ заран#е принимаютъ м#ры противъ всего, что можетъ случиться

– Ахъ, какъ я рада, что за все простила б#дную Фанни! В#дь вотъ оно что, – кто бы могъ предвид#ть такой случай? Ужъ подлинно, самъ Богъ меня надоумилъ. Ну, теперь что бы ни случилось, а это всегда будетъ для меня ут#шеніемъ.

Такъ говорила м-съ Чиккъ, воротившись въ гостиную отъ модистокъ, занятыхъ наверху шитьемъ фамильнаго траура. Это зам#чаніе она сд#лала въ назиданіе своего супруга, м-ра Чикка, толстаго, пл#шиваго джентльмена съ широкимъ лицомъ, съ руками постоянно опущенными въ карманы. М-ръ Чиккъ им#лъ маленькую слабость насвистывать и нап#вать разныя аріи везд#, гд# бы ни привелось ему быть, и теперь, въ дом# с#тованія и печали, ему трудно было удержаться отъ любимой привычки.

– Не суетись такъ, Луиза, – зам#гиль въ свою очередь м-ръ Чиккъ, – съ тобой, пожалуй, опять сд#лаются спазмы. Тра-ла-ла! Фи, чортъ побери, все забываюсь. – Какъ, подумаешь, коротка жизнь-то челов#ческая!

М-съ Чиккъ бросила сердитый взглядъ и продолжала свою назидательную р#чь:

– Над#юсь, – говорила она, – этотъ трогательный случай для вс#хъ послужить урокомъ, какъ необходимо вставать и д#лать усилія, когда этого отъ насъ требуютъ. Во всемъ есть нравоученія: ум#й только ими пользоваться. Сами же будемъ виноваты, если выпустимъ изъ виду такой страшный урокъ.

Въ отв#тъ на эту сентенцію м-ръ Чиккъ очень некстати затянулъ совершенно неприличную арію "Ужъ какъ жилъ поживаль сапожникъ" и вдругъ, остановивъ себя, съ н#которымъ смущеніемъ зам#гиль, что, конечно, наша вина, если мы не пользуемся такими несчастными случаями.

– Ты могъ бы, я думаю, говорить объ этомъ, не насвистывая своихъ гадкихъ п#сень, – возразила м-съ Чиккъ, сд#лавъ своему супругу очень непріятную мину.

– Что д#лать, душа моя, – отв#чала м-ръ Чиккъ, – привычка!

– Глупость, а не привычка, мой милый. Умный челов#къ постыдился бы такъ оправдываться! Привычка! Если бы я, наприм#ръ, привыкла ходить вверхъ ногами по потолку, какъ мухи, тогда, я знаю, не перестали бы толковать объ этомъ.

М-ръ Чиккъ не счелъ нужнымъ оспаривать, что такая привычка д#йствительно получила бы н#которую гласность.

– Ну, что, Луиза, каковъ ребенокъ? – спросилъ онъ, чтобы перем#нить разговоръ.

– О какомъ ребенк# говоришь ты? – возразила м-съ Чиккъ. – Сегодня въ столовой было ц#лое стадо д#тей.

– Стадо д#тей! – бормоталъ м-ръ Чиккъ, съ безпокойствомъ озираясь вокругъ.

– Тутъ нечего и толковать, – продолжала м-съ Чиккъ, – н#гь б#дной матери, такъ надо пріискать кормилицу.

– Охъ! Ахъ! – говорилъ м-ръ Чиккъ. – Тра-ла-ла! Жизнь-то наша, подумаешь. Ты ужъ, в#роятно, нашла кормилицу, моя милая?

– Покам#стъ н#гь еще, – отв#чала м-съ Чиккъ, – а между т#мъ ребенокъ...

– Отправится къ чорту, – зам#гиль глубокомысленно м-ръ Чиккъ, – я ув#ренъ въ этомъ.

Сердитый взглядъ почтенной супруги напомнилъ ему всю неум#стность этой выходки. Чтобы поправить такой промахъ, онъ прибавилъ:

– Нельзя ли, по крайней м#р#, ч#мъ – нибудь помочь до времени б#дному сиротинк#?

Эта н#жная заботливость о б#дномъ сиротинк# была, сверхъ чаянiя, ув#нчана вожде-ленн#йшимъ усп#хомъ. М-сь Чиккъ, не сказавъ ни слова своему супругу, величественно встала, подошла къ окну и съ большимъ вниманiемъ смотр#ла черезъ стору на подь#зжав-шiй экипажъ. М-ръ Чиккъ, тоже не сказавъ ни слова, началъ ходить по комнат#, покоряясь судьб#, которая, на этотъ разъ, была противъ него. Не всегда, однако-жь, терп#ль онъ такую невзгону. Случалось, на его улиц# тоже бывалъ прадзникъ, и тогда онъ жестоко наказывалъ Луизу. Говоря вообще, это была самая согласная, чудесно подобранная, другъ для друга сотворенная чета. Когда разгоралась между ними ссора, заран#е никакъ нельзя было угадать, на чьей сторон# будетъ верхъ. Иной разъ м-ръ Чиккъ уже совс#мъ, по-видимому, готовъ былъ сдаться, какъ вдругъ ни съ того, ни съ сего вскакивалъ онъ съ м#ста, хваталъ стулья, стучалъ безъ милосердiя надъ самымъ ухомъ озадаченной суируги и бросалъ все, что ни подверты-валось подъ руку. Но если окончательная поб#да была на сторон# м-сь Чиккъ, супружеская размолвка принимала какой то нер#шительный характеръ, полный жизни и одушевленiя.

Когда экипажъ остановился у подь#зда, въ комнату вдругъ со вс#хъ ногъ вб#жала миссъ Токсъ, едва переводя духъ.

– Луиза, милая Луиза, – говорила она, – м#сто еще в#дъ не занято?

– Какъ вы добры, мой безц#нный другъ, – отв#чала м-сь Чиккъ, – н#тъ еще, мой ангелъ.

– Въ такомъ случа#, милая Луиза, – продолжала миссъ Токсъ, – я над#юсь и ув#рена... но погодите, я тотчасъ приведу.

Черезъ минуту миссъ Токсъ снова вб#жала въ комнату, сопровождаемая ц#лымъ кон-воемъ гостей, которыхъ она высадила изъ наемной кареты. Это были: полная, круглоли-цая, краснощекая, здоровая молодая женщина, съ толстымъ ребенкомъ на рукахъ, за ней – молодая женщина, не такая полная, но тоже краснощекая и круглолицая, какъ наливное яблоко; она вела двухъ мальчиковъ, очень полныхъ и совершенно круглолицыхъ; позади, самъ собою, шелъ еще мальчикъ, круглолицый и очень полный. Наконецъ, посл# вс#хъ выступалъ изъ-за двери толстый и круглолицый, какъ яблоко, мужчина съ полнымъ и совер-шенно круглолицымъ ребенкомъ на рукахъ; онъ поставилъ его на полъ и сказалъ сиплымъ голосомъ; "держись кр#пче за братца Джонни".

– Милая Луиза, – сказала миссъ Токсъ, – зная ваше безпокойство и желая помочь горю, я отправилась въ родильный домъ королевы Шарлотты и спросила, н#тъ ли тутъ кормилицы въ хорошей домъ? Мн# сказали, что н#тъ. Посл# этого отв#та, вы не пов#рите, моя милая, я пришла въ совершенное отчаянiе на вашъ счетъ. Но къ счастью, надо же такъ случиться: одна дама, услышавъ, въ чемъ д#ло, сказала, что знаетъ женщину очень хорошую во вс#хъ отношенiяхъ. Едва я это услышала, я взяла адресъ, моя дорогая, и тотчасъ отправилась.

– Какъ вы добры, какъ услужливы, моя милая, – сказала Луиза.

– Погодите, погодите, еще не все, – возразила миссъ Токсъ. – Когда я вошла въ домъ – какая чистая комната, моя милая, вы могли бы кушать на полу! – Все семейство сид#ло за столомъ и, какъ мн# показалось, что никакая рекомендацiя не сравнится съ т#мъ, что я увид#ла, то я р#шилась вс#хъ ихъ привести съ собою, чтобы лично представить вамъ и м-ру Домби. Вотъ этотъ джентльмень, – продолжала миссъ Токсъ, указывая на толстаго круг-лолицаго мужчину, – отецъ семейства. Не угодно ли вамъ, сэръ, подойти поближе?

Круглолицый мужчина, повинувшись приказанiю, неповоротливо выступилъ впередъ и оскалилъ зубы.

– А вотъ это его жена, – продолжала миссъ Токсъ, обращаясь къ молодой женщин# съ ребенкомъ. – Какъ ваше здоровье, Полли?

– Слава Богу, сударыня, благодарю васъ, – отв#чала женщина.

Миссъ Токсъ говорила какъ со старыми знакомыми, которыхъ не видала около двухъ нед#ль.

– Очень рада, очень рада, – продолжала она. – А эта другая молодая женщина – ее незамужняя сестра, она живетъ съ ними и ходитъ за ихъ д#тьми. Ее зовутъ Джемимой. Какъ вы поживаете, Джемима?

– Очень хорошо, сударыня, благодарю васъ, – отв#чала Джемима.

– Ну, слава Богу, очень рада, – сказала миссъ Токсъ. – Над#юсь, и всегда будетъ хорошо. Пятеро д#тей. Младшему шесть нед#ль. Вотъ этотъ прелестный мальчикъ съ прыщикомъ на носу старшій сынъ. Отчего у него прыщикъ? – продолжала миссъ Токсъ, обращаясь съ вопросительнымъ взгндомъ къ почтенному семейству.

– Отъ утюга, – пробормоталъ сквозь зубы яблочный мужчина.

– Извините, сэръ, что вы сказали?

– Отъ утюга, – повторилъ глава семейства.

– Ахъ, да, я и забыла, – продолжала миссъ Токсъ. – Именно такъ, отъ утюга. Ребенокъ, въ отсутствіи матери, дотронулся до горячаго утюга. Вы совершенно правы, сэръ. Когда я была у васъ, вы мн# сказали также, что ваше ремесло...

– Кочегаръ, сударыня.

– Да, кочегаръ, – повторила миссъ Токсъ.

– Кочегаръ, сударыня, на паровой машин#.

– Ну, да, кочегаръ на парахъ, – сказала миссъ Токсъ, по-видимому не совс#мъ хорошо понимая значеніе этого ремесла. – А какъ оно вамъ нравится?

– Что, сударыня?

– Ваше ремесло.

– Славнае ремесло, сударыя. Только иной разъ пепель входитъ сюда, – онъ указалъ на грудь, – и отъ этого голось становится сиплымъ. Я, вотъ видите, хриплю, сударыня, но это отъ пепла, не отъ чего другого.

Миссъ Токсъ, по-видимому, такъ мало понимала это объясненіе, что не знала, какъ продолжать разговоръ. Между т#мъ м-съ Чиккъ подробно спрашивала жену кочегара о д#тяхъ, о домашнемъ жить#-быть#, о брачномъ свид#тельств#, и такъ дал#е. Когда молодая женщина съ честью выдержала этотъ экзамень, м-съ Чиккъ отправилась съ донесеніями въ комнату брата, взявъ съ собой двухъ особенно полныхъ краснощекихъ мальчиковъ, какъ блистательное дополненіе къ своей рекомендаціи.

М-ръ Домби по смерти жены безвыходно оставался въ своей комнат#, погруженный въ глубокія размышленія относительно младенчества, юности, воспитанія и будущей судьбы своего сына. Тяжелое и холодное бремя лежало на его душ#; но онъ горевалъ больше о лишеніяхъ сына, ч#мъ о собственной своей потер#. Какая опасность, какія огорченія ожидаютъ его при самомъ вступленіи въ св#тъ! Жизнь только что начинается, – и вотъ нужно приискывать чужую, постороннюю женщину, отъ которой будутъ завис#ть первыя впечатл#нія, первое развитіе ребенка: какое горестное униженіе для Домби и сына! Мысль, что наемная женщина должна будетъ на время выполнять вс# обязанности матери, была такъ противна, такъ огорчительна для гордой и ревливой души его, что онъ чувствовалъ явное удовольствіе всякій разъ, когда отказывалъ кандидаткамъ, которыхъ ему представляли. Но пришло наконецъ время, когда нужно прекратить борьбу между этими двумя чувствованіями. Передъ нимъ стояли прекрасныя д#ти будущей кормилицы, безукоризненной во вс#хъ отношеніяхъ, блистательно отрекомендованной родною сестрой и услужливою миссъ Токсъ.

– Д#ти очень здоровы, – сказалъ Домби, – но когда я подумаю, что со временемъ они, н#которымъ образомъ, сд#лаются роднею моего Павла... Отведи ихъ, Луиза! Пусть войдетъ женщина съ своимъ мужемъ.

Черезъ минуту неуклюжая чета остановилась передъ очами м-ра Домби.

– Я понимаю, – сказалъ онъ, поворачиваясь въ креслахъ, какъ заведенная безжизненная машина, а не какъ существо изъ плоти и крови; – вы б#дны и вы желаете заработать деньжо-

ночь чрезъ воспитаніе дитяти, моего сына, который такъ рано понесъ нич#мъ незам#нимую потерю. Я съ своей стороны не прочь пособить вамъ. Судя по всему, вы годитесь для моего сына. Но прежде ч#мъ вы войдете въ мой домъ, я долженъ предложить два-три условія, и отъ васъ будетъ завис#ть принять или не принять ихъ. Какъ ваша фамилія?

– Тудль, – отв#чала молодая женщина.

– Во все время, как вы пробудете у меня, – продолжалъ м-ръ Домби, – вы должны прозваться «Р_и_ч_а_р_д_с_ъ»: это обыкновенная и очень приличная фамилія. Принимаете ли вы это условіе? Посов#туйтесь съ мужемъ.

Но почтенный супругъ только скалилъ зубы и безпрестанно подносилъ ко рту правую руку, отчего ладонь была у него очень мокра. М-съ Тудль толкнула его два или три раза; но такъ какъ это его нисколько не образумило, она учтиво сд#лала книксенъ и сказала, что, в#роятно, дадутъ ей особую плату, если она перем#нитъ свою фамилію.

– Само собою разум#ется, – отв#чала м-ръ Домби. – Но объ этомъ р#чь впереди. Теперь вотъ еще условіе: во все время, какъ станете вы, за изв#стное вознагражденіе, воспитывать моего сиротку, я желаю, чтобы вы какъ можно р#же вид#лись со своимъ семействомъ. Потомъ, какъ скоро услуги ваши сд#лаются бесполезными и денежные счета будутъ между нами кончены, я хочу, чтобы съ того времени прекратились вс# сношенія между нами. Понимаете ли вы меня?

М-съ Тудль, по-видимому, не совс#мъ вникла въ смыслъ этого условія, а супругъ ея попрежнему скалилъ зубы, вовсе не обращая вниманія на разговоръ.

– У васъ есть свои д#ти, – продолжалъ м-ръ Домби. – Въ нашу торговую сд#лку отнюдь не входить, что вы обязаны полюбить моего сына или чтобы мой сынъ со временемъ любилъ васъ. Я не ожидаю и вовсе не желаю чего-нибудь въ этомъ род#. Совс#мъ напротивъ. Какъ скоро вы отойдете, торгъ нашъ оконченъ, условія выполнены, и вы не должны больше знать моего дома. Ребенокъ перестанетъ васъ помнить и вы, если угодно, можете совершенно забыть моего сына.

Яркій румянецъ покрылъ и безъ того красныя щеки м-съ Тудль. Она потупила глаза и отв#чала:

– Над#юсь, сэръ, я знаю свое м#сто.

– Конечно, конечно, – продолжалъ м-ръ Домби, – я ув#ренъ, что вы отлично понимаете свое м#сто. Иначе и быть не можетъ: это такъ просто и обыкновенно! Любезная Луиза, уговорись съ этой женщиной насчетъ жалованья, и скажи, что она можетъ получить деньги когда ей угодно. Теперь съ вами, м-ръ – какъ ваше имя? – пару словъ.

Задержанный такимъ образомъ на порог# при выход# изъ комнаты вм#ст# съ женой, Тудль воротился и очутился одинъ на одинъ съ мромъ Домби. Это былъ дюжій, широкоплечій, косматый, неуклюжій мужчина въ растрепанномъ плать#, съ мозолями на рукахъ, съ четырехугольнымъ лбомъ, съ густыми волосами, съ черными усами и бакенбардами, еще бол#е вычерненными дымомъ и копотью. Онъ представлялъ во вс#х;ь отношеніяхъ поразительный контрастъ съ м-ромъ Домби, принадлежавшимъ къ пород# т#хъ гладко обритыхъ и выстриженныхъ купцовъ-капиталистовъ, у которыхъ голова лоснится, какъ новая банковая ассигнація, и которые, по-видимому, вспырнуты золотымъ дождемъ.

– Есть у васъ сынъ? – спросилъ м-ръ Домби.

– Четыре, сэръ. Четверо сыновей и одна дочь. Вс# живехоньки.

– Вамъ, я думаю, довольно трудно содержать ихъ? – продолжалъ м-ръ Домби.

– Трудновато, сэръ; но еще было бы трудн#е...

– Что такое?

– Потерять ихъ, сэръ.

– Ум#ете вы читать? – спросилъ м-ръ Домби.

– Не бойко, сэръ.

– А писать?

– М#ломъ, сэръ?

– Ч#мъ-нибудь.

– М#ломъ немножко маракаю, когда мн# показывают, – сказала Тудль посл# н#кого-раго размышления.

– А в#дь вамъ, я думаю, будетъ около тридцати двухъ или трехъ л#тъ.

– Да, около этого, сэръ, – отв#чалъ Тудль, подумавъ немного побольше.

– Отчего же вы не учитесь? – спросилъ м-ръ Домби.

– Я ужъ подумываю объ этомъ, сэръ. Вотъ видите ли, одинъ изъ моихъ мальчугановъ скоро будетъ ходить въ школу, и тогда мы станемъ учиться вм#ст#. . . то есть, онъ будетъ мн# показывать,

– Хорошо! – сказала м-ръ Домби, внимательно и не совс#мъ благосклонно посмотр#въ на своего собес#дника, который между т#мъ, разиня ротъ, осматривалъ комнату, особенно потолокъ. – Вы слышали, что я сказала вашей жен#?

– Полли все слышала, сэръ, – сказала Тудль, указывая черезъ плечо шляпой къ дверямъ, съ видомъ совершенн#йшаго дов#рія къ дражайшей половин#. – Все будетъ ладно.

– Такъ какъ вы во всемъ полагаетесь на свою жену, – продолжалъ м-ръ Домби, обманутый въ нам#реніи ясн#йшимъ образомъ изложить свои условія мужу, какъ главному лицу въ этой сд#лк#, – то я думаю, мн# не о чемъ больше толковать съ вами.

– Совершенно не о чемъ, сэръ, – отв#чалъ Тудль. – Полли все слышала, а ужъ она не дастъ промаху.

– Такъ я не хочу дольше васъ удерживать, – сказалъ м-ръ Домби, озадаченный неожиданнымъ отв#томъ. – А гд# вы работали?

– Сперва, сэръ, подъ землею, пока не былъ женатъ. А теперь работаю наверху. Я хожу на жел#зные дороги, когда ихъ совс#мъ отд#лываютъ.

Какъ посл#дняя соломенка подавляетъ своей тяжестью спину навьюченного верблюда, такъ это посл#днее изв#стіе о подземельной работ# окончательно разстроило гордую дуиу м-ра Домби. Онъ молча указалъ на дверь будущему кормильцу своего сына, и тотъ вышелъ, по-видимому, очень охотно. Потомъ, заперевъ комнату, м-ръ Домби началъ ходить взадъ и впередъ, погруженный въ горькое раздумье. Несмотря на непоколебимое достоинство и ум#нье влад#ть собою, слезы невольно текли изъ его глазъ, и часто въ сильномъ волненіи онъ повторялъ: "б#дное, б#дное дитя"! Этой горести, этого разстроеннаго вида м-ръ Домби ни за что въ св#т# не обнаружилъ бы передъ другими людьми.

Довольно характеристическая черта въ гордости нашего героя, что онъ въ своемъ сын# жал#лъ самого себя. "И такъ", говорилъ онъ, "я принужденъ вв#рить своего сына жен# грубаго рабочаго, всю жизнь работавшаго подъ землею!.. А между т#мъ смерть ни разу не поступалась въ двери этого рабочаго, а за столомъ его ежедневно об#даютъ четверо сыновей. Что будетъ съ тобою, б#дное дитя мое"?

Эти слова шевелились на его губахъ, какъ вдругъ пришло ему въ голову, – и зд#сь опять новое доказательство притягательной силы, по которой вс# его надежды, опасенія, мысли постоянно стремились къ одному общему центру, – что эта женщина подвергалась въ его дом# великому искушенію. Собственный ея ребенокъ былъ еще въ пеленкахъ: что, если она задумаетъ подм#нить его на м#сто маленькаго Домби?

Хотя эту мысль онъ тотчасъ же отвергнулъ какъ романическую и нев#роитную, – впрочемъ безспорно возможную, – однако, воображеніе его невольно продолжало рисовать картину такого подм#на. Что мн# д#лать, думалъ онъ, если обманъ откроется, когда ребенокъ уже вырастетъ? Въ состояніи ли буду я, посл# многихъ л#тъ, лишить обманщика своей заботливости, дов#рія и привычной н#жности, и перенести все это на родного сына, который между т#мъ сд#ляется для меня совершенно чужимъ?

Впрочемъ, это необыкновенное волненіе скоро прошло, и опасенія совершенно исчезли. Т#мъ не мен#е м-ръ Домби р#шился на всякій случай строго присматривать за кормилицей, не давая ей этого зам#тить. На душ# у него стало легко, и теперъ былъ онъ очень радъ, что заран#е выговорилъ условіе, отстранявшее т#сную связь между этой женщиной и его сыномъ.

Между т#мъ условія между м-съ Чиккъ и Ричардсъ, при сод#йствіи миссъ Токсъ, были заключены, и Ричардсъ съ большими церемоніями, какъ будто давали ей орденъ, получила маленькаго Домби, передавъ въ то же время, посл# многихъ слезъ и поц#луевъ, своего ребенка Джемим#. Потомъ принесли вина, чтобы развеселить печальныхъ гостей.

– Не хотите ли рюмку вина, сэръ? – сказала миссъ Токсъ, когда вошелъ Тудль.

– Благодарствую, сударыня, – отв#чалъ кочегаръ, – почему же н#тъ? Выпить можно, когда подносятъ.

– Не правда ли, вамъ очень пріятно оставить свою милую жену въ такомъ почтенномъ дом#? – продолжала миссъ Токсъ, лукаво прищуривая глаза и кивая головой въ его сторону.

– Вовсе н#тъ, сударыня, – отв#чалъ Тудль, – мн# пріятн#е было бы увезти ее назадъ.

При этомъ Полли заплакала навзрыдъ. М-съ Чиккъ, по женскому инстинкту, поняла, что такая неум#ренная печаль можетъ сд#латься вредною для маленькаго Домби, и немедленно посп#шила на выручку.

– О чемъ тужить, моя милая? – сказала она. – Вашъ ребенокъ вырастетъ безъ горя и безъ нужды подъ надзором# тетушки Джемимы, и вы зд#сь будете совершенно счастливы. Что д#лать? Безъ горя на этомъ св#т# ничего не бываетъ; надо влад#ть собою. Не сняли ли съ васъ м#рку, Ричардсъ, для траурнаго платья?

– Сняли, сударыня, – рыдая отв#чала Полли.

– А платье будетъ чудесное, – продолжала м-съ Чиккъ, – эта мадамъ шьетъ и для меня. Безподобная матерія!

– Вы будете такъ хороши, – прибавила миссъ Токсъ, – что и мужъ васъ не узнаетъ: не правда ли, сэръ?

– Неправда, – угрюмо возразилъ Тудль, – я угадаю ее везд# и во всемъ.

Ясно, кочегаръ отъ рукъ отбивался.

– Что касается до кушанья, Ричардсъ, – сказала м-съ Чиккъ, – самыя лучшія блюда будутъ въ вашемъ распоряженіи. Вы сами станете заказывать об#дъ, и все, чего ни захотите, мигомъ для васъ приготовить.

– О, разум#ется! – сказала миссъ Токсъ, усердно поддерживая подругу. – И пива она можетъ также пить сколько душ# угодно. Не правда ли, Луиза?

– Конечно, конечно, – отв#чала м-съ Чиккъ такимъ же тономъ. – Только вамъ нужно будетъ, моя милая, немножко воздержаться отъ зелени.

– И еще, можетъ быть, отъ соленаго, – подхватила миссъ Токсъ.

– А кром# зелени и соленаго, – продолжала Луиза, – вы будете получать все, что хотите, безъ всякаго ограниченія.

– Вы знаете, разум#ется, – сказала миссъ Токсъ, – что она горячо любитъ своего собственного ребенка, и вы, я ув#рена, Луиза, не станете ее бранить за это?

– О, безъ сомн#нія! – благосклонно отв#чала м-съ Чиккъ.

– Но ей, конечно, – продолжала миссъ Токсъ, – нужно обратить все вниманіе, всю заботливость на своего маленькаго воспитанника. Она должна считать величайшимъ счастьемъ, что этртъ херувимчикъ, такъ т#сно связанный съ высшимъ обществомъ, будетъ на ея глазахъ расцв#тать съ каждымъ днемъ. Не правда ли, Луиза?

– Безъ всякаго сомн#нія! – сказала м-съ Чиккъ. – Вы видите, душа моя, она ужъ совершенно успокоилась и думаетъ только, какъ бы съ веселымъ сердцемъ и улыбкой проститься со своей сестрицей Джемимой, съ д#тками и съ честнымъ мужемъ. Не такъ ли, моя милая?

– Ну, да, – вскричала мисс Токс, – видно по глазам, что ей хочется проститься.

Бедная Полли с отчаянием в душ обняла всех членов семейства и потом хотела скрыться в своей комнате, чтобы избежать горестной разлуки с детьми. Но хитрость не удалась: младший сын, угадывая намерение матери, ухватился за ее платье и побжаль вместе с ней, между тем как старший, прозванный в семейственном котлом, в воспоминание паровой машины, забил ногами яростную тревогу, и его примером последовали прочие члены семейства.

Несколько апельсинов и мелких денег усмирили маленьких Тудлей, и семейство немедленно отправилось домой в наемной карете, ожидавшей у подъезда. Дети, под надзором Джемимы, стали у окна и бросали оттуда апельсины и деньги. Сам м-р Тудль расположился на запятках, считая этот род занятий удобным для всех.

Глава III

Мистеръ Домби, какъ человѣкъ и отецъ, является главою домашняго департамента

Когда похороны покойной леди были окончены къ совершенному удовольствію гробовщика и вообще всѣхъ сосѣдей, очень взыскательныхъ на этотъ счетъ и готовыхъ обижаться за всякія упущенія при такихъ церемоніяхъ, различные члены въ хозяйственномъ департаментѣ м-ра Домби заняли свои мѣста по домашнему управленію. Семеймалыимиръ – увы! – какъ и большой, отличался похвальною способностью скоро забывать своихъ мертвецовъ. Когда кухарка сказала, что покойница – важная ей память! – была очень тихаго характера, а ключница прибавила, что таковъ есть общій жребій всѣхъ человѣковъ; когда буфетчикъ сказалъ: "кто бы могъ это подумать!", а горничная съ лакеемъ проговорили, что имъ все это мерещится какъ будто во снѣ; тогда назидательный предметъ совершенно истощился, и всѣ единодушно рѣшили, что траурное платье слишкомъ скоро износилось.

Что касается до кормилицы Ричардсъ, заключенной наверху въ качествѣ почетной плѣнницы, заря новой ея жизни, казалось, разсвѣтала холодно и угрюмо. Огромный домъ м-ра Домби стоялъ на тѣмной сторонѣ высокой, темной и во всѣхъ отношеніяхъ модной улицы между Портлендской площадью и Брайэнстонскимъ скверомъ. Это былъ угольный домъ, занятый внизу погребамъ съ желѣзными рѣшетками и кривыми дверями, искоса поглядывающими на мусорныя ямы, печальный домъ съ круглыми флигелями назади, содержащими цѣлый рядъ парадныхъ комнатъ, обращенныхъ на дворъ, устланный щебнемъ, гдѣ торчали два тощихъ дерева съ почернѣвшими пнями и вѣтвями, съ закоптѣлыми листьями, которые немилосердно трещали при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра. Лѣтнее солнце появлялось на улицѣ только во время завтрака вмѣстѣ съ водовозами, ветошниками, починщиками старыхъ зонтиковъ, цвѣточниками и продавцами стѣнныхъ часовъ, возвѣщавшими о своемъ появленіи звонкой трелью колокольчика. Но скоро дневное свѣтило исчезало, а за нимъ выступали на сцену бродячія труппы музыкантовъ, шарманщики съ куклами и обезьянами, продавцы бѣлыхъ мышей, а иногда, для довершенія спектакля, появлялся балагуръ, промышлявшій ежами. Въ сумерки, когда вся эта компанія съ дневной добычей убиралась во свояси, выходили къ воротамъ лакеи, если господа ихъ обѣдали не дома, и фонарщикъ, по заведенному обычаю, употреблялъ суетныя усилія освѣтить улицу газомъ.

Огромный и пусть былъ домъ м-ра Домби снаружи и внутри. Тотчасъ же, послѣ похоронъ негоціантъ приказалъ накрыть чехлами всю мебель – быть можетъ, для того, чтобы сберечь ее для сына – и фізіономія комнатъ измѣнилась, за исключеніемъ тѣхъ, которыя оставлены были для самого хозяина въ нижнемъ этажѣ. Среди уединенныхъ залъ и гостиныхъ явились таинственныя фигуры изъ стульевъ и столовъ, собранныхъ въ одну кучу и нахлобученныхъ большими саванами. На колокольчикахъ, столахъ, зеркалахъ, окутанныхъ газетными и журнальными листами, мелькали отрывочныя извѣстія о смертяхъ и страшныхъ убійствахъ. Каждая люстра, обернутая въ голландское полотно, казалась огромной чудовищной слезою, висѣвшей изъ потолочнаго глаза. Изъ каждаго камина несло сыростью и затхлымъ воздухомъ, какъ изъ могильнаго склепа. Умершая и похороненная леди смотрѣла изъ картинной рамы, какъ страшное привидѣніе въ бѣломъ саванѣ. Вѣтеръ между тѣмъ безпрестанно развѣвалъ полусгнившіе клочки соломы, насланной подлѣ дома, когда хозяйка была больна: эти клочки, по какому-то невидимому притяженію, постоянно летѣли къ порогу противоположнаго грязнаго дома, который отдавался внаймы, и, казалось, посылали оттуда печальную рѣчь къ окнамъ м-ра Домби.

Комнаты, назначенныя негоціантомъ для собственнаго употребленія, примыкая къ большой зал#, состояли изъ кабинета, библіотеки и столовой, въ которую превращена маленькая стеклянная горница, обращенная окнами къ означеннымъ сухопарымъ деревьямъ, гд# по обыкновению разгуливали кошки. Библиотека была въ то же время и гардеробною, такъ что запахъ веленовой бумаги, пергамента, кожи и русскаго сафьяна см#шивался въ ней съ запахомъ ваксы и сапоговъ. Эти три комнаты соединялись бдна съ другого. Поутру, когда м-рь Домби изволилъ кушать свой обыкновенный завтракъ, и вечеромъ, когда онъ возвращался домой къ об#ду, мадамъ Ричардсъ должна была, по звону колокольчика, являться въ стеклянную комнату и расхаживать взадъ и впередъ со своимъ маленькимъ питомцемъ. Бросая по временамъ украдкой б#глые взоры на м-ра Домби, который сид#лъ въ далекомъ углубленіи и безмолвно посматривалъ на ребенка изъ-подъ темной тяжелой мебели – домъ былъ правд#довскій, старомодный и угрюмый – кормилица мало-по-малу начала приходить къ заключенію, что хозяинъ ея очень похожъ на арестанта въ тюремномъ замк#, или на странное привид#ніе, на выходца съ того св#та безъ способности говорить и понимать языкъ живыхъ людей.

Уже н#сколько нед#ль кормилица вела такую жизнь и носила маленькаго Павла. По временамъ выходила она со двора, но отнюдь не одна: по обыкновению въ хорошую погоду заходила за ней м-съ Чиккъ въ сопровожденіи миссъ Токсъ: он# приглашали ее съ ребенкомъ осв#житься чистымъ воздухомъ, или, другими словами, церемонно ходить по мостовой взадъ и впередъ на подобіе погребальнаго конвоя. Разъ, когда посл# одной изъ такихъ процессій Ричардсъ возвратилась къ себ# наверхъ и с#ла съ ребенкомъ подл# окна, дверь въ ея комнату потихоньку отворилась, и на порог# остановилась черноглазая маленькая д#вочка.

– Это, в#роятно, миссъ Флоренса воротилась отъ своей тетки, – подумала Ричардсъ, еще не выдавшая хозяйской дочери. – Что вамъ угодно, миссъ?

– Это мой братъ? – спросила д#вочка, указывая на ребенка.

– Да, моя красавица, – отв#чала Ричардсъ, – подойдите, поц#луйте его.

Но д#вочка, не двигаясь съ м#ста, задумчиво посмотр#ла на лицо кормилицы и сказала:

– Что вы сд#лали съ моей мамой?

– Господи, помилуй! – вскричала Ричардсъ, – Какой печальный вопросъ! Что я сд#лала? Ничего, миссъ

– Что о_н_и сд#лали съ моей мамой? – повторила Флоренса.

– Въ жизнь не видала такой жалости! – проговорила Ричардсъ, невольно поставивъ себя въ положеніе покойной леди и вспоминая о собственныхъ д#тяхъ. – Подойдите поближе, моя милая, не бойтесь меня!

– Я не боюсь васъ, – отв#чала д#вочка, входя въ комнату, – но мн# надобно знать: что они сд#лали съ моей мамой?

– Голубушка, – скаала Ричардсъ, – это черное платье вы носите въ воспоминаніе о своей маменьк#.

– Я могу помнить свою маменьку во всякомъ плать#, – проговорилъ ребенокъ со слезами на глазахъ.

– Но ужъ такъ заведено над#вать черное платье, когда отходятъ.

– Куда отходятъ?

– Сядьте зд#сь, моя милая, – сказала растроганная женщина, – я расскажу, какъ и что однажды случилось.

Въ живой ув#ренности получить отв#тъ на свой вопросъ, Флоренса положила шляпку, которая до сихъ поръ была у нея въ рукахъ, с#ла на маленькую скамейку у ногъ кормилицы и пристально уставила на нее глаза.

– Жила-была, – начала Ричардсъ, – одна леди, очень добрая леди, и была у ней маленькая дочь, и эта дочка н#жно любила ее.

– Очень добрая леди, и маленькая дочка нжно любила ее, – повторила Флоренса.

– И угодно стало Богу, чтобы захворала добрая леди, захворала и умерла.

Ребенокъ вздрогнулъ.

– И умерла добрая леди, и никто не увидитъ ее здсь, и похоронили добрую леди въ сырой земл#, гд# деревья растутъ.

– Въ сырой земл#! – проговорила д#вочка, затрепетавъ вс#мъ т#ломъ.

– Н#тъ, н#тъ, я ошиблась: не въ сырой, а въ теплой земл#, гд# дурныя, грязныя с#мена превращаются въ прекрасныя цв#точки, и въ траву, и въ колосья, и ужь не знаю, во что еще, гд# добрыя души превращаются въ св#тлыхъ ангеловъ и улетаютъ на небеса!

Ребенокъ, опустившій передъ этимъ головку, поднялъ ее опять и внимательно началъ смотр#ть на рассказчицу.

– Ну, такъ... дай Богъ память! – сказала Полли, сильно взволнованная этимъ пытливымъ взоромъ, своимъ желаніемъ ут#шить дитя внезапнымъ усп#хомъ и слабымъ дов#ріемъ къ собственнымъ силамъ. – Ну, такъ когда эта добрая леди умерла, куда бы ни д#вали ее, гд# бы ни положили, она отошла къ Богу! И она молится Ему, эта добрая леди, – продолжала Полли, растроганная до глубины души, – чтобы онъ научилъ ея маленькую дочку в#рить, что она счастлива на небесахъ и любить по прежнему свое дитя, – научилъ над#яться. – Охъ, всю жизнь над#яться, – что и она, эта маленькая дочка, свидится съ нею на небесахъ, свидится и не разстанется никогда, никогда, никогда!

– Это моя мама! – закричала д#вочка, вскочивъ съ м#ста и обнимая кормилицу.

– И сердце этого дитяти, – говорила Полли, прижимая Флоренсу къ своей груди, – сердце этой маленькой дочки наполнилось такою нжностью, такою в#рою, что даже когда она услышала объ этомъ отъ чужой посторонней женщины, не ум#вшей хорошенько рассказывать, но которая сама была б#дная мать и больше ничего, – она нашла ут#шеніе въ ея словахъ, перестала чувствовать себя одинокою, зарыдала и прижалась къ груди этой женщины, нжно прильнула къ младенцу, что на ея кол#няхъ, и – тогда, тогда, тогда, – продолжала Полли, лаская кудри д#вочки и обливая ихъ слезами, – тогда, мое милое, б#дное дитя...

– Эй, миссъ Флой? Куда вы затесались? Разв# не знаете, какъ папаша будетъ сердиться? – закричалъ у дверей громкій, пронзительный голосъ, и всл#дъ за т#мъ вошла низенькая, смуглая, курносая д#вочка л#тъ четырнадцати, съ выразительными черными глазами, сверкавшими какъ бусы. – В#дь вамъ кр#пко-накр#пко запрещено сюда таскаться! Зач#мъ вы тормошите кормилицу?

– Она нисколько не беспокоитъ меня, – отв#чала изумленная Полли, – я очень люблю д#тей.

– Не въ томъ д#ло, не въ томъ д#ло, м-съ Ричардсъ, – возразила черноглазая д#вчонка съ такимъ колкимъ видомъ, какъ будто хот#ла проглотить свою жертву, – прошу извинить – какъ бишь васъ? – м-съ Ричардсъ; я, вотъ видите ли, м-съ Ричардсъ, очень люблю бисквиты, да в#дь мн# не подаютъ ихъ къ чаю.

– Не въ этомъ д#ло, – сказала въ свою очередь Полли.

– А въ чемъ же такъ, по вашему, любезная моя м-съ Ричардсъ? Не худо бы вамъ зарубить хорошенько на носъ, что вы ходите за м-ромъ Павломъ, а миссъ Флой подъ моимъ надзоромъ.

– Къ чему же намъ ссориться? – возразила Полли.

– Не къ чему, совершенно не къ чему, несравненная моя м-съ Ричардсъ, вотъ-таки р#шительно не къ чему, – скороговоркой отв#чала Выжига, – я вовсе не желаю ссориться; миссъ Флой у меня всегда, м-ръ Павелъ у васъ на время.

Выжига выражалась сжато и сильно, употребляя по-видимому, только запятая, и выстр#ливая одной сентенціей, не переводя духу, все, что верт#лось у нея на язык#.

– Миссъ Флоренса только что воротилась домой: не правда ли? – спросила кормилица.

– Ну, да, м-сь Ричардс, она только что воротилась домой, а вы, мисс Флой, не успели повернуться, и уж нашли время выпачкать дорогое траурное платье, которое м-сь Ричардс носить по вашей матери.

Съ этими словами Выжига, которой настоящее имя было Сусанна Ниппер, оторвала д#вочку от ея новаго друга съ такимъ сильнымъ и крутымъ порывомъ, какъ будто вырывала зубъ. Но все это, казалось, д#лала она не столько по обдуманной злости, сколько отъ усерднаго желанія выполнить свою обязанность надзирательницы.

– Теперь, когда мисс Флоренса воротилась домой, – сказала Полли, бросая ободрительную улыбку на здоровое лицо д#вочки, – она будетъ совершенно счастлива и увидитъ нынче своего милаго папеньку.

– Что-оо? Что вы сказали, м-сь Ричардс? – закричала во все горло Сусанна Ниппер. – Она увидитъ милаго папеньку? Вотъ новости! Хот#ла бы я посмотр#ть, какъ она его увидитъ!

– Почему же н#ть? – спросила Полли.

– Да потому... ахъ, какая вы странная, м-сь Ричардс! У папеньки ея теперь есть кого вид#ть; да и прежде, какъ ник#мь онъ не былъ занятъ, мисс Флой никогда не была его любимицей, такъ какъ, вотъ видите ли, м-сь Ричардс, женщина въ этомъ дом# ничего не значить, право ничего.

Д#вочка быстро взглянула на собес#дницъ, какъ будто понимала и чувствовала этотъ разговоръ.

– Вы удивляете меня! – сказала Полли. – Неужели м-рь Домби не видалъ ее съ т#хъ поръ?

– Не видалъ, не видалъ, – прервала Сусанна Ниппер. – Да и прежде того онъ не видалъ ее м#сяцевъ пять-шесть, и если бы передъ т#мъ онъ встр#тился съ ней на улиц#, онъ не угадалъ бы въ ней мисс Флой, да и что тутъ толковать? Встр#ть онъ ее хоть завтра, право, не узнаетъ, что это его дочь. Такъ-то, м-сь Ричардс! Ну, и что касается до меня, – продолжала Выжига, не переводя духу и помирая со см#ху, – бьюсь объ закладъ, м-рь Домби вовсе не знаетъ, что живетъ на св#т# Сусанна Ниппер Выжига, его покорная слуга.

– Б#дненькая! – сказала Ричардс, думая о маленькой Флоренс#.

– Такъ-то, любезная моя Ричардс! – продолжала Сусанна Ниппер. – Нашъ хозяинъ настоящій великій моголь, который живетъ отъ насъ за тридевять земель въ тридесатомъ царств#, право, такъ. Ну, прощайте, Ричардс! А вы, мисс Флой, идите-ка со мной, да смотрите, впередъ ведите себя хорошенько, не такъ, какъ невоспитанная, глупая д#вчонка, что вс#мъ в#шается на шею.

Но, несмотря на строгій выговоръ, несмотря даже на опасность вывихнуть правое плечо, если Сусанна Ниппер по-прежнему рванетъ за руку, маленькая Флоренса вырвалась отъ своей надзирательницы и н#жно поц#ловала кормилицу.

– Прощайте, – говорила д#вочка, – прощайте. моя добрая! Скоро я опять къ вамъ приду, а не то вы приходите ко мн#. Сусанна намъ позволить вид#ться: не правда ли, Сусанна?

Собственно говоря, Выжига въ сущности была довольно добрая д#вушка и вовсе не злого характера; только она принадлежала къ разряду т#хъ воспитателей юношества, которые думаютъ, что надобно толкать и трясти д#тей, какъ звонкую монету, чтобы они сохранили свой первоначальный блескъ. Когда Флоренса обратилась къ ней съ умоляющимъ и кроткимъ взоромъ, она сложила свои коротенькія руки, покачала головой, и большіе, открытые черные глаза ея приняли ласковое выраженіе.

– Напрасно вы объ этомъ просите, мисс Флой. Отказать вамъ, вы знаете, я не могу, вотъ мы посмотримъ съ кормилицей, что надобно д#лать; мн# бы хот#лось съ#здить въ Чансю, да только не знаю, какъ оставить Лондонъ; хорошо, если бы м-сь Ричардс на это время согласилась за вами смотр#ть.

Полли согласилась на предложенье.

– Въ этомъ дом# веселье никогда не ночевало, – продолжала Выжига, – и намъ было бы глупо съ своей стороны дичиться другъ друга и увеличивать скуку. Если бы какая-нибудь Токсъ, или какая-нибудь Чиккъ вздумала для пот#хи вырвать у меня два переднихъ зуба, я была бы дура, когда бы подставила ей всю свою челюсть.

Полли не сочла нужнымъ опровергать этой сентенціи.

– И выходить, – заключила Сусанна Нипперъ, – что мы должны жить но пріятельски, м-съ Ричардсъ, пока вы возитесь у насъ съ маленькимъ Павломъ, только, разум#ется, не надо нарушать порядка, который тутъ заведенъ. Эй, миссъ Флой, вы еще по сю пору не разд#лись? Ахъ, вы глупое, неразумное дитя, ступайте домой!

Съ этими словами Выжига схватила свою воспитанницу и вышла изъ комнаты.

На лиц# и во вс#хъ движеніяхъ б#дной сиротки выражалось столько грусти и кроткаго, безропотнаго самоотверженія, что кормилица маленькаго Домби почувствовала глубокое состраданіе, когда осталась опять одна. Сердце несчастной д#вочки гор#ло пламеннымъ желаніемъ любви – и некого было любить ей! Ея душа проникнута была бол#зненной тоскою – и никто не разд#лялъ ея горя! Никто не брался облегчить бремя ея страданій! Все это какъ нельзя лучше постигало материнское сердце м-съ Ричардсъ, и она почувствовала, что съ этой поры между ней и безпріютной сироткой утверждается родъ дов#ренности, важной и необходимой для об#ихъ. Флоренса, въ свою очередь, инстинктивно поняла это искреннее участіе, такъ неожиданно встр#ченное въ незнакомой женщин#.

Несмотря на высокое мн#ніе кочегара о своей супруг#, его Полли, такъ же, какъ и онъ, не им#ла никакого понятія о житейскомъ благоразуміи. Но она представляла изъ себя простой, безыскусственный образецъ т#хъ женскихъ натуръ, которыя въ общей масс# жив#е, благородн#е, в#рн#е, возвышенн#е чувствуютъ и гораздо дол#е сохраняютъ въ душ# всю н#жность и сожал#ніе, самоотверженіе и преданность, нежели грубыя природы мужчинъ. Быть можетъ, при всей необразованности, ей удалось бы своевременно забросить лучъ сознанія въ черствую душу м-ра Домби, и это сознаніе впол#дствіи не поразило бы его подобно яркой молніи.

Но мы удаляемся отъ предмета. Полли въ это время думала только о томъ, какъ бы пот#сн#е сблизиться съ бойкой Сусанной и повести д#ла такъ, чтобы можно было вид#ться съ маленькой Флоренсой безъ бунта и на законномъ основаніи. Случай представился въ тотъ же вечеръ.

Въ обыкновенное время кормилица, по звону колокольчика, явилась въ стеклянную комнату и начала ходить взадъ и впередъ съ младенцемъ на рукахъ, какъ вдругъ, къ величайшему ея изумленію и страху, м-ръ Домби нечаянно вышелъ изъ своей засады и остановился передъ ней.

– Добрый вечеръ, Ричардсъ.

И теперъ это былъ тотъ же суровый, угрюмый, неподвижный джентльменъ, какимъ она вид#ла его въ первый день. Онъ усталъ на воспитательницу своего сына холодный и безжизненный взоръ, и б#дная женщина, въ одно и то же время, по невольному движенію, потупила глаза и сд#лала книксень.

– Здоровъ ли м-ръ Павель, Ричардсъ?

– Совершенно здоровъ, сэръ, и растеть очень скоро.

– Это зам#тно, – сказалъ м-ръ Домби, съ большимъ участіемъ разсматривая крошечное личико, открытое для его наблюдения. – Над#юсь, вамъ даютъ все, что нужно?

– Покорно благодарю, сэръ, я очень довольна.

Но вдругъ, посл# этого отв#га, на лиц# ея выразилось такое тревожное колебаніе, что м-ръ Домби, уже повернувшій въ свою комнату, оборотился опять и устремилъ на нее вопро- сительный взглядъ.

– Я думаю, сэръ, ребенокъ былъ бы жив#й и весел#й, если бы вокругъ него играли другія д#ти, – сказала Полли ободрившись.

– Когда вы пришли сюда, Ричардс#ъ, – отв#чалъ м-ръ Домби, нахмуривъ брови, – я, кажется, говорилъ вамъ, чтобы д#тей вашихъ не было въ моемъ дом#. Можете продолжать свою прогулку.

Съ этими словами м-ръ Домби скрылся въ свою комнату, и Полли им#ла удовольствіе вид#ть, что онъ совершенно не понялъ ея нам#ренія, и она ни за что ни про что попала въ немилость.

Вечеромъ на другой день, когда она сошла внизъ, м-ръ Домби расхаживалъ по стеклянной комнат#. Озадаченная этимъ необыкновеннымъ вид#ніемъ, она остановилась у дверей и не знала идти ей или воротиться назадъ. Домби далъ знакъ войти.

– Если вы точно думаете, что н#которое общество необходимо для моего сына, – посп#шно сказалъ онъ, какъ-будто ни минуты не прошло иосл# ея предложенія, – то гд# же миссъ Флоренса?

– Ничего не можетъ быть лучше, какъ миссъ Флоренса, – съ жаромъ отв#чала Полли, – но я слышала отъ ея д#вушки, что не...

М-ръ Домби позвонилъ и молча продолжалъ ходить по комнат#, пока не явился слуга.

– Сказать, чтобы миссъ Флоренсу пускали къ Ричардс#ъ когда она хочетъ, чтобы она ходила съ ней гулять, сид#ла въ ея комнат#, и такъ дал#е, Сказать, чтобы д#ти были вм#ст#, когда потребуеъ Ричардс#ъ.

Жел#зо было горячо, и Ричардс#ъ съ усердіемъ принялась ковать. См#ло продолжала она доброе д#ло, хотя инстинктивно и боялась м-ра Домби.

– Миссъ Флоренс#, – сказала она, – не худо бы по временамъ заходить и сюда, въ эту комнату, чтобы она привыкала любить братца.

Когда слуга ушелъ передавать приказаніе господина, кормилица притворилась, будто нянчить ребенка, но въ то же время ей показалось, что фізіономія м-ра Домби совершенно изм#нилась и лицо его побл#дн#ло. Онъ посп#шно оборотился назадъ, и какъ-будто хот#лъ уничтожить вс# эти распоряженія, да только стыдъ удерживалъ его.

И она не ошиблась. Онъ вид#лъ въ посл#дній разъ отвергнутое дитя въ печальныхъ объятіяхъ умирающей матери, и эта сцена служила для него вм#ст# откровеніемъ и упрекомъ. Какъ ни были его мысли исключительно заняты сыномъ и его блистательною будущностью, т#мъ не мен#е онъ не могъ забыть этой поразительной сцены. Не могъ онъ забыть, что зд#сь, въ этомъ предсмертномъ прощаньи матери и дочери, для него не было никакой доли. Передъ нимъ, передъ его глазами, были два прекрасныя созданія, т#сно заключенныя въ объятія другъ друга, а онъ стоялъ подл# нихъ какъ отторженный посторонній зритель, и не позволили ему принять участія въ этомъ св#тломъ проявленіи глубокой истины и безпред#льной н#жности!

Такъ какъ вс# эти образы, со вс#мн мрачными отт#нками, невольно прот#снялись въ его гордую душу, и никакая сила неспособна была удалить отъ него этихъ воспоминаній, прежнее его равнодушіе къ маленькой Флоренс# изм#нилось теперь въ какое-то странное, необыкновенное безпокойство. Онъ почти чувствовалъ, какъ-будто она наблюдаетъ его, не дов#ряетъ ему, какъ-будто въ рукахъ ея ключъ отъ той задушевной тайны, въ которой онъ и самъ не отдавалъ себ# яснаго отчета. Ему казалось, наконецъ, будто въ ней таится врожденное понятіе объ этой неправильно-настроенной струн# его души, и будто могла она однимъ дыханіемъ привести ее въ движеніе.

Его отношенія къ дочери, съ самаго ея рожденія, им#ли отрицательный характеръ. Онъ никогда не чувствовалъ къ ней отвращенія, но зато никогда и не думалъ о ней. Она прежде не была для него положительно неприятнымъ иредметомъ; но теперь онъ чувствовалъ изъза нея какую-то неловкость, и она возмутила покой его души. Онъ желалъ бы вовсе о ней

не думать, да только не зная как. Быть может, – кто разрешит эти тайны человеческого сердца! – он боялся, что со временем принужден будет ненавидеть ее.

Когда маленькая Флоренса робко вошла в стеклянную комнату, м-р Домби перестал ходить, остановился и взглянул на свою дочь. Если бы посмотрел он на нее с большим участием и глазами отца, он прочел бы в ее светлых взорах разнообразны впечатления нерешительности, надежды и страха. Он увидел бы в них страстное желание побжечь к нему, броситься в его объятия и воскликнуть: "отец! попытайся любить меня! У меня никого нет кроме тебя!". И вместе он прочел бы опасение быть оттолкнутой, страх показаться слишком смелой и оскорбить отца, умиленную потребность в ободрении и успокоении, и, наконец, он увидел бы в этих ясных глазах, с каким тревожным беспокойством ее переполненное юное сердце отыскивало естественного приюта для своей нежности и подавляющей печали. Но он увидел только, как она нерешительно остановилась у дверей и взглянула на него. Больше ничего не увидел м-р Домби!

– Войди, – сказал он, – войди; чего ты боишься?

Она вошла, и, посмотрев вокруг себя, с нерешительным видом, остановилась у дверей, и крепко сложила руки.

– Подойди сюда, Флоренса! – холодно сказал отец. – Знаешь ли, кто я?

– Знаю, папа.

– Не хочешь ли сказать что-нибудь?

Флоренса подняла на отца заплаканные глаза и слезы ее оледенели на щеках, когда она встретила суровое выражение на его лице. Она опять опустила голову и робко протянула дрожащую руку.

М-р Домби небрежно взял руку девочки и безмолвно простоял несколько минут с опущенной головой. По-видимому, он так же, как и она, не зная, что делать или говорить.

– Ну, будь же доброй девочкой, – сказал он наконец, потрепав ее по головке и как будто украдкой бросая на нее тревожный и сомнительный взгляд. – Ступай к Ричардсу, ступай!

Но Флоренса еще с минуту простояла на одном месте. По-видимому, ей все еще хотелось броситься в объятия отца, и она не переставала надеяться, что он возьмет ее на руки и поцелует. Она еще раз взглянула на его лицо. М-р Домби нашел, что физиономия ее получила точно такое же выражение, как и в ту роковую ночь, когда она смотрела на доктора. Он машинально выпустил ее руку и отвернулся.

Нетрудно понять, что Флоренса своею наружностью и обращением произвела на отца очень невыгодное впечатление. Не только в ее душе, но и во всех ее движениях выказывалось принуждение, и она совершенно утратила естественную живость и грациозность. Полли между тем с надеждой продолжала смотреть на эту сцену, и, судя о м-ре Домби по самой себе, она много рассчитывала на свой язык траурного платица маленькой Флоренсы. "Не жестоко ли будет, – думала она, – если он обратит всю привязанность на одного сына, тогда как другое дитя, девочка-сиротка, стоит перед его глазами!".

Полли как можно дольше продержала девочку на глазах отца и распорядилась так, что маленький Павел действительно повеселел в присутствии сестры. Когда пришло время идти наверх, она хотела послать Флоренсу в комнату отца, чтобы пожелать ему доброй ночи; но девочка робко отступила назад, и, когда кормилица начала ее принуждать, она поднесла обе руки к глазам, как будто скрывая от себя собственное унижение, и сказала: "о нет! нет! он не хочет меня! он не хочет меня!".

Этот маленький спор обратил на себя внимание м-ра Домби, который между тем сидел за столом и пил вино.

– Что там такое? – спросил он.

– Мисс Флоренса, – отв#чала Ричардс, – желаетъ съ вами проститься, да только боится васъ обезпокоить.

– Ничего, ничего, – возразилъ м-ръ Домби. – Пусть идетъ не смотря на меня.

Выслушавъ этотъ двусмысленный отв#тъ, Флоренса проворно ускользнула изъ комнаты, прежде ч#мъ кормилица усп#ла оглянуться.

Какъ бы то ни было, добрая Полли чрезвычайно радовалась усп#ху своей хитрости и обо всемъ тотчасъ же рассказала Выжиг#, когда та пришла въ ея комнату. Но, сверхъ ожиданія, мисс Нипперъ довольно холодно приняла это доказательство дружеской дов#ренности, и вовсе не пришла въ восторгъ, когда м-съ Ричардсъ объявила, что съ этой поры имъ можно вид#ться во всякое время.

– Я думала, вамъ будетъ это пріятно, – сказала Полли.

– Мн# очень пріятно, очень пріятно, м-съ Ричардсъ, покорно благодарю, – отв#чала Сусанна, вдругъ вытянувшись въ струнку, какъ-будто вставили новую кость въ ея корсетъ.

– Этого однако-жь не видно, – зам#тила Полли.

– Я живу зд#сь всегда, м-съ Ричардсъ, а не на время, какъ вы, – отв#чала Сусанна, – мн# было бы глупо болтать все, что ни подвернется подъ языкъ. Сос#дній домъ можетъ быть очень хорошъ, в#роятно, даже лучше, ч#мъ зд#шній; но у меня н#тъ никакой охоты бросать свое м#сто и идти куда бы то ни было. Такъ-то м-съ Ричардсъ!

Глава IV

Зд#сь выступают на театр приключеній новыя лица

Контора Домби и Сына находится въ Сити, въ главной торговой части Лондона, тамъ, гд# слышенъ звонъ баустритскихъ колоколовъ, если не заглушаетъ его ученый шумъ. Гогъ и Магогъ, дв# знаменитыя городскія статуи, отстояли отъ нея минутъ на десять обыкновенной ходьбы; королевская биржа еще ближе, а великол#пнымъ сос#домъ ея былъ англійскій банкъ съ его подземными подвалами, набитыми золотомъ и серебромъ.

На углу улицы возвышался богатый домъ остиндской компаніи, котораго имя напоминало драгоценныя камни и ткани, тигровъ, слоновъ, гуки, зонтики, пальмовыя деревья, паланкины, и смуглыхъ, разод#тыхъ князьковъ, съ важностью зас#дающихъ на коврахъ въ своихъ золотыхъ туфляхъ. Почти тутъ же кое-гд# видн#лись картины кораблей, плывущихъ на вс#хъ парусахъ во вс# части св#та; магазины со вс#ми возможными товарами, готовые нагрузить въ полчаса всякой всячиной всякую денежную душу, и, наконецъ, тутъ же, для полноты эффекта, на дверяхъ лавокъ съ навигаціонными инструментами выставлены были маленькіе деревянные мичманы въ старинныхъ морскихъ мундирахъ, какъ-будто для наблюденій за про#зжающими экипажами.

Одна изъ такихъ деревянныхъ выв#сокъ представляла фигуру въ чудовищномъ камзол# въ башмакахъ съ пряжками, съ огромнымъ оптическимъ инструментомъ передъ правымъ глазомъ. Творецъ и единственный властитель этого мичмана, пожилой джентльменъ въ валлійскомъ парик#, справедливо гордившійся своимъ произведеніемъ, уже очень давно платилъ квартирныя, гильдейскія и пошлинныя деньги, такъ давно, что еще до рожденія самаго стараго изъ вс#хъ мичмановъ, а изв#стно, что въ англійскомъ флот# н#тъ недостатка въ мичманахъ очень почтеннаго возраста.

Лавка этого пожилого джентльмена наполнена была хронометрами, барометрами, телескопами, компасами, секстантами, квадрантами и всякаго рода инструментами, необходимыми въ навигаціонномъ д#л# для управленія кораблемъ, морскихъ вычисленій и открытій. М#дныя и стеклянныя вещи въ строгой симметріи разложены были въ ящики и на полки, такъ что непосвященному въ тайны этихъ инструментовъ никогда бы не удалось ни отгадать ихъ употребленія, ни уложить по м#стамъ, если бы вздумалось ихъ вынуть и рассмотреть#. Каждая вещь укладывалась въ футляръ краснаго дерева такъ плотно, что мал#йшій уголокъ ея кр#пко прижимался къ выр#зк#, обклеенной сукномъ, – и все это было заперто для предохраненія отъ порчи или безпорядка при морской качк#. Относительно сбереженія м#ста и плотн#йшей укладки инструментовъ взяты были такія необыкновенныя м#ры, – такъ много нужнаго для пракческаго мореплаванія было уложено и заперго въ каждомъ ящик#, что лавка, какъ самые инструменты, им#ла удивительно-компактный характеръ и скор#е походила на пловучій футляръ, которому недоставало только морской воды, чтобъ безопасно пуститься на какой-нибудь отдаленный, необитаемый островъ.

Подробности домашней жизни почтеннаго хозяина морскихъ инструментовъ, гордаго своимъ деревяннымъ мичманомъ, еще бол#е подтверждали эту мысль. Обширный кругъ его знакомыхъ состоялъ изъ однихъ шкиперовъ, кушавшихъ за его столомъ настоящіе корабельные сухари и копченое мясо. Соленые припасы подавались въ кувшинахъ съ надписью: "торговля корабельной провизіей", а горячіе напитки обыкновенно приносились въ низенькихъ, съ короткими горлышками бутылкахъ, употребляемыхъ только на мор#. По ст#намъ, въ симметрическомъ порядк#, вис#ли рисунки кораблей, съ алфавитнымъ описаніемъ ихъ мистерій; каминъ украшенъ былъ р#дкими раковинами, мохомъ и морскими растеніями; а небольшая контора позади лавки осв#щалась, на подобіе корабельной каюты, стекляннымъ люкомъ.

Хозяинъ лавки, шкиперъ этого пловучаго футляра, жилъ одинъ одиныхонекъ только съ однимъ племянникомъ, Вальтеромъ, четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, который для полнаго довершенія мѣстной характеристики, совершенно похожъ былъ на гардемарина. Зато самъ Соломонъ Гильсъ, или, какъ обыкновенно его называли, старикъ Соль – рѣшительно не имѣлъ принадлежностей истиннаго моряка. Онъ былъ человѣкъ медлительный, молчаливый, угрюмый, и въ своемъ валлійскомъ парикѣ, гладкомъ и упругомъ, какъ только можетъ быть валлійскій парикъ, всего меньше походилъ на корсара. Красные глаза мелькали у него, какъ два миниатюрныя солнца сквозь туманъ, и взглядъ его былъ такъ мутенъ, какъ будто онъ сряду три или четыре дня постоянно смотрѣлъ въ сильныя стекла оптическихъ инструментовъ и потомъ вдругъ, обративъ глаза, увидѣлъ всѣ предметы въ зеленомъ свѣтѣ. Перемены въ его костюмѣ не было почти никакой: изрѣдка только переменялъ онъ свою кофейную пару платья съ свѣтлыми пуговицами на другую, тоже кофейнаго цвѣта, но уже съ брюками изъ свѣтлой нанки. Его шея была стянута высокими, стоячими воротничками, лобъ украшался парой лучшихъ очковъ, а въ карманѣ лежалъ у него огромный хронометръ, и старикъ такъ вѣровалъ въ дѣйствительность его показаній, что скорѣе готовъ былъ заподозрить въ заговорѣ всѣ стѣнные и карманные часы во всемъ городѣ и даже самое солнце, нежели усомниться въ драгоценномъ хронометрѣ. Такъ прожилъ онъ многіе годы въ своей лавкѣ и маленькой конторѣ за своимъ деревяннымъ мичманомъ; онъ спалъ всякую ночь на чердакѣ, вдали отъ другихъ квартиръ, гдѣ, по временамъ, къ его наслажденію, свистѣлъ вѣтеръ и бушевала буря, между тѣмъ какъ почтенные жильцы нижнихъ этажей не имѣли ни малѣйшаго понятія о погодѣ.

Читатель познакомился съ Соломономъ Гильсомъ въ осенній день, въ половинѣ шестого часа пополудни, въ то самое время, когда старикъ вынулъ изъ кармана свой безукоризненный хронометръ. Городскія улицы начинали пустѣть, народныя толпы отхлынули въ разныя стороны, густыя тучи нависли надъ горизонтомъ, и дождь, казалось, располагался идти цѣлую ночь. Всѣ барометры въ лавкѣ упали, и дождевыя капли уже накрапывали на лакированную шляпу деревяннаго мичмана.

– Куда это запропастился Вальтеръ? – сказала Соломонъ Гильсъ, еще разъ посмотрѣвъ внимательно на хронометръ. – Вотъ ужъ полчаса, какъ обѣдѣ готовъ, а его все нѣтъ да нѣтъ.

Повернувшись за конторкою на своемъ стулѣ, м-ръ Гильсъ нагнулся къ окну и посмотрѣлъ сквозь инструменты, не идетъ ли его племянникъ. Но племянника на улицѣ не было. Мимо его лавки тащились запоздалые пешеходы съ вымоченными зонтиками, да еще мальчишка, разнощикъ афишъ, лѣниво плелся въ своемъ засаленномъ клеенчатомъ картузѣ и, остановясь передъ дверьми, чертилъ пальцемъ свое имя на мѣдной доскѣ, гдѣ красовалась фамилія м-ра Домби.

– Еслибъ я не зналъ, что онъ меня горячо любить и никогда не рѣшится безъ моего согласія уйти на корабль, его отсутствіе очень встревожило бы меня, – проворчалъ м-ръ Гильсъ, постукивая пальцами о стекла двухъ или трехъ барометровъ, – да, очень встревожило бы. Всѣ барометры упали! Какая мокрота на улицахъ! Мнѣ кажется, – продолжалъ онъ, сдувая пыль со стекла компаснаго ящика, – эта стрѣлка не такъ постоянна, какъ привязанность Вальтера!

– Дядюшка!

– А, это ты, мой милый! – вскричалъ мастеръ морскихъ инструментовъ, быстро поворачиваясь назадъ. – Насилу-то воротился!

Въ комнату вбѣжалъ веселый, быстроглазый, кудрявый мальчикъ, съ лицомъ, покраснѣвшимъ отъ поспѣшной ходьбы на дождѣ.

– Ну, дядюшка, что ты безъ меня подѣлывалъ? Готовъ ли обѣдѣ? Мнѣ ужасно хочется ѣсть.

– Что под#лываль? – добродушно сказал Соломонь. – Разв# мн# нечего д#латъ безъ такого пов#сы, какъ ты? Об#дъ ужъ съ полчаса готовъ, и я тоже проголодался!

– Такъ идемъ, дядюшка, – вскричалъ мальчикъ, – да здравствуетъ адмираль.

– Пропади онъ совс#мь! – возразилъ Соломонь Гильсъ. Ты в#рно хот#ль сказать о лордъ-мер#?

– Вовсе н#тъ! – Да здравствуетъ адмираль! Да здравствуетъ адмираль! Маршъ впе-редь!

При этой команд# валлійскій парикъ и его хозяинъ безъ сопротивленія были втиснуты въ маленькую контору. Дядюшка Соль и племянникъ усердно принялись за холодное, им#я въ перспектив# отличное блюдо жаркого.

– Да здравствуетъ лордъ-меръ, любезный Вались! – сказалъ Соломонь. – На что намъ адмиралы! Теперь твой адмираль – лордъ-меръ.

– А кто это пов#силъ на гвоздь мою серебряную кружку? – спросилъ молодой чело-в#къ.

– Я, – отв#чалъ дядя, – она теперь не нужна; мы сегодня станемъ пить изъ стакановъ, Вальтеръ, какъ люди д#ловые, какъ граждане. Не такъ ли? В#дъ съ нын#шняго утра мы всту-пили съ тобой на широкую дорогу жизни.

– Хорошо, дядюшка, – сказалъ мальчикъ, – я буду пить за твое здоровье изъ чего угодно и сколько могу. Да здравствуетъ дядюшка Соль и...

– Лордъ-меръ! – прервалъ старикъ.

– Да здравствуетъ лордъ-меръ и вся городская дума! – вскричалъ мальчикъ.

Дядя съ величайшимъ удовольствіемъ кивнулъ головой.

– Ну, теперь расскажи-ка намъ про свой торговый домъ! – прибавилъ Соломонь Гильсъ.

– О, дядюшка, про него нечего много рассказывать, – отв#чалъ мальчикъ, усердно рабо-тая ножемъ и вилокъ, – контора ужасно темна и угрюма; въ той комнат#, гд# сижу я, – высокій каминъ, жел#зная касса, н#сколько картъ, календарь, пюпитры, стулья, чернильница, книги, коробки и пропасть паутины, такъ что одна густая гряда прямехонько виситъ надъ моей головой.

– И больше ничего? – спросилъ дядя.

– Ничего, кром# старой кл#тки, – не знаю, какъ она туда попала! – да еще корзинки съ углями.

– А счетныя, вексельныя, долговыя книги и другія принадлежности коммерческихъ оборотовъ богатаго дома? – сказалъ старикъ, внимательно взглянувъ на племянника сквозь туманъ, постоянно помрачавшій его глаза, и придавая особенное выраженіе словамъ.

– О, этого добра я думаю, очень много, – отв#чалъ безпечно мальчикъ, – но в#дъ все это лежитъ въ комнатахъ м-ра Каркера, м-ра Морфина или м-ра Домби.

– Былъ сегодня въ контор# м-ръ Домби? – спросилъ дядя.

– О, да! Онъ очень часто приходилъ и уходилъ.

– Съ тобой, разум#ется, ничего не говорилъ?

– Н#тъ, говорилъ. Проходя мимо меня – какой суровый, жестокой чело-в#къ! – онъ ска-залъ: – "а, ты сынъ м-ра Гильса, мастераморскихъ инструментовъ?" – Племянникъ, сэръ, – отв#чалъ я. – "Ну, да, любезный, я и говорю, племянникъ", – возразилъ онъ. А право, дядюшка, онъ назвалъ меня твоимъ сыномъ, а не племянникомъ.

– Ты ошибся, мой другъ, – вотъ и все. Да впрочемъ небольшая б#да.

– Конечно, небольшая. Только неприятно, что онъ такъ гордъ и грубъ. Потомъ м-ръ Домби сказалъ, что ты говорилъ съ нимъ обо мн#, что онъ нашелъ мн# м#сто въ своей кон-тор#, что я долженъ быть прилеженъ, аккуратенъ и... уменъ. Кажется, я не слишкомъ ему понравился.

– Ты хочешь сказать, – зам#тилъ старикъ, – что онъ не слишкомъ теб# понравится.

– Может быть, и такъ, дядюшка, – отв#чалъ улыбаясь мальчикъ, – только я объ этомъ не думаль.

Посл# об#да Соломонъ развеселился и отъ времени до времени посматриваль на племянника. Когда убрали со стола и сняли скатерть, – кушанье было принесено изъ сос#дняго трактира, – онъ спустился въ погребъ въ сопровожденіи мальчика, который со св#чею въ рукахъ остановился на сырой л#стниц#. Порывшись н#сколько времени въ разныхъ углахъ, онъ воротился со старой, заплеснев#лой бутылкой, покрытой пылью и пескомъ.

– Что ты д#лаешь, дядюшка, – вскричалъ мальчикъ, – в#дь это твоя зав#тная мадера? Ея всего дв# бутылки.

Старикъ Соль значительно кивнулъ своей головой, давая знать, что понимаетъ въ чемъ штука, и съ торжественной важностью вытащилъ пробку. Потомъ онъ налилъ два стакана и поставилъ бутылку на столъ вм#ст# съ третьимъ пустымъ стаканомъ.

– Другую бутылку, Валли, – сказалъ онъ, – мы разопьемъ, когда ты составишь свою карьеру, то есть когда сд#лаешься ты порядочнымъ, почтеннымъ, счастливымъ чело-в#комъ, – то есть когда путеводная зв#зда новой, сегодня начатой тобой жизни, – о, если бы Богъ услышалъ мою молитву! – выведетъ тебя на ровный, гладкій путь того поприща, на которое ты вступилъ. Благословляю тебя отъ всей души!

Туманъ, постоянно вис#вшій на глазахъ старика, какъ-будто опустился ему на горло: голосъ его сд#лался хриплымъ и рука дрожала, когда онъ начиналъ чокаться съ племянникомъ, Но лишь только онъ попробовалъ вина, тяжелое бремя свалилось съ его плечъ, и ясная, спокойная улыбка показалась на лиц#.

– Любезный дядюшка, – сказалъ растроганный мальчикъ, стараясь улыбнуться сквозь слезы, – приношу теб# мою глубокую благодарность за честь... и прочая, и прочая, и прочая! Теперь позволь мн# предложить тостъ. Vivat, м-ръ Соломонъ Гильсъ! Да здравствуетъ онъ сто тысячъ разъ! ура!.. Ты отплатишь мн#, дядюшка, когда разопьемъ съ тобой посл#днюю бутылку: не правда ли?

Они опять чокнулись. Вальтеръ, бережливый на вино, только обмочилъ губы и, поднявъ стаканъ, принялся разсматривать его съ напряженнымъ вниманіемъ. Н#сколько минутъ дядя безмолвно смотр#лъ на племянника, и потомъ, когда глаза ихъ встр#тились, Соломонъ громко продолжалъ свою мысль, какъ будто не переставалъ говорить:

– Ты видишь, Валли, – сказалъ онъ, – я совершенно сроднился со своимъ мастерствомъ. Я такъ къ нему привыкъ, что не могу и жить безъ этихъ занятій. И между т#мъ д#ла идутъ дурно, очень дурно. Когда носили вотъ эти мундиры, – прибавилъ онъ, указывая на деревяннаго мичмана, – такъ можно было заниматься д#ломъ и стоило! А теперь... конкуренціи, новыя изобр#теныя, моды... св#тъ перегналъ меня. Не знаю, куда д#вались мои покупатели, да и самъ я Богъ знаетъ гд#.

– Полно, дядюшка, не думай объ этомъ.

– Съ т#хъ поръ, какъ ты воротился изъ пансіона, а этому ужъ десять дней, – продолжалъ Соломонъ, – я помню, только одинъ чело-в#къ и заглянулъ въ нашу лавку.

– Н#тъ, двое, дядюшка! Разв# ты не помнишь? Сперва приходилъ мужчина разм#нять червонецъ...

– Ну, да, – и больше никого.

– Какъ, дядюшка! А разв# ты забылъ женщину, помнишь, что входила спросить, гд# пройти въ Тернпэйкъ?

– Да, я и забылъ. Точно, двое.

– Но, в#рно, они ничего не купили? – вскричалъ мальчикъ.

– Разум#ется, не купили ничего! – спокойно отв#чалъ Соломонъ.

– Да, кажется, имъ ничего и не нужно было?

– Конечно, иначе они купили бы в другой лавк#, – проговорилъ Соломонъ т#мъ же тономъ.

– Но все же приходило двое, а ты говоришь, что одинъ! – проговорилъ мальчикъ торжествующимъ тономъ, какъ будто открытіе забытой пос#гительницы было важною находкой.

– Эхъ, Вальтеръ, – началъ старикъ, помолчавъ немного, – в#дь мы не дикари на пустомъ острову Робинзона Крузо. Ну, что толку, что одинъ разм#нялъ у насъ червонецъ, а другая справилась о дорог#: будешь ли съ этого сытъ? Право, св#тъ перегналъ меня и не подь силу мн# идти за нимъ. Все теперь не то, что прежде: и мастера не такіе, и ученики не такіе, и д#ла не т#, и товары не т#. Инструменты мои вышли изъ моды, и я старый торговецъ вь старой лавк#... куда и къ чему я пригодень? Улица наша тоже не та... все р#шительно не такъ, какъ прежде. Да, я отсталъ отъ времени и поздно, очень поздно догонять его. Шумъ жизни тревожить меня...

Вальтеръ хот#лъ отв#чать, но дядя остановилъ его.

– Вотъ почему, Валли, мн# хот#лось бы поскор#й пристроить тебя на этомъ д#ловомъ св#т#. Я ужъ не д#лецъ, а такъ себ#, только т#нь д#лового челов#ка: умру – и т#ни не будетъ. Это плохое для тебя насл#дство! Хорошо еще, что могъ употребить вь твою пользу почти единственный остатокъ моихъ старыхъ связей. Сос#ди думаютъ, что я богатъ. Желалъ бы для твоего счастья, чтобъ это была правда. Во всякомъ случа#, поступивъ вь контору Домби, ты выбралъ прекрасную дорогу. Будь д#ятелень, дитя мое, трудись, устраивай свою карьеру, и... Господь благословить тебя!

– Постараюсь вс#ми силами оправдать твои надежды, любезный дадюшка, и не забуду твоихъ сов#говъ, – съ твердостью отв#чалъ мальчикъ.

– Знаю и не сомн#ваюсь вь этомъ, – отв#чалъ Соломонъ и съ возрастающимъ удовольствіемъ принялся за второй стаканъ мадеры. – Ну, а что касается до морской службы, Валли, – продолжалъ онъ, – такъ это довольно хорошо вь воображеніи, вь мечтахъ, а на д#л# не годится, совс#мъ не годится! Разум#ется, глаз#я на эти снаряды, ты привыкъ мечтать о мор#, – но все это вздоръ, другъ мой, то есть р#шительный вздоръ!

Однако-жъ Соломонъ Гильсъ, говоря о мор#, потиралъ руки съ тайнымъ удовольствіемъ и смотр#лъ на свои морскіе инструменты съ невыразимымъ наслажденіемъ.

– Вотъ, напим#рь, это вино, – продолжалъ старикъ, – оно Богъ знаетъ сколько разъ прогуливалось вь Ость-Индію взадъ и впередъ и даже совершило путешествіе вокругъ св#та, – вид#ло ночи, черныя какъ смоль, слышало свистъ в#тровъ, ревъ моря...

– Громъ, молнію, дождь, градъ, – всевозможныя бури! – съ живостью вскричалъ мальчикъ.

– Да, – сказалъ Соломонъ, – это винцо прошло по вс#мъ мытарствамъ. Вообразъ, мой милый, какъ скрипятъ и трещатъ корабельныя мачты, какъ воетъ в#теръ между канатами и снастями.

– Какъ матросы б#гаютъ взапуски и карабкаются на реи, какъ сп#шатъ укр#пить паруса, а корабль между т#мъ летитъ и прыгаетъ, какъ б#шенный! – вскричалъ племянникъ.

– Все, все видала старая бочка съ этой почтенной мадерой, – сказалъ Соломонъ. – Когда "Прекрасная Салли" отплыла...

– Вь Балтійское море, вь темную ночь! Помню, помню... Она погибла вь самую полночь, четырнадцатаго февраля тысяча семьсотъ сорокъ девятаго года! – вскричалъ Вальтеръ съ большимъ одушевленіемъ.

– Да, именно такъ! – отв#чалъ Соломонъ. – На корабл# было пятьсотъ бочекъ съ этимъ виномъ, и весь экипажъ, за исключеніемъ перваго мачтоваго, перваго лейтенанта, двухъ матросовъ и одной дамы, которые перес#ли вь лодку, – бросился къ бочкамъ, разбилъ ихъ, напился мертвецки пьянъ и, торжественно расп#вая "Rule Britannia", пошелъ ко дну, вм#ст# съ кораблемъ, при адскихъ крикахъ и проклятіяхъ.

– А помнишь, дядюшка, какъ страшный в#теръ прибилъ "Георга Второго" къ берегамъ Корнвалиса, за два часа до захода солнца, четырнадцатаго марта семьдесятъ перваго года? На корабл# было до двухсотъ лошадей: испуганныя бурей, он# сорвались, б#гали подь палубой взадь и впередь, топгали другъ друга, ржали, стонали и подняли такой невыразимый гвалтъ, что экипажъ вообразилъ, будто кораблемъ овлад#ли тысячи чертей. Лучшіе матросы, потерявъ присутствіе духа, побросались въ море и только двое остались въ живыхъ, чтобъ рассказать о происшествіи.

– А помнишь, – сказалъ старикъ Соль, – когда "Полифемъ"...

– Торговый вестиндскій транспортъ Онерса, Виггса и К°, въ триста пятьдесятъ тоннъ, капитанъ Джонъ Броунъ изъ Дептфорта? – вскричалъ Вальтеръ.

– Тотъ самый, – отв#чалъ Соломонъ. – Когда на немъ въ четвертый день плаванія показался огонь...

– Да, на корабл# были тогда два брата! – прервалъ племянникъ съ живостью и одушевленіемъ. – Въ единственномъ корабельномъ бот#, набитомъ людьми, оставалось только одно м#сто, и ни одинъ изъ братьевъ не хот#ль занять его до т#хъ поръ, пока старшій не бросилъ туда младшаго насильно. Тогда этотъ юноша, поднявшись въ лодк#, закричалъ: "Любезный Эдуардъ! подумай о своей нев#ст#! Я еще мальчикъ, и никто не ждетъ меня дома. Ступай скор#й на мое м#сто!" – и съ этими словами онъ бросился въ море.

Вальтеръ, воодушевленный рассказомъ, вскочилъ со стула; его блестящіе глаза и живой румянецъ, казалось, напомнили Соломону что-то такое, о чемъ онъ совершенно забылъ. Вм#сто того, чтобы продолжать любимые анекдоты, онъ сухо откашлялся и сказалъ: – Поговоримъ-ка о другомъ, Валли!

Д#ло въ томъ, что тайная страсть къ чудесному и необыкновенному, развитая въ Соломон# самымъ ремесломъ, перешла во всей полнот# и къ его племяннику. Напрасно старались дать другое направленіе его наклонностямъ: никакія м#ры не помогали, и препятствія, казалось, еще бол#е раздражали эту страсть. Изв#стно, что вс# книги и сказки, какія пишутся и рассказываются д#тямъ съ ц#лью привязать ихъ къ земл#, им#ють совершенно обратное д#йствіе и неотразимо влекутъ ихъ къ морской стихіи.

Между т#мъ маленькое общество увеличилось новымъ лицомъ. Это былъ мужчина въ синемъ плащ#, съ густыми черными бровями, у котораго вм#сто правой кисти торчалъ изъ рукава крюкъ, а въ л#вой рук# была голстая палка, шишковатая, какъ и его носъ. На ше# красовался у него огромный черный шелковый платокъ, а высокіе воротники рубашки были такъ толсты и грубы, что скор#е походили на парусъ. Ясно, что это былъ гость, для котораго поставлень третій стаканъ, и онъ, по-видимому, хорошо это зналъ. Пов#сивъ за дверью на гвоздь свой плащъ и жесткую клеенчатую шляпу, отъ которой на лбу его оставалась красная полоса, какъ будто отъ жел#зныхъ тисковъ, – онъ взялъ стулъ, придвинулъ къ столу и с#лъ прямо передъ стаканомъ. Этого пос#тителя называли капитаномъ; в#роятно, былъ онъ штурманъ или шкиперъ, а, можетъ быть, и то и другое вм#ст#.

Лицо его, загор#лое и суровое, прояснилось, когда онъ пожалъ руку дяд# и племяннику; но, по-видимому, онъ былъ не слишкомъ разговорчивъ и выражался лаконически.

– Ну, что? – спросилъ онъ.

– Ладно! – отв#чалъ Соломонъ, подвигая вино.

Гость приподнялъ бутылку и, осмотр#въ внимательно, сказалъ съ особымъ выраженіемъ:

– Та?

– Та самая! – отв#чалъ продавецъ морскихъ инструментовъ.

Капитанъ налилъ стаканъ и, насвистывая какую-то мелодію, казалось, размышлялъ о необыкновенномъ праздник#.

– Вальтеръ, – сказалъ онъ, приглаживая своимъ крѣпкимъ волосомъ и указывая на Соломона: – "Что дядю твоего и воспитателя твоего со страхомъ и трепетомъ, да благо ти будетъ, и долголѣтне будешь на водѣ". Отыщи этотъ текстъ въ своей книгѣ и загни листокъ. Да благословить тебя Богъ!

Онъ такъ былъ доволенъ приведенной цитатой, что повторилъ ее опять, говоря, что ужъ лѣтъ сорокъ не читалъ этого.

– Я никогда не затруднялся, если мнѣ нужны были правила въ жизни, – замѣтилъ онъ. – Я не тратилъ словъ, какъ другіе.

Эта сентенція напомнила ему, что теперь они были не совсѣмъ бережливы на слова. Онъ задумался и молчалъ до тѣхъ поръ, пока старикъ Соль не вышелъ въ лавку за свѣчей; тогда, обратясь къ Вальтеру, гость, безъ всякаго предварительнаго введенія, сказалъ:

– Мнѣ кажется, онъ могъ бы сдѣлать часы, если бы захотѣлъ?

– Непременно, – подтвердилъ мальчикъ, – я не сомнѣваюсь въ этомъ, капитанъ Куттль.

– И какъ бы они пошли! – сказалъ гость, выводя своимъ крючкомъ воздушные фантастическіе зигзаги. – Чортъ побери! какъ бы они пошли!

Двѣ или три минуты капитанъ Куттль, казалось, былъ погруженъ въ созерцаніе своихъ идеальныхъ часовъ, и смотрѣлъ неподвижно на мальчика, какъ-будто лицо его служило циферблатомъ.

– Да, онъ напичканъ познаніями, – продолжалъ капитанъ, указывая на инструменты. – Посмотри, чего тутъ нѣтъ? Земля, воздухъ, вода – все ему покорно. Хочешь подняться къ облакамъ на аэростатѣ, спуститься на дно моря подъ водолазнымъ колоколомъ, – все къ твоимъ услугамъ! Задумай, пожалуй, достать и взвѣсить полярную звѣзду, онъ и тутъ къ твоимъ услугамъ!

Ясно, почтенный капитанъ питалъ глубокое уваженіе къ морскимъ инструментамъ, и его философія вовсе не знала или находила очень небольшое различіе между продажей и изобрѣтеніемъ этихъ вещей.

– Ахъ, – сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, – хорошо понимать эти штуки, хорошо и не понимать! Не знаю, что лучше. Пріятно сидѣть здѣсь и знать, что тебя могутъ взвѣсить, вымѣрить, намагнитизировать, наэлектризовать, на... и чортъ знаетъ, что еще, – и не понимать, какимъ образомъ!

Удивительная мадера, соединяясь съ благопріятнымъ случаемъ, развязала языкъ капитана, и онъ со славой произнесъ эту назидательную рѣчь. Но, казалось, почтенный морякъ никакъ не могъ себѣ растолковать, какимъ образомъ высказалъ онъ то, что бродило у него въ головѣ цѣлые десятки лѣтъ, всякій разъ какъ по воскресеньямъ обѣдалъ онъ въ этой лавкѣ. Онъ снова задумался и замолчалъ.

– Послушай, Недъ, – вскричалъ Соломонъ Гильсъ, входя опять въ комнату, – не лучше ли намъ опорожнить эту бутылку прежде, чѣмъ примемся за грогъ?

– Идетъ! – отвѣчалъ капитанъ, наливая свой стаканъ. – А что же твой племянничекъ?

– Выпьетъ и онъ, – отвѣчалъ Соломонъ. – Выпьемте всѣ за благосостояніе торговаго дома Вальтера, за будущую его контору! Кто знаетъ? Сэръ Ричардсъ Виттингтонъ женился же на дочери своего хозяина.

– Прими-ка это къ свѣдѣнію, Вальтеръ! – сказалъ улыбаясь капитанъ.

– Хотя у м-ра Домби и нѣтъ дочери... – началъ Соль.

– Есть, есть, дядюшка! – закричалъ мальчикъ, покраснѣвъ и засмѣявшись.

– Есть? – воскликнулъ старикъ. – Въ самомъ дѣлѣ, я думаю, должна быть.

– О, я навѣрное знаю, – отвѣчалъ мальчикъ. – Объ этомъ я слышалъ сегодня въ конторѣ. Говорятъ, – продолжалъ онъ, понизивъ голосъ, – отецъ не любитъ ея. У него только и на умѣ, какъ бы поскорѣе присоединить сына къ торговому дому, хотя тотъ еще не вышелъ изъ пеленокъ. Онъ высчитываетъ балансъ – и думаетъ о сынѣ, любитъ своими кораблями – и

съ восторгомъ воображаетъ, что вс# эти сокровища принадлежать ему вм#ст# съ сыномъ. Вотъ что говорятъ. Впрочемъ я не знаю.

– Э! да молодець ужъ все пров#далъ о ней! – сказала Соломонъ.

– Полно, дядюшка! – отв#чалъ мальчикъ, см#ясь и красн#я бол#е прежняго. – Что-жь д#лать когда я слышалъ это!

– Боюсь, Недъ, какъ бы этотъ сынъ не загородилъ намъ дорогу! – прибавилъ старикъ, съ улыбкой посматривая на племянника.

– Очень можетъ статься, – отв#чалъ капитанъ.

– Но мы все-таки выпьемъ за его здоровье, – продолжалъ Соль. – Да здравствуютъ Домби и Сынъ!

– Прекрасно, дядюшка! – весело вскричалъ мальчикъ. – Но тоть необходимо надобно изм#нить. Вы говорите, что я все пров#далъ о дочери моего хозяина, и заран#е меня съ ней соединяете, сл#довательно... Да здравствуетъ Домби и Сынъ – и дочь!

Глава V Крестины Павла

Рабочая кровь Тудлей пошла въ прокъ маленькому джентльмену. Благородный сынъ м-ра Домби съ каждымъ днемъ замѣтно выросталъ и укрѣплялся. Миссъ Токсъ также съ каждымъ днемъ сильнѣе привязывалась къ Павлу, и ея почти набожная къ нему любовь до такой степени подѣйствовала на м-ра Домби, что онъ началъ считать ее женщиной съ большими природными дарованіями и при многихъ случаяхъ раскланивался съ ней совершенно особеннымъ образомъ. Онъ даже торжественно признался въ своемъ благоволеніи передъ сестрой и не разъ изволилъ говорить ей: – "Луиза! скажи миссъ Токсъ, что я ей весьма обязанъ!" Это необыкновенное вниманіе производило глубокое впечатлѣніе на леди, удостоившуюся такого отличія.

Миссъ Токсъ часто увѣряла м-съ Чиккъ, что ничто не можетъ сравниться съ участіемъ, какое она принимаетъ въ развитіи милаго ребенка, и безпристрастный наблюдатель могъ замѣтить, что поступки ея въ полной мѣрѣ согласовались съ словами. Она съ невыразимымъ наслажденіемъ смогла на невинные обѣды юнаго джентльмена, какъ будто насыщеніе его столько же зависѣло отъ нея, сколько и отъ кормилицы. – Съ такимъ же, если еще не большимъ энтузіазмомъ она присутствовала при маленькихъ церемоніяхъ купанья и туалета, а медицинская часть – наблюденіе за здоровьемъ ребенка – находилась въ полномъ ея распоряженіи. – Однажды, въ припадкѣ скромности, она принуждена была спрятаться въ шкафъ, когда м-ръ Домби вошелъ въ дѣтскую съ сестрой полюбоваться, какъ сынъ его, ложась въ постель, будетъ въ коротенькой рубашечкѣ разгуливать по платью своей кормилицы. – Но миссъ Токсъ никакъ не выдержала, и въ избыткѣ нѣжнаго восторга закричала: "какъ онъ милъ, м-ръ Домби! какой купидончикъ!" – и тутъ же, опомнившись, она за дверью чуть не упала въ обморокъ отъ стыда и замѣшательства.

– Луиза, – сказала однажды м-ръ Домби своей сестрѣ, – я точно думаю, что, по случаю крестинъ Павла, нужно твоей пріятельницѣ сдѣлать какой-нибудь подарокъ. – Она съ самаго начала приняла такое горячее участіе въ ребенкѣ и умѣла хорошо понять свое положеніе, – а это въ нашемъ свѣтѣ, къ сожалѣнію, большая рѣдкость. Мнѣ очень бы хотѣлось отличить ее чѣмъ-нибудь.

Въ глазахъ м-ра Домби это значило, что миссъ Токсъ умѣла вести себя совершенно приличнымъ образомъ въ отношеніи къ его особѣ.

– Любезный Павелъ, – отвѣчала сестра, – ты отдаешь справедливость миссъ Токсъ, чего разумѣется и должно ожидать отъ человѣка съ такимъ пронизательнымъ умомъ. – Если въ англійскомъ языкѣ есть три слова, къ которымъ она питаетъ глубочайшее уваженіе, такъ эти слова – Домби и Сынъ.

– Вѣрю, – сказала м-ръ Домби. – Это дѣлаетъ честь почтенной миссъ Токсъ.

– И всякій подарокъ, любезный Павелъ, – продолжала м-съ Чиккъ, – все, что ни вздумалъ бы ты предложить, миссъ Токсъ, нѣтъ сомнѣнія, приметъ отъ тебя съ благоговѣніемъ, какъ святыню. Но я знаю, милый Павелъ, чѣмъ бы ты могъ выразить свою признательность къ миссъ Токсъ... да, это было бы для нея очень, очень лестно, если бы ты захотѣлъ.

– Что такое? – спросилъ м-ръ Домби.

– Разумѣется, крестный отецъ и крестная мать, – продолжала миссъ Чиккъ, – необходимы въ свѣтѣ для связей и покровительства.

– Не знаю, почему они должны быть необходимы для моего сына, – холодно сказала м-ръ Домби.

– Что правда, то правда, любезный Павелъ, – перебила миссъ Чиккъ съ необыкновенной живостью, – ты неизмѣнно вѣренъ самому себѣ. Я не могла ожидать отъ тебя ничего

другого, и очень хорошо предвид#ла твои мысли на этот счет. Может быть, – и м-сь Чикк# немного пр#остановилась, как# бы не зная, что говорить дальше, – может быть, именно поэтому ты и не станешь противиться, чтоб# мисс# Токс# сд#лалась крестной матерью нашего ангельчика, или, по крайней м#р#, зам#нила ее на крестинах. Нечего и говорить, что она примет# эту честь за величайшее счастье.

– Луиза, – сказала м-р# Домби посл# минутного молчанія, – нельзя не согласиться...

– Конечно, – вскричала мисс# Чикк#, сп#ша предупредить отказ#, – я и не сомн#ваюсь в этом#.

М-р# Домби с# нетерп#ніем посмотр#ль на сестру.

– Не противор#чь, любезный Павел#, – вскричала м-сь Чикк#, – мн# это очень вредно. Я еще не опомнилась с# т#х# пор#, как# скончалась наша б#дная Фанни.

М-р# Домби искоса взглянул# на носовой платок#, который сестра держала перед# глазами, и прибавил#:

– Нельзя не согласиться, говорю я...

– А я говорю, – прервала м-сь Чикк#, – что я не сомн#валась в этом#.

– Боже мой, Луиза! – вскричал# м-р# Домби.

– Н#ть, любезный Павел#, – возразила она с# достоинством#, между т#м# как# на глазах# ея навертывались слезы, – дай мн# договорить. У меня н#ть той силы уб#ждения, ума, краснор#чія, какими отличаешься ты. Я очень хорошо это знаю, и т#м# хуже для меня. Но если ты хочешь выслушать мои посл#днія слова – а посл#днія слова должны быть для нас# священны, Павел#, посл# кончины любезной Фанни – так# я скажу только, что никогда не сомн#валась в этом#. И что еще бол#е, – прибавила м-сь Чикк# с# возрастающим# достоинством#, как# будто она берегла к# концу самое уб#лительн#йшее доказательство, – я никогда не думала усомниться в этом#.

М-р# Домби с# нетерп#ніем прошел# по комнат# взад# и вперед#.

– Нельзя не согласиться, Луиза, – продолжал# он#, не обращая вниманія на м-сь Чикк#, которая с# неистовством# продолжала кричать: "я не сомн#ваюсь в этом#! я не сомн#ваюсь в этом#!" – нельзя не согласиться, что многія особы им#ли бы в этом# случа# больше права – еслиб# я только обращал# вниманіе на право – нежели мисс# Токс#. Но это вздор#: мн# н#ть д#ла до прав#. Торговый дом# под# фирмой "Домби и Сын#" будет держаться сам# собою, без# посторонней помощи. Я не нуждаюсь ни в каком# и ни в чьем# кумовств#. Над#юсь, я стою выше толпы. Довольно, если д#тство и юность Павла протекут# благополучно без# потери времени, и он# приготовится вступить с# честью на ожидающій его путь. В посл#дствіи он# может#, если сочтет# нужным#, избрать могущественных# друзей, чтобы поддержать, а в случа# надобности, и увеличить кредит# торгового дома. До т#х# пор# я один# буду для него все и не хочу, чтобы другой стал# между нами. Я готов# выразить признательность твоей обязательной пріятельниц# и соглашаюсь на предложеніе. Других# воспріемников# зам#ним# мы твоим# мужем#.

В# этой р#чи, произнесенной с# необыкновенным#, истинно-вельможным# величіем#, м-р# Домби высказал# свою задушевную тайну. Неописанная недов#рчивость ко всякому, кто бы мог# стать между ним# и сыном#, гордая боязнь нажать соперника или участника в любви и почтеніи ребенка, жестокой удар#, так# недавно нанесенный его всемогущей власти над# другими, и жестокой страх# при мысли о возможности другого, жесточайшаго удара, – вот что наполняло в# это время его душу. Во всю жизнь он# не им#ль друга: его холодная, отталкивающая натура никогда не искала и не встр#чала друзей. И теперь, когда эта натура сосредоточилась с# такою силою в# одну только страсть родительской любви и гордости, то ея ледяной поток#, вм#сто того, чтоб# вскрыться под# благотворным# вліаніем# этого чувства и свободно катить свои ясныя воды, казалось, растаял# только на минуту для того, чтоб# снова замерзнуть в# твердую, непроницаемую массу.

Такимъ образомъ самое ничтожество миссъ Токсъ послужило къ возвышенію ея въ крестныя матери маленькаго Павла, – и съ этого часа она была избрана и предназначена къ великой должности. М-ръ Домби тутъ же изъявилъ желаніе, чтобъ торжество, такъ долго откладываемое, совершилось безъ замедленія. Сестра, одержавъ такую блистательную побѣду, превосходившую ея самыя смѣлыя ожиданія, отправилась съ пріятной новостью къ дорогой подругѣ, и м-ръ Домби остался одинъ въ библиотекѣ.

Въ дѣтской была ужасная скука. Тамъ сидѣли и бесѣдовали м-ръ Чиккъ и миссъ Токсъ, къ величайшей досадѣ миссъ Сусанны Нипперъ, которая была такъ разсержена ихъ присутствіемъ, что при всякомъ удобномъ случаѣ дѣлала за дверью преуморительныя гримасы: надо же было хоть чѣмъ-нибудь выразить свою досаду. Какъ странствующіе рыцари старинныхъ временъ облегчали сердце, вырѣзывая имена возлюбленныхъ въ пустыняхъ, въ лѣсахъ и другихъ неприступныхъ мѣстахъ, гдѣ, вѣроятно, никому не случалось читать ихъ, – такъ и миссъ Сусанна Нипперъ вздергивала носъ на ящики и комоды, высовывала языкъ на шкапы и моргала глазами на посуду, мимоходомъ ворча на каждомъ шагу.

Между тѣмъ собесѣдницы, въ блаженномъ невѣдѣніи того, что вокругъ нихъ происходило, внимательно наблюдали сцену раздѣванья, кормленья и укладыванья въ постель маленькаго Павла. По окончаніи всѣхъ этихъ церемоній, онѣ усѣлись за чайный столикъ передъ каминомъ, и теперь только, обернувшись къ дѣтскимъ кроваткамъ, онѣ вспомнили о миссъ Флоренсѣ, которая тоже, благодаря настойчивости Полли, съ нѣкотораго времени спала въ одной комнатѣ съ братомъ.

– Какъ она крѣпко спитъ! – сказала миссъ Токсъ.

– Вѣдь вы знаете, моя милая, – отвѣчала м-съ Чиккъ, – она слишкомъ много рѣзвится съ маленькимъ Павломъ: устала!

– Это замѣчательная дѣвочка, – продолжала миссъ Токсъ.

– Вылитая мать! – возразила м-съ Чиккъ, понизивъ голосъ.

– Бѣдняжка, – сказала миссъ Токсъ. – О, Боже мой!

Эти слова миссъ Токсъ произнесла съ глубокимъ сожалѣніемъ, хотя сама не знала для чего.

– Флоренса никогда, никогда не будетъ Домби, – сказала м-съ Чиккъ, – проживи она хоть тысячу лѣтъ!

Миссъ Токсъ возвела очи свои горѣ, и духъ ея, видимо, сокрушался отъ полноты сердечной скорби.

– Меня ужасно беспокоитъ ея будущность, – сказала м-съ Чиккъ съ видомъ благочестивой кротости и смиренія. – Я не могу безъ ужаса вообразить, что станетъ съ нею, когда она вырастетъ? Бѣдняжка! какое мѣсто займетъ она въ свѣтѣ? Во мнѣніи отца она стоитъ невысоко, да иначе и быть не можетъ: въ ней ничего нѣтъ общаго съ Домби!

Физиономія миссъ Токсъ выразила ясно, что противъ такого убѣдительнаго аргумента нечего и возражать.

– Этотъ ребенокъ, – продолжала м-съ Чиккъ, съ искренней довѣренностью, – вылитая покойная Фанни! Она неспособна ни къ какому усилю, ручаюсь въ этомъ. Ни къ какому! Она никогда не пробьется въ сердце отца, никогда не обовѣется около него, какъ...

– Какъ плющъ? – прибавила миссъ Токсъ.

– Какъ плющъ! – подтвердила м-съ Чиккъ. – Она никогда не бросится и не приникнетъ въ родительскія объятія, какъ...

– Робкая серна? – прибавила миссъ Токсъ.

– Какъ робкая серна! – сказала м-съ Чиккъ. – Никогда! Бѣдная Фанни! А какъ я, однакожь, любила ее!

– Не разстраивайте себя, моя милая, – сказала миссъ Токсъ умоляющимъ тономъ. – Успокойтесь, вы такъ чувствительны.

– Мы вс# им#емъ недостатки, – сказала м-съ Чиккь, проливая слезы и покачивая головой, – да, у насъ у вс#хъ есть недостатки. Я очень хорошо вид#ла ея пороки, но никогда не давала этого зам#гить. Сохрани Богъ! А какъ я любила ее!

Покойная м-съ Домби точно им#ла свои слабости и недостатки – увы! кто ихъ не им#еть! – но она была ангеломъ женской кротости и ума, если сравнить ее съ м-съ Чиккь, съ этой пустой, надутой бабой, которая теперь съ такимъ же нахальствомъ хвасталась своимъ мнимымъ покровительствомъ, съ какимъ во время оно при всякомъ удобномъ случа# обнаруживала передъ нев#сткой свое гордое снисхожденіе и терпимость. Какъ прекрасна терпимость, когда проистекаетъ изъ чистаго сердца, и какъ отвратительна, когда ею маскируется злой и, гордый характеръ!

М-съ Чиккь еще продолжала въ сердобольномъ умиленіи вытирать сухіе глаза и знаменательно качать головою, какъ вдругъ кормилица осм#лилась зам#гить, что миссъ Флоренса проснулась и сидитъ на кроватк#. Въ самомъ д#л# она проснулась, какъ говорила кормилица, и на р#сницахъ ея сверкали слезы. Но никто, кром# Полли, не видалъ ея мокрыхъ глазокъ, никто не шепнулъ сиротк# ут#шительнаго слова, никто не слыхалъ, какъ билось и стучало ея сердце!

– Няня, – сказала малютка, пристально смотря на кормилицу, – я пойду къ братцу, позволь мн# лечь подл# него.

– Зач#мъ, голубушка? – спросила Ричардсъ.

– Ахъ, мн# кажется, онъ любитъ меня! – вскричала почти въ безпамятств# малютка. – Пусти меня къ нему. Пожалуйста, няня!

М-съ Чиккь обратилась къ ребенку съ материнскими наставленіями и зам#тила, что доброй д#вочк# стыдно капризничать. Но Флоренса, не сводя съ доброй няни испуганныхъ глазъ, еще повторила просьбу, соединенную на этотъ разъ съ громкимъ плачемъ и рыданіемъ.

– Я не разбужу его, – сказала она, опустивъ голову и закрывъ руками глаза. – Я только положу къ нему руку и усну. Ахъ, сд#лайте милость, позвольте лечь съ нимъ; я знаю, онъ любитъ меня!

Ричардсъ, не говоря ни слова, взяла д#вочку на руки и положила на кроватку, гд# спалъ младенецъ. Малютка плотно придвинулась къ брату и, слегка обнявъ его шейку, сомкнула заплаканные глаза и успокоилась.

– Б#дная крошка, – сказала миссъ Токсъ, – в#рно, ей что-нибудь пригрезилось!

Это незначительное происшествіе прервало назидательный разговоръ, и уже трудно было его возобновить. М-съ Чиккь, по-видимому, совершенно была утомлена созерцаніемъ доблестныхъ подвиговъ высокой своей нравственности. Пріятельницы посп#шно допили чай и немедленно отправили слугу за фіакромъ. Наемъ извозчика для миссъ Токсъ былъ д#ломъ первой важности, и она приступала къ нему не иначе, какъ съ большими приготовленіями, въ которыхъ соблюдалась строжайшая система.

– Потрудитесь, пожалуйста, Таулисонъ, – сказала миссъ Токсъ, – взять съ собою чернильницу съ перомъ и хорошенько запишите номеръ.

– Слушаю, сударыня, – отв#чалъ Таулисонъ.

– Да потрудитесь, пожалуйста, Таулисонъ, – продолжала миссъ Токсъ, – перевернуть въ фіакр# подушку. Она обыкновенно, – прибавила миссъ Токсъ, обращаясь къ мгъ Чиккь, – по ночамъ бываетъ сыра, моя милая. Да еще я побезпокою васъ, Таулисонъ, – продолжала миссъ Токсъ, – потрудитесь взять вотъ эту карточку и шиллингъ. Скажите, что онъ долженъ #хать по этому адресу и что ему больше шиллинга не дадутъ. Не забудьте, пожалуйста.

– Не забуду, – отв#чалъ Таулисонъ.

– Да еще, – мн# сов#стно, что я васъ такъ безпокою, Таулисонъ, – сказала миссъ Токсъ, нер#шительно поглядывая на лакея.

– Ничего, сударыня, – отв#чалъ Таулисонъ.

– Так потрудитесь, пожалуйста, Таулисонъ... но н#ть, ужь такъ и быть, ступайте, Таулисонъ. Мн# право очень сов#стно...

– Ничего, ничего, сударыня, – возразилъ услужливый лакей.

– Такъ вотъ что, – сказала, наконецъ, миссъ Токсъ не сов#мъ р#шительнымъ тономъ, – вы этакъ какъ-нибудь мимоходомъ наемкните извозчику, что леди, съ которой онъ по#деть, не то что какая-нибудь этакъ... что у ней есть знатный дядя, сильный и строгій челов#къ, что онъ засадить въ тюрьму всякаго, кто оскорбитъ его племянницу. Вы можете даже, любезный Таулисонъ, разум#ется, какъ-будто мимоходомъ, невзначай, по-дружески, рассказать, что ужь одного дерзкаго грубияна, который недавно умеръ, такъ проучили за это, что онъ всю жизнь не забывалъ.

– Слушаю, сударыня, – отв#чалъ Таулисонъ.

– Теперь доброй ночи моему премиленькому, распремиленькому крестничку, – сказала миссъ Токсъ, посылая сладенькіе поц#луи при каждомъ повтореніи прилагательнаго, – а вы, дружочекъ Луиза, дайте слово, что напѣтесъ на ночь бузины и успокоите себя.

Черноглазая Сусанна Нипперъ съ величайшимъ трудомъ удерживалась въ присутствіи м-съ Чиккъ; но когда д#тская опуст#ла, она посп#шила достойнымъ образомъ вознаградить себя за долговременное принужденіе.

– Если бы на меня нед#ль на шесть над#ли какую-нибудь чумичку, – сказала она, – и тогда бы я не б#силась, какъ теперь. Ну, слыханное ли д#ло?... Ахъ, чучелы, чучелы!

– И говорить, что этому ангельчику пригрезилось! – сказала Полли.

– Кр-р-р-р-расавицы, черти бы васъ побрали! – вскричала Выжига, съ гримасой прис#дая передъ дверью, откуда вышли предметы ея ярости. – Никогда не будетъ Домби! И слава Богу, что никогда не будетъ! Довольно и одной.

– Не разбудите д#гей, Сусанна, – сказала Полли.

– Чувствительн#йше благодарю, м-съ Ричардсъ, – вскричала Сусанна, готовая въ сердцахъ на комъ-нибудь выместить свою досаду, – какъ мулатка и невольница, я должна съ почтеніемъ выслушивать ваши приказанія. М-съ Ричардсъ, не угодно ли вамъ еще что-нибудь зам#тить? Говорите, пожалуйста, не церемоньтесь съ вашей покорной слугой.

– Что за вздоръ вы несете, моя милая?

– Какой вздоръ, помилуйте, сударыня! Гд# вы изволили родиться, – вскричала Сусанна, – разв# вамъ неизв#стно, что вы, какъ временная гостья, можете помыкать мною, какъ угодно? Но гд# бы вы ии родились, Ричардсъ, – продолжала Выжига, быстро замахавъ головой, – когда бы вы ни родились, – а вы должны знать, что давать приказанья и исполнять приказанья – дв# вещи не очень похожія одна на другую. Вы, наприм#ръ, можете приказать мн# броситься внизъ головой изъ пятаго этажа на мостовую, а я, наприм#ръ, могу поберечь свою шею и не послушаться васъ, м-съ Ричардсъ. Вотъ оно какъ.

– Что-жъ я вамъ сд#лала, Сусанна? – Вы накинулись на меня за то, что обижаютъ миссъ Флоренсу! Вы очень добрая д#вушка; но в#дь я же не виновата, моя милая.

– Да, вамъ хорошо этакъ рассуждать, – возразила Сусанна, н#сколько смягчившись, – когда за вашимъ ребенкомъ ухаживаютъ, какъ за князькомъ, ц#луютъ его и милуютъ, какъ чортъ знаетъ кого; а что бы вы сказали, если бы затапывали его въ грязь, какъ эту милую, прелестную сиротку, о которой эти в#дьмы говорили, какъ о пропавшей твари?... Прр-р-р-роклятыя!.. Да что, какая намъ забота! Не капризничайте, миссъ Флой! Спите, негодная шалунья! А вотъ я сейчасъ позову съ чердака домового и велю съ#сть васъ живьемъ. Спите!

Эти слова миссъ Нипперъ произнесла съ особымъ выраженіемъ, какъ-будто въ самомъ д#л# ее слышалъ домового, готовый по первому знаку броситься на исполненіе ея лютыхъ приказаній. Она посп#шила успокоить свою маленькую воспитанницу, закутавъ ей головку од#яломъ и хлопнувъ сердито трм или четыре раза по подушк#. Потомъ она сложила руки,

сжала ротъ, с#ла передъ каминомъ и въ этомъ положеніи провела весь остатокъ вечера, не сказавъ бол#е ни одного слова,

Хотя въ д#тской ув#ряли, что маленькій Павелъ начинаетъ понимать и даже д#лать наблюдения, ири всемъ томъ онъ вовсе, по-видимому, не зам#чалъ, что его собираются крестить на сл#дующій день и что съ необыкновенной хлопотливостью приготавливаютъ парадное платье какъ для собственной его особы, такъ и для всей свиты. Даже въ самый торжественный день, онъ, сверхъ чаянія, нич#мъ не показалъ, что понимаетъ важность церемоніи; напротивъ, въ самую роковую минуту ему вдругъ заблагоразсудилось уснуть кр#пкимъ сномъ счастливой невинности, и потомъ онъ былъ очень недоволенъ, когда его разбудили и начали од#вать съ особеннымъ стараніемъ.

Пасмурно-с#рый осенній день, съ р#зкимъ восточнымъ в#тромъ, вполн# согласовался и съ этимъ торжествомъ и съ холодною фигурой м-ра Домби. Онъ стоя принималъ въ библиотек# гостей, и на все смотр#лъ сентябремъ. Когда, подходя къ окнамъ, онъ заглядывалъ въ маленькій садъ и смотр#лъ на деревья, сухіе и пожелт#вшіе листья съ трескомъ начинали осыпаться, какъ-будто отъ его взора. Темныя и холодныя комнаты, казалось, облеклись въ трауръ, какъ и самые жильцы. Книги, разставленныя по ранжиру и вытянутыя въ строй, какъ солдаты, стояли неподвижно въ своихъ мрачныхъ, холодныхъ, однообразныхъ мундирахъ, – и если, какъ у солдатъ, была въ нихъ какая-нибудь мысль, такъ это только мысль о холодной погод#. Книжный шкафъ за стеклами, кр#пко запертый на ключъ, отталкивалъ всякое желаніе прикоснуться къ параднымъ переплетамъ. На верху шкафа угрюмо стоялъ бронзовый бюстъ Вилльяма Питта, не одушевленный ни одною чертой живого сходства, и, какъ заколдованный мавръ, сторожилъ зав#тныи складъ. По бокамъ его дв# пыльные урны, изъ какой-то древней гробницы, казалось, пропов#дывали о бренности и сует# зд#шняго міра; а зеркало, вд#ланное надъ каминомъ, отражая вм#ст# и м-ра Домби и его портреты, казалось, погружено было въ самыя меланхолическія размышленія. Закопт#лая, холодная р#шетка у камина была чрезвычайно похожа на самого м-ра Домби, облеченнаго въ свой синій, застегнутый до верху фракъ, б#лый стоячій галстухъ и модныя сапоги съ величественнымъ скрипомъ, съ дополненіемъ къ этому туалету неизб#жной золотой ц#пи, выглядывавшей изъ подъ фрака. Но это случайное родство каминной р#шетки съ хозяиномъ могло быть допущено только за отсутствіемъ его родственниковъ, м-ра и м-съ Чиккъ, которые при этой оказіи не замедлили явиться собственными особами.

– Любезный Павелъ, – прошептала м-съ Чиккъ, обнимая брата, – нын#шній день, я над#юсь, будетъ началомъ многихъ веселыхъ дней.

– Благодарю, Луиза, – отв#чалъ съ пасмурнымъ видомъ м-ръ Домби, – какъ ваше здорovie, м-ръ Джонъ?

– Какъ ваше здорovie, сэръ? – отв#чалъ Чиккъ.

Онъ протянулъ руку м-ру Домби съ такою медленностью, какъ будто опасался электрическаго удара. М-ръ Домби дотронулся до его руки съ такою осторожностью, какъ-будто прикасался къ рыб# или морскому растенію, или вообще къ чему-нибудь мокрому и клейкому.

– Не нужно ли приказать, Луиза, развести для тебя огня? – спросилъ м-ръ Домби, поворачивая голову въ своемъ высочайшемъ галстух#, какъ въ жел#зныхъ тискахъ.

– О, н#тъ, мой милый, – отв#чала м-съ Чиккъ, скорчиваясь въ три погибели отъ ужаснаго холода, – для меня все равно.

– А вамъ не холодно, м-ръ Джонъ? – продолжалъ хозяинъ.

М-ръ Чиккъ, который уже усп#лъ засунуть оба кулака въ широкіе карманы своихъ панталонъ и собирался свистнуть одну изъ своихъ любимыхъ арій, приостановился и отв#чалъ, что ему очень хорошо. Потомъ онъ уже и затынулъ: "у_ж_ь_к_а_к_ь_ж_и_л_ь_п_о_ж_и_в_а_л_ь_т_р_я_п_и_ч_н_и_к_ь", но вдругъ вошелъ Таулисонъ и громко доложилъ:

– Мисс Токс!

Прелестная д#ва на сей торжественный случай облеклась в легкое газовое платье, украсив чело, волосы и шею всею роскошью своего туалета. Лицо ее посин#ло, и она дрожала, как осиновый лист.

– Как ваше здоровье, мисс Токс? – сказала м-р Домби.

Мисс Токс, прис#дая на вопрос м-ра Домби, который сд#лал два или три шага ей на встр#чу, опустилась в свой пышный газ и кружева, как мгновенно сдвинутая зрительная трубка.

– Я никогда не забуду этого дня, сэръ! – н#жно сказала мисс Токс, – о, никогда! Любезная Луиза, я почти не см#ю в#рить своим чувствам!

Если бы мисс Токс в#рила по крайней м#р# одному из своих чувств, то узнала бы, что день был очень холодный. С этим, конечно, нельзя было не согласиться. Она воспользовалась первым удобным случаем возстановить задержанное холодом кровообращение на кончик# своего носа и усердно принялась тереть его платком, опасаясь, в#роятно, чтобы слишком низкая температура не произвела неприятна# впечатл#ния на ребенка, когда она станет его ц#ловать.

Наконец явился и герой с_е_г_о_п_р_а_з_д_н_е_с_т_в_а, несомый на руках м-сь Ричардс; в аррьергард# его свиты шла Флоренса, под стражей неутомимой Сусанны Ниппер, замыкавшей торжественное шествие. Хотя на этот раз компания, прибывшая из д#тской, находилась не в глубоком траур#, однако в наружности д#йствующих лиц не было ничего праздничного. Младенец, может быть, испуганный посин#лым носом крестной матери, начал кричать, и этим пом#шал м-ру Чикк# обласкать Флоренсу, к которой он уже подступал с этим намерением. М-р Чикк# вообще не слишком жаловал породу Домби, быть может, оттого, что слишком коротко знаком был с одной особой, которая н#когда им#ла честь носить эту фамилию; но маленькую Флоренсу он очень любил и не скрывал своей привязанности. Вот почему и теперь он хот#л подойти к б#дной сиротк#; но дражайшая половина при крик# ребенка остановила супруга.

– Чего ты смотришь, Флоренса? – прервала с живостью тетка. – Подойди к братцу, ут#шь его.

Температура сд#лалась или должна была сд#латься еще холодн#е, когда м-р Домби обратился с холодным вниманием к своей маленькой дочери, которая, хлопая ручонками и приподнимаясь на цыпочки, манила к себе# маленького брата, стараясь обратить на себя его внимание. Ребенок в самом д#л# услышал привычный голосок, посмотр#л вниз и замолчал. Быть может, искусные маневры м-сь Ричардс тоже сод#йствовали к успокоению благородного насл#дника м-ра Домби. Флоренса спряталась за кормилицу – ребенок нетерп#ливо сл#дил ее глазами; она выглянула опять с веселым криком – он запрыгал и улыбался от радости; наконец, когда сестра подб#жала к нему, малютка громко засм#ялся и опустил ручку в ее локоны, между т#м как она с н#жностью осыпала его поц#луями.

Приятно ли это было м-ру Домби? История молчит; но он не выразил удовольствия ни мал#йшим движением. Впрочем, всякое наружное выражение чувств было не по его натур#. Если бы как-нибудь солнечный луч прокрался в комнату и осв#тил играющих д#тей, он отнюдь не прояснил бы его лица. Оно было так неподвижно и холодно, что даже посл#дний теплый луч померк в веселых глазках маленькой Флоренсы, когда она случайно встр#гилась с глазами отца.

День был с#рый, пасмурный, настоящий осенний, и в этот промежуток минутного молчания листья печально падали с деревьев.

– М-р Джонъ, – сказалъ м-р Домби, посмотрѣвъ на часы и взявъ шляпу, – потрудитесь вести сестру; моя рука сегодня принадлежитъ миссъ Токсъ. Ричардсъ, ступайте впередъ съ мромъ Павломъ, да будьте осторожны.

Въ каретѣ м-ра Домби отправились: Домби и Сынъ, миссъ Токсъ, м-съ Чиккъ, Ричардсъ и Флоренса; въ маленькой каретѣ м-ра Чиккъ поѣхали Сусанна Нипперъ и самъ м-р Джонъ. Сусанна безпрестанно глядѣла въ окно, чтобы избавиться отъ печальной необходимости смотрѣть на широкое лицо джентльмена, и всякій разъ, когда что-нибудь звенѣло, ей казалось, будто м-р Чиккъ завертываетъ деньги и хочетъ угостить ее подаркомъ.

Дорогой, на пути къ церкви, м-р Домби хлопнулъ однажды въ ладоши, чтобы позабыть сына, – и миссъ Токсъ пришла въ неописуемый восторгъ при этомъ изъявлении родительской нѣжности. Больше ничего не случалось и не сказалъ м-р Домби, и веселый похороны на крестины отличался отъ похоронной процессіи только особымъ цвѣтомъ экипажа и лошадей.

У церковныхъ дверей карету поспѣшилъ встрѣтить сторожъ съ какой-то злобной физиономіей. М-р Домби вышелъ прежде всѣхъ, чтобы принять дамъ, и когда онъ остановился, его тоже можно было принять за сторожа, разумѣется, не церковнаго, но за суроваго с_т_р_а_ж_а челоу#ческихъ дѣлъ и помышлений.

Миссъ Токсъ съ трепетнымъ благоговѣніемъ подала руку м-ру Домби и начала съ нимъ взбираться по ступенямъ церковной паперти. Въ церкви совершалась другая торжественная церемонія, и миссъ Токсъ ясно слышала слова: "Охотой ли идешь за него Лукреція?" – «Да» – отвѣчала другой голосъ.

– Потрудитесь скорѣе внести ребенка, – сказалъ сторожъ, отворяя церковную дверь.

– Въ могилу? – могъ бы спросить маленькій Павелъ вмѣстѣ съ Гамлетомъ, – такимъ холодомъ и сыростью повѣяло изъ церкви! Большая завѣшенная ка#едрa и покрытый налой, страшные ряды порожнихъ скамеекъ, угрюмыхъ галлерей, возвышавшихся до самаго потолка и пропадавшихъ въ тѣни огромнаго нахмуреннаго органа, пыльные рогожи и холодный полъ, вымощенный каменными плитами, пустые стулья въ переднихъ углахъ и страшная сырость въ заднемъ углу, гдѣ стояли катафалки, гробовыя носилки и нѣсколько лопатъ, корзины и кое-какой дряни, перевязанной гробовыми веревками, странный, неестественный запахъ и погребальный свѣтъ: такова была англійская церковь, гдѣ собирались совершить священный обрядъ.

– Теперь у насъ свадьба, сказалъ сторожъ, – но ее сейчасъ кончатъ. Не угодно ли вамъ пожаловать въ придѣлъ?

При этихъ словахъ, показывая дорогу въ придѣлъ, сторожъ поклонился м-ру Домби съ легкой улыбкой, давая знать, что уже имѣлъ честь познакомиться съ его милостью при похоронахъ его супруги, и надѣется, что съ тѣхъ поръ почтенный джентльменъ былъ въ добромъ здоровьи.

Физиономіи новобрачныхъ отнюдь не обнаруживали пламенныхъ восторговъ удовольствіи сердца, и вся свадебная процессія имѣла необыкновенно печальный видъ. Нев#ста была очень стара, женихъ очень молодъ; какой-то устарѣлый фантъ, съ однимъ настоящимъ и другимъ поддѣльнымъ глазомъ, велъ молодую. Вся компанія дрожала отъ холода. Въ придѣлѣ дымился огонь, и старый дякъ "наводилъ справку", ощупывая пальцемъ огромные листы фоліанта, исписаннаго именами покойниковъ. Надъ каминомъ висѣлъ планъ церковныхъ склеповъ, и м-р Чиккъ, бѣгло читая вслухъ реестръ усопшихъ и погребенныхъ особъ, невзначай произнесъ также и имя Фанни.

Черезъ нѣсколько минутъ явился староста, низенькій, худенькій старичекъ, одаренный сильной одышкой; онъ почтительно поклонился и доложилъ, что купель приготовлена. Однако-жъ все еще должно было дожидаться, пока записывались свадебные свидѣтели, и между тѣмъ угрюмый, задыхавшійся староста ходилъ взадъ и впередъ и безпрестанно каш-

ляль, частью отъ слабости, частью для того, чтобы напомнить о своей особ# жениху и нев#ст#, выходявшимъ изъ церкви. Потомъ пришелъ пономарь, единственное веселое лицо во всей церкви; онъ принесъ кружку теплой воды и пробормоталь, что не м#шало бы напередъ согр#ть купель, хотя очень хорошо зналь, что купель не нагр#ютъ теперь и миллионы ведеръ кипятку. Наконецъ явился и самъ пасторъ, любезный молодой челов#къ съ улыбающимся лицомъ; но его фигура должна была наводить ужасъ на маленькихъ д#тей, напоминая одного изъ т#хъ страшныхъ сказочныхъ пугаль, которыя, какъ изв#стно, всегда являются въ б#ломъ саван#, – а ризы почтеннаго пастыря англиканской церкви были очень похожи на б#лый саванъ. Д#йствительно, при одномъ вид# его, Павелъ закричалъ благимъ матомъ и до т#хъ поръ не переставаль, покуда его не увезли прочь. Даже и посл#, во все продолженіе обряда, раздавался въ церкви крикъ ребенка то громкій, то тихій, поперемен#но возвышаясь и понижаясь самымъ неприятнымъ образомъ. Это до такой степени разстроило чувствительныхъ дамъ, что м-съ Чиккъ безпрестанно оборачивались и посылала старосту къ кормилиц# съ разными порученіями, а миссъ Токсъ забыла даже закрыть молитвенникъ въ то самое время, когда священникъ читаль заклинательную молитву.

Во все это время м-ръ Домби ни разу не изм#нилъ своей безстрастной, джентльменской фізіономіи и оттого, можетъ быть, въ церкви сд#лалось еще холодн#е, такъ что при чтеніи пасторомъ молитвъ, паръ изъ его устъ видимо распространился предъ очами благочестивыхъ слушателей. Только одинъ разъ, когда пасторъ, въ заключеніе церемоніи, давая наставленіе воспріемникамъ касательно ихъ будущихъ обязанностей въ отношеніи къ духовному чаду, взглянулъ случайно на м-ра Чикка; лицо м-ра Домби приняло необыкновенновеличественное выраженіе, какъ-будто онъ хот#ль сказать, что крестный отецъ долженъ побережъ себя отъ такого сов#та.

Когда все было кончено, онъ опять подаль руку миссъ Токсъ и проводилъ ее въ прид#ль, гд# объяснилъ священнику, что почель бы большимъ счастьемъ пригласить его къ себ# откушать хл#ба-соли, если бы хозяйство не было у него въ плачевномъ состояніи. Когда метрическая книга была подписана, деньги за крестины заплачены, староста, дьячекъ и пономарь нм#ст# со сторожемъ получили на свой пай, небольшое общество снова ус#лось въ кареты и въ томъ же порядк# двинулось въ обратный путь.

Дома почтенную компанію встр#тилъ бронзовый Вильямъ Питтъ, который, по-видимому, отворачиваль носъ отъ холодныхъ блюдъ, приготовленныхъ скор#е для поминокъ, ч#мъ для радостнаго торжества. По возвращеніи изъ церкви, миссъ Токсъ подарила своему крестнику серебряную кружку, а м-ръ Чиккъ ложку, вилку и ножикъ въ особомъ ящик#. Съ своей стороны м-ръ Домби поднесъ миссъ Токсъ браслетъ, и миссъ Токсъ приняла с_е_й_д_а_р_ь_ с_ь_ б_л_а_г_о_г_о_в_#_й_н_ы_м_ь_и_з_л_і_я_н_і_е_м_ь_ глубокаго чувства п_р_и_з_н_а_т_е_л_ь_н_о_с_т_и.

– М-ръ Джонъ – сказалъ м-ръ Домби, – не угодно ли вамъ садиться за столъ? Что у васъ тамъ?

– Холодная говядина, сэръ, – отв#чалъ м-ръ Чиккъ, потирая одну о другую свои окочен#вшія руки, – а у васъ что тамъ?

– Холодная телятина, кажется, – возразилъ м-ръ Домби. – А тамъ вонъ холодная дичь, ветчина, пирогъ, салатъ, раки. Миссъ Токсъ! Позвольте просить васъ виномъ! Шампанскаго, миссъ Токсъ!

Кушанья были такъ холодны, что при одномъ взгляд# на нихъ зубамъ становилось больно. Шампанское, казалось, вовсе замерзло, и миссъ Токсъ чуть не вскрикнула, когда прикоснулась къ бокалу. Холодные и жаркія принесены были изъ такого ледяного буфета, что отъ одного прикосновенія къ нимъ у м-ра Чиккъ окостен#ли пальцы. Только одинъ м-ръ Домби былъ непоколебимъ по прежнему.

Господствующее настроеніе отразилось даже на м-сь Чиккь: она уже не льстила брату, не болтала съ пріятельницей и думала только о томъ, какъ бы укротить б_у_й_с_т_в_о зубовъ, н_а_ч_и_н_а_в_ш_и_х_ь противъ ея в_о_л_и колотить очень неприятную тревогу.

– Ну, сэръ, – сказалъ м-ръ Чиккь, наливая стаканъ хересу и д#лая неожиданный скачекъ посл# продолжительнаго молчанія, – съ вашего позволенія, за здоровье нашего маленькаго Павла!

– Даруй ему Боже вс#хъ возможныхъ благъ! – пропищала миссъ Токсъ, прихлебывая вино.

– Миленькій Домби! – прошептала миссъ Чиккь.

– М-ръ Джонъ, – сказалъ м-ръ Домби съ суровой важностью, – мой сынъ не преминулъ бы отблагодарить васъ, если бы понималъ, какую д#лаютъ ему честь. Впосл#дствіи, я над#юсь, онъ сум#етъ опред#лить свои отношенія къ родственникамъ и друзьямъ и пойметъ, какія обязанности къ обществу св#тъ налагаетъ на каждаго достойнаго гражданина.

Эти слова были произнесены такимъ тономъ, что всякое возраженіе казалось неум#стнымъ, даже дерзкимъ, и потому м-ръ Чиккь погрузился опять въ прежнее велер#чивое молчаніе. Миссъ Токсъ слушала м-ра Домби еще съ большимъ вниманіемъ противъ обыкновеннаго, наклонивъ къ нему голову съ напряженнымъ любопытствомъ, и когда онъ кончилъ, она нагнулась черезъ столъ къ м-ру Чиккь и прошептала:

– Луиза!

– Что, мой другъ? – спросила м-сь Чиккь.

– Какія обязанности къ обществу св#тъ... Какъ это сказано, я не понимаю.

– Возлагаетъ на всякаго чело#ка! – отв#чала м-сь Чиккь.

– Извините, мой другъ, – возразила миссъ Токсъ, – мн# кажется не такъ. Это было сказано какъ-то плавн#е, деликатн#е... Какія отношенія къ родственникамъ и друзьямъ и какія обязанности къ обществу св#тъ налагаетъ на достойнаго гражданина!

– Налагаетъ на достойнаго гражданина. Точно такъ! – повторила м-сь Чиккь.

Миссъ Токсъ съ торжествомъ сложила свои н#жныя руки и, поднявъ глаза къ потолку, прошептала: – Какое краснор#чіе!

М-ръ Домби приказалъ, между т#мъ, позвать м-сь Р_и_ч_а_р_д_с_ь. Черезъ н#сколько минутъ кормилица явилась въ залу, но уже одна, безъ ребенка, потому что ребенокъ спалъ кр#пкимъ сномъ посл# тревожнаго дня. М-ръ Домби подаль ей стаканъ вина и началъ сл#дующую р#чь, которую миссъ Токсъ приготовилась слушать съ напряженнымъ вниманіемъ, стараясь не проронить ни одного слова.

– Въ продолженіе пяти или шести м#сяцевъ, проведенныхъ въ моемъ дом#, м-сь Ричардсъ, вы исполняли добросов#стно свои обязанности въ отношеніи къ любезн#йшему моему сыну. Желая достойнымъ образомъ вознаградить васъ при этомъ благополучно совершившемся торжеств#, я обдумывалъ, какъ это сд#лать соотв#тственн#е моему званію и сов#товался на сей конецъ съ возлюбленн#йшею моею сестрой, м-сь...

– Чиккь! – перервалъ джентльмень, носившій эту фамилію.

– О, не прерывайте, сд#лайте милость! – сказала миссъ Токсъ.

– Я хот#ль сказать вамъ, Ричардсъ, – началъ опять м-ръ Домби, бросивъ строгій взглядъ на м-ра Чиккь, – что я въ особенности руководствовался при этомъ первымъ разговоромъ съ вашимъ супругомъ, отъ котораго я узналъ, въ какихъ печальныхъ обстоятельствахъ находится ваше семейство, и въ какомъ глубокомъ нев#жеств# косн#ютъ ваши д#ти,

Ричардсъ вздрогнула.

– Я очень далекъ отъ того, – продолжалъ м-ръ Домби, – чтобъ быть на сторон# дерзкихъ вольнодумцевъ, распространяющихъ вздорную мысль о необходимости всеобщаго образованія. Но считаю также необходимымъ, чтобы низшій классъ понималъ свое положеніе и, руководимый истиннымъ просв#щеніемъ, благовременно, по собственному чувству чести и

долга, поучался бы смиренію, послушанію, повиновенію и другимъ подобнымъ добродетелямъ, составляющимъ истинную, незыблемую, непреложную основу гражданской цѣлости и невозмутимаго спокойствія. Съ этой, и только съ этой стороны, я одобряю училища.

Здѣсь м-ръ Домби величаво окинулъ глазами собраніе, и, довольный благоговѣйнымъ вниманіемъ, съ какимъ его слушали, продолжалъ:

– Имѣя право назначать одного кандидата въ заведеніе, извѣстное подъ названіемъ "Благотворительнаго Точильщика", гдѣ дѣти получаютъ не только воспитаніе, соотвѣтственное своему назначенію, но и пользуются безбѣднымъ содержаніемъ, я, сообщивъ предварительно о моемъ намѣреніи чрезъ м-съ Чиккъ вашему семейству, представилъ вашего старшаго сына на имѣющуюся вакансію, и онъ сегодня, какъ извѣстили меня, принятъ уже въ число воспитанниковъ. Номеръ вашего сына – заключилъ м-ръ Домби, обращаясь къ сестрѣ и говоря о мальчикѣ, какъ будто рѣчь шла о наемномъ фіакрѣ, – кажется; сто сорокъ седьмой. Луиза, потрудись передать ей.

– Сто сорокъ седьмой, – сказала м-съ Чиккъ. – Форма у нихъ, Ричардсъ: теплая фризювая куртка и фуражка синяго цвѣта съ желтой выпушкой, красные шерстяные чулки и узкіе кожаные брюки. Это можно носить самимъ, – прибавила м-съ Чиккъ съ энтузіазмомъ, – да еще похваливать.

– Ну, Ричардсъ, – сказала миссъ Токсъ, – поздравляю васъ. Благотворительный Точильщикъ! каково?

– Много обязана вамъ, сэръ, – робко отвѣчала кормилица, обращаясь къ м-ру Домби, – никогда не забуду вашихъ благодѣній. Дай вамъ Богъ много лѣтъ здравствовать.

Въ это время Котель – читатель не забылъ прозвище старшаго кочегарова сына – въ полномъ нарядѣ воспитанника Благотворительнаго Точильщика представился съ такой поразительной живостью воображенію Ричардсъ, что она не могла удержаться отъ слезъ.

– Я очень рада, что нахожу въ васъ столько чувствительности, Ричардсъ! – сказала миссъ Токсъ.

– Послѣ этого можно надѣяться, – прибавила миссъ Чиккъ, обрадовавшись случаю блеснуть своимъ познаніемъ чловѣческаго сердца, – что на свѣтѣ есть еще души, умѣющія чувствовать благодарность.

Ричардсъ кланялась и благодарила за ласки, но не находя средствъ выйдти изъ замѣшательства, въ которое приводила ее мысль увидѣть сына въ драгоцѣнныхъ кожаныхъ штанахъ, она понемногу начала пятиться къ дверямъ и была очень рада, когда, наконецъ, удалось ей ускользнуть изъ комнаты.

Температура, которая немного смягчилась въ присутствіи кормилицы, съ ея уходомъ перемѣнилась опять, и морозъ началъ свирѣпствовать съ прежней жестокостью. М-ръ Чиккъ два раза принимался насвистывать, но вмѣсто веселой пѣсни выходилъ у него какой-то погребальный маршъ. Маленькое общество съ каждой минутой становилось холоднѣе и холоднѣе, какъ будто превращалось въ твердую оледенѣлую массу вмѣстѣ съ блюдами, передъ которыми сидѣло. Наконецъ, м-съ Чиккъ взглянула на миссъ Токсъ, а миссъ Токсъ взглянула на м-съ Чиккъ и, кивнувъ утвердительно головами, обѣ леди сказали, что пора домой. Такъ какъ м-ръ Домби не сдѣлалъ никакого возраженія, честная компанія поспѣшила откланяться и немедленно отправилась въ сопровожденіи м-ра Чиккъ, который, лишь только лошади сдвинулись съ мѣста, запустилъ руки въ карманы, вальяжно развалился въ каретѣ и принялся насвистывать: "К_а_к_ъ_п_о_ш_л_и_н_а_ш_и_,_п_о_#_х_а_л_и_д_о_м_о_й" съ такой мрачной и ужасной досадой, что м-съ Чиккъ во всю дорогу ни разу не осмѣлилась остановить и обезпокоить его.

Ричардсъ, при всей приверженности къ своему питомцу, не могла забыть и своего первенца. Она чувствовала, что это не совсѣмъ сообразно съ чувствомъ благодарности; но этотъ день имѣлъ вліяніе даже на "Благотворительнаго Точильщика", и бѣдной матери показалось,

что оловянный значекъ и сто сорокъ седьмой номеръ были тоже необходимою принадлежностью крестинь. Она не разъ заговаривала въ д#тской о форменномъ плать# и особенно о милыхъ штанахъ, которые безпрестанно представлялись ея воображенію.

– Богъ знаетъ, чего бы я не дала, – сказала Полли, – чтобы хоть разокъ взглянуть на б#днаго малютку, покуда онъ не привыкъ.

– Ну, такъ что-жь, м-съ Ричардсъ? – сказала Нипперъ, посвященная въ ея тайну, – отъ васъ зависитъ съ нимъ повидаться.

– М-ръ Домби не позволить, – сказала Полли.

– Вотъ пустяки! Почему не позволить? – возразила Нипперъ, – мн# кажется охотно позволить, если попросить.

– Я думаю, вы ни за что не согласились бы просить его? – сказала Полли.

– Разум#ется, – утвердительно отв#чала Сусанна, – но погодите, вотъ въ чемъ штука: наши прелестныя надзирательницы говорили, кажется, что завтра не пожалуютъ къ должности. Такъ знаете ли что? Мы возьмемъ съ собой миссъ Флой, выйдемъ со двора и зададимъ такое гулянье, какого и не снилось вс#мъ этимъ Чиккъ и Токсъ.

Сначала Полли съ твердостью отказалась; но мало-по-малу она начала привыкать къ дерзкому предложенію, соединяя его съ мыслью о миломъ Котл#. Наконецъ, уб#дившись, что не большая б#да одинъ разъ безъ спросу отлучиться изъ дому, она согласилась, что выдумка Сусанны была очень благоразумна.

Когда д#ло было слажено, маленькій Павелъ принялся кричать, какъ-будто предчувствовалъ, что зат#я къ добру не поведетъ.

– Что это съ ребенкомъ? – спросила Сусанна.

– Кажется, онъ продрогъ, – сказала Полли, расхаживая съ нимъ по комнат# взадъ и впередъ и убаюкивая его на рукахъ.

День былъ пасмурный, настоящій осенній день. Когда кормилица, укачивая ребенка, заглядывала по временамъ въ заплаканныя стекла окна, на двор# дико жужжалъ пронзительный в#теръ, поблекшіе листья съ шумомъ падали съ чахлыхъ деревьевъ, и ей становилось страшно, и сердце ея судорожно сжималось, и она кр#пко прижимала къ груди трепещущаго младенца.

Глава VI Второе лишение Павла

Горькое раздумье взяло робкую Полли, когда поутру на другой день она сообразила всю опасность дерзкаго предприятия. Б#дная мать уже р#шалась было со страхомъ и трепетомъ предстать предъ грозныя очи м-ра Домби и умолять его о позволеніи повидаться съ номеромъ сто сорокъ седьмымъ; но черноокая подруга ея и слышать не хот#ла объ этомъ нам#реніи. Что д#лать? Ужъ такова была натура Сусанны Нипперъ, Выжиги, что если ей разъ чего захот#лось, это – что называется – тотчасъ же сл#довало вынуть, да положить. У ней доставало довольно твердости духа хладнокровно смотр#ть на чужія б#ды и неудачи, зато она терп#ть не могла, когда сама попадалась въ просакъ, или просто, когда ей въ чемъ-нибудь прекословили. На этотъ разъ она столько придумала непреборимыхъ препятствій къ выполненію законнаго нам#ренія м-съ Ричардсъ, и вм#ст# такъ уб#дительно доказывала необходимость противозаконной выходки, что едва только м-ръ Домби вышелъ изъ-за воротъ, какъ неразумный сынъ его лет#ль уже безъ оглядки по направленію къ садамъ Стаггса.

Пресловутые сады Стаггса находились въ захолустьи, которое окрестнымъ жителямъ было изв#стно подъ именемъ Кемберлинскаго Города, или Кемденскаго тожъ. Сюда-то направили стопы свои дв# быстроногія няньки м-ра Домби вм#ст# со своими питої#щами: Ричардсъ, разум#ется, несла на рукахъ Павла, а Сусанна вела за руку маленькую Флоренсу, по временамъ, порядка ради, давая ей пинки и толчки, что она считала совершенно необходимымъ для здоровья своей воспитанницы.

Въ эту самую пору первый ударъ страшнаго землетрясенія совершенно разрушилъ въ Лондон# ц#лый кварталъ, и св#жіе сл#ды этой ужасающей грозы видн#лись на каждомъ шагу. Высочайшіе дома со всего размаху шарахнулись внизъ и запрудили своими развалинами ц#лыя улицы съ ихъ переулками. Зд#сь образовались глубокія ямы и каналы; тамъ возникли огромные холмы изъ глины и земли. Зд#сь опрокинутыя и перековерканыя т#л#ги въ безобразномъ хаос# лежали при подошв# крутого неестественнаго холма; тамъ, въ какомъ-то чудовищномъ пруду мокли и ржав#ли перепутанныя полосы жел#за. Откуда-то явились мосты, ни къ чему ненужные, переулки, по которымъ никто не проходилъ, временные дома и ограды изъ толстыхъ бревенъ и досокъ въ самыхъ нев#роятныхъ положеніяхъ; вавилонскія башни разнокалиберныхъ трубъ съ оторванными наконечниками, остовы постоялыхъ дворовъ, обломки неоконченныхъ ст#нъ и арокъ, площади, загромажденные кирпичами, известью, м#ломъ; подмостки, л#са, гигантскія формы крановъ, треножки, в#сы и прочее. Тутъ были сотни тысячъ неоконченныхъ фигуръ, безъ лица и образа, торчавшихъ на боку и вверхъ ногами, въ земл#, въ воздух#, въ вод#: хаосъ непостижимый для ума, какъ страшный сонъ, какъ дикая мечта! Кипучіе ключи и огненные изверженія, необходимые спутники землетрясенія, съ яростью врывались на различные пункты грозной сцены. Клокочущая вода шип#ла и волновалась въ разрушенныхъ ст#нахъ, откуда въ то же время, какъ изъ кратера вулкана, съ яркимъ блескомъ и громкимъ ревомъ, исторгалось пожирающее пламя. Все пришло въ безпорядокъ, все изм#нило зд#сь свои законы, постановленія, привычки.

Еще неоконченная и неоткрытая жел#зная дорога была въ работ#, и изъ самой сердцевины этого страшнаго безпорядка уже видн#лись ея рельсы, – новый могучій в#стникъ цивилизаціи и усп#ховъ челов#ческаго разума.

Между т#мъ сос#дніе жители еще съ н#которымъ сомн#ніемъ посматривали на жел#зную дорогу. Двое см#лыхъ спекуляторовъ зат#яли проложить н#сколько улицъ, и одинъ уже началъ постройку домовъ, но принужденъ былъ остановиться среди грязи и пепла. Другой прожектеръ выстроилъ съ молотка новый трактиръ подъ выв#ской: "Гербъ Жел#зной Дороги"; тутъ не было риску; трактирщикъ во всякомъ случа# над#ялся продавать

вино работникамъ и мастеровымъ. Распивочная лавочка, для вящей важности, переименовалась въ "Домъ Перепутья Землекоповъ"; а содержатель колбасной лавочки прив#силъ огромную выв#ску: "Съ#стной Домъ Жел#зной Дороги". Появилось тоже н#сколько гостиницъ и постоялыхъ дворовъ; но все это не значило ничего, и вообще дов#ріе публики къ новымъ рельсамъ было покам#сть еще очень слабо. Около самой дороги паслись коровы, свиньи, пом#щались хл#вы, стояла торчали навозныя ямы, мусорныя кучи, строились плотины, сады, бес#дки, фабрики, валялись устричныя раковины въ устричный сезонъ, раковая шелуха въ раковую пору, куски разбитой посуды и завядшіе листья капусты во всякое время года. Ограды, перила, столбы съ разными приказами, наказами, запрещеніями, неуклюжія лачужки съ неуклюжими угодыями, – все это гордо стояло на прежнихъ м#стахъ и какъ будто изд#валось надъ суетливой д#ятельностью см#лыхъ антрепренеровъ. Ничто не улучшалось и не думало улучшаться отъ новой дороги, и если бы опустошенная, взрытая и перерытая земля отличалась завиднымъ даромъ см#ха, она съ презр#ніемъ захохотала бы вм#ст# съ окрестными жителями, которые вдоволь пот#шались на свой пай.

Упомянутые сады Стаггса питали особенное презр#ніе къ жел#зной дорог#. Это былъ небольшой рядъ домовъ съ грязною окрестностью, отгороженною старыми воротами, обручами изъ бочекъ, парусинными лоскутьями, плетнемъ, жестяными котлами съ выбитымъ дномъ и м#стами перержав#лой жел#зной р#шеткой, втиснутой въ разныя щели. Зд#съ садовники Стаггса с#яли турецкіе бобы, разводили куръ, гусей, кроликовъ, строили гнмлыя бес#дки изъ старыхъ лодокъ, сушили платья, курили трубки. Н#которые думали, что сады Стаггса получили свое имя отъ покойнаго капиталиста, н#когого господина Стаггса, который выстроилъ домики для собственнаго удовольствія. Другіе, особенно любившіе эту окрестность, были того мн#нія, что имя «Стаггса» произошло отъ стада оленей (stags), которые въ незапамятныя времена паслись въ т#нистыхъ рощахъ этого предм#стья. Какъ бы то ни было, весь околотокъ считалъ сады Стаггса священной рощей, которая не увянетъ ни отъ какого забавнаго изобр#тенія, и такова была общая ув#ренность въ ея долгов#чности, что одинъ трубочистъ, жившій на углу, чело#къ въ н#которомъ смысл# политическій между окрестными жителями, публично и торжественно объявилъ, что въ случа# открытія жел#зной дороги, если только она откроется, двое мальчишекъ вскарабкаются по его повел#нію на кровлю, и съ вершины трубы, съ метлами въ рукахъ, громогласно ошикають вагоны и предскажутъ безразсудной компаніи неизб#жное паденіе.

И въ этотъ богоспасаемый пріютъ, котораго самое имя до сихъ поръ тщательно скрывали отъ м-ра Домби, судьба и м-съ Ричардсъ занесли маленькаго Павла.

– Вотъ мой домъ, Сусанна! – сказала Полли, указывая на одну изъ лачужекъ,

– Неужели?

– Да. А вонъ у воротъ стоитъ сестра Джемима съ моимъ ребенкомъ на рукахъ. Рекомендую.

И при вид# сестрицы Джемимы, Полли пустилась б#жать со вс#хъ ногъ, прискакала къ воротамъ, пром#няла въ мгновеніе ока благороднаго питомца на своего сына, къ невыразимому изумленію молодой женщины, которой показалось, будто маленькій Домби прилет#лъ къ ней съ облаковъ.

– Какъ? ты ли это, Полли? – кричала Джемима. – Охъ, какъ ты меня напугала! Кто бы могъ подумать? Пойдемъ, пойдемъ! Д#ти съ ума сойдутъ отъ радости, когда увидятъ тебя. Какъ ты похорош#ла, Полли!

Д#ти точно переб#сились, если судить по тому гвалту, съ какимъ они взапуски бросились на мать и поволокли ее къ низенькому стулу, гд# она, окруженная розовыми малютками, ус#лась какъ пышная зр#лая яблоня, обремененная наливными вкусными плодами, которые очевидно вс# разрослись отъ одного общаго дерева. Впрочемъ, Полли возилась сама не мен#е д#тей, и уже тогда только, какъ совершенно выбилась изъ силъ, когда волосы ея

въ безпорядк# растрепались по румяному пылающему лицу, и когда новое крестильное платье совс#мь было измято, суматоха немного пріутихла, и почтенное семейство пришло въ память. Но и тутъ еще младшій Тудль, сид#вшій на кол#няхъ, обхватилъ об#ими руками ея шею, между т#мъ какъ другой постарше сзади вскарабкался на стуль, и д#лалъ отчаянныя усилія поц#ловать мать въ затылокъ.

– Посмотрите-ка, вотъ со мной пришла хорошенькая миледи, – сказала Полли. – Какая она скромная, смиренная! Прекрасная барышня, не правда ли?

Это обращеніе къ Флоренс#, которая, притаившись у дверей, пристально смотр#ла на трогательную сцену, обратило на нее вниманіе маленькихъ Тудлей. Въ это же время посл#довало формальное представленіе миссъ Нипперъ, которая уже начинала беспокоиться, что ее совс#мь забыли.

– Ахъ, душенька Сусанна, пойдите сюда, моя милая, посидите немножко! – проговорила Полли. – Вотъ моя сестра Джемима, – рекомендую, сестрица; не знаю, что бы я стала д#лать, если бы не добрая Сусанна Нипперъ: в#дь безъ нея мн# бы не быть зд#сь.

– Прошу покорно садиться, миссъ Нипперъ, – сказала Джемима.

Сусанна съ важнымъ и церемоннымъ видомъ сд#лала книксенъ, и прис#ла на край стула.

– Мн# съ вами чрезвычайко пріятно познакомиться, миссъ Нипперъ, – продолжала Джемима, – въ жизнь никого я не видала съ такимъ удовольствіемъ, какъ васъ.

Сусанна немного приподнялась со стула и прив#тливо улыбнулась.

– Сд#лайте одолженіе, скиньте вашу шляпку, миссъ Нипперъ, будьте какъ дома, – говорила Джемима. – Зд#сь, какъ видите, все очень б#дно; но, над#юсь, вы не осудите насъ.

Черноглазая д#вушка такъ разн#жилась отъ этого почтительнаго обращенія, что взяла къ себ# на кол#ни маленькую Тудль, которая къ ней подб#жала.

– А гд# нашъ б#дный Котель? – сказала Полли. – Я в#дь для того и пришла, чтобы посмотретьть, каковъ онъ въ своемъ новомъ плать#.

– Ахъ, какъ жаль! – вскричала Джемима, – онъ пропадетъ съ тоски, когда узнаетъ, что мать была зд#сь. Теперь онъ въ школ#, Полли.

– Уже?

– Да. Вчера онъ поб#жалъ туда въ первый разъ: б#дняжка ужасно боится пропустить, что тамъ у нихъ учатъ. Но сегодня тамъ какой-то полупраздникъ, и посл# об#да ученья не будетъ. Если бы ты крошечку подождала, Полли: онъ скоро придетъ домой. Миссъ Нипперъ, в#роятно, вы будете такъ добры, что не станете торопить сестру?

– О, конечно, миссъ Тудль! – отв#чала Сусанна, очарованная лаской хозяйки, – для васъ я все готова сд#лать.

– А каковъ онъ теперь, Джемима? – пролепетала Полли. – Б#дняжка!

– Ничего, сестрица, – отв#чала Джемима, – онъ теперь парень хоть куда, не то, что прежде.

– Творецъ небесный! – вскричала Полли съ большимъ волненіемъ, – у него ножки должны быть слишкомъ коротки.

– Коротеньки, сестрица, особенно сзади; но они вытягиваются съ каждымъ днемъ, и авось, Богъ дастъ, со временемъ вытянутся.

Слабое, ненадежное ут#шеніе; но веселый тонъ и радушіе, съ какимъ оно было произнесено, придавали ему большую важность въ глазахъ б#дной матери. Черезъ минуту Полли спросила уже гораздо спокойн#е:

– А гд# отецъ, милая Джемима?

М-ръ Тудль былъ вообще изв#стенъ въ семь# подъ этимъ патріархальнымъ именемъ.

– И его н#тъ, – отв#чала Джемима. – Ахъ, какъ это жаль! Сегодня отецъ съ собою взялъ об#дъ и не воротится домой до вечера. Онъ всегда говоритъ о теб#, Полли, и со мною

и съ д#тьми. Что за добрая душа, если бы ты знала! Въ ц#ломъ св#т# не сыщешь такого смиренника.

– Спасибо, Джемима! – простодушно сказала Полли, обрадованная отзывомъ о муж#, и вм#ст# опечаленная его отсутствіемъ, – благодарю тебя, моя милая.

– Не за что, Полли, – отв#чала Джемима, напечатл#въ звонкій поц#луй на щек# сестры и весело припрыгивая съ маленькимъ Павломъ. – Я то же самое по-временамъ говорю о теб# и ужь, разум#ется, не лгу.

Несмотря на отсутствіе кочегара и его первенца, визитъ быстроногихъ нянекъ м-ра Домби далеко не пропаль даромъ. Сестры разговаривали о семейныхъ д#лахъ, о Котл#, о вс#хъ его братьяхъ и сестрахъ, между т#мъ какъ черноглазая гостья, совершивъ неоднократно путешествія по вс#мъ направленіямъ комнаты, внимательно разсматривала мебель, ст#нные часы, шкафъ, каминъ, комодъ съ красными и зелеными стеклами, и особенно пару черныхъ бархатныхъ котятъ, которые въ живописномъ положеніи стояли у камина, держа во рту ридикюли своей хозяйки, къ несказанному изумленію вс#хъ садовниковъ Стаггса. Какъ скоро разговоръ сд#лался общимъ, Сусанна въ припадк# откровенности рассказала Джемим# всю подноготную, что только было ей изв#стно о м-р# Домби, о его планахъ, замыслахъ, характер#, о его родственникахъ. Всл#дъ зат#мъ черноокая пов#ствовательница наиподробн#йшимъ образомъ исчислила разныя принадлежности своего собственного гардероба, и, наконецъ, описала въ главныхъ чертахъ характеры своихъ родственниковъ и друзей. Облегчивъ душу такой откровенностью, она съ удовольствіемъ выкушала добрый стаканъ портеру и обнаружила пламенное желаніе дать клятву въ неизм#нной и в#чной дружб#.

Флоренса тоже съ своей стороны не пропустила случая воспользоваться новымъ знакомствомъ. Обозр#въ грибы и другія р#дки знаменитаго сада, подъ руководствомъ маленькихъ Тудлей, она душой и сердцемъ вошла съ ними въ проектъ провести плотину черезъ зеленую лужу, накопившуюся въ одномъ углу. Она уже и приступила къ работ# со вс#мъ усердіемъ добраго товарища, какъ вдругъ, къ общему неудовольствію, проектъ былъ остановленъ на всемъ ходу суетливостью взбалмошной Сусанны. Отыскавъ свою воспитанницу, черноокая повелительница не преминула дать ей подзатыльникъ, и потомъ, вымывая ея руки и лицо, прочла очень назидательное наставленіе относительно того, какъ неприлично умной д#вочк# д#лать глупости, и какъ даже можетъ она свести въ гробъ с#дые волосы почтеннаго родителя, если только, сохрани Боже, онъ узнаетъ, ч#мъ занимается его д#тище. Вообще Сусанна, всегда в#рная своей педагогической тактик#, поступила очень строго, несмотря на чело#колюбивое вліяніе прохладительнаго напитка. Наконецъ, посл# непродолжительной аудіенціи между сестрами, толковавшими кой-о-чемъ насчетъ финансовыхъ обстоятельствъ, пос#щеніе окончилось. Полли взяла отъ сестры маленькаго Домби, передалъ ей своего сына, и дорогіе гости собрались домой.

Но напередъ нужно было спровадить куда-нибудь маленькихъ Тудлей, чтобы не сд#лать ихъ участниками прощальной сцены. Посл# предварительнаго сов#щанія ихъ отправили въ ближайшую мелочную лавку купить на гривну пряниковъ; когда дорога этой хитростью была совс#мъ очищена, Полли и Сусанна еще разъ поц#ловались съ Джемимой и быстро отправились въ путь. Джемима кричала вдогонку, что если он# свернуть немного въ сторону и пойдутъ по главной дорог# въ Сити, то непрем#нно встр#тятся съ Котломъ.

– А, какъ вы думаете, Сусанна, можно ли сд#лать небольшой крюкъ? – спросила Полли, остановившись перевести духъ.

– Почему же н#тъ? разум#ется, можно, – отв#чала миссъ Нипперъ съ полной ув#ренностью.

– Да в#дъ намъ, вы знаете, непрем#ино надо посп#тъ къ об#ду домой, – возразила Полли.

– Что-жъ за б#да? посп#емъ.

И компанія повернула на большую доогу въ Сити.

Жизнь б#днаго Котла, по милости форменнаго платья, сд#лалась со вчерашняго дня невыносимою во многихъ отношеніяхъ, Уличные мальчишки терп#ть не могли костюма "Благотворительнаго Точильщика", и всякій бродяга, при первомъ взгляд# на него, считалъ своей обязанностью броситься на беззащитнаго парня и сд#лать ему какую-нибудь пакость. По своему общественному существованію, онъ скор#е сталъ похожимъ на презр#ннаго жида среднихъ в#ковъ, ч#мъ на невиннаго ребенка девятнадцатаго стол#тія. Его стлкивали въ помойныя ямы, въ канавы, приплющивали къ столбамъ, забрызгивали грязью, забрасывали камнями, и тотъ, кто вид#лъ его первый разъ, считалъ за особое удовольствіе сорвать съ него желтую шапку долой и полюбоваться, какъ мелькнетъ она на воздух#. Его кривыя ноги послужили неистощимымъ предметомъ для ругательствъ: ихъ ощупывали, дергали, кололи, и каждый з#вака вдоволь пот#шался надъ колченогимъ воспитанникомъ. Нын#шнимъ утромъ, на дорог# въ школу, ему совершенно неожиданно вставили фонари подъ глаза, и учитель его же наказалъ за это самымъ жестокимъ образомъ; этотъ почтенный старый педагогъ получилъ м#сто школьнаго учителя въ заведеніи "Благотворительнаго Точильщика" по той причин#, что ничего не зналъ, ни къ чему не былъ способенъ, и особенно потому, что р#звые мальчишки могли питать безпред#льное уваженіе къ ею толстой сучковатой палк#.

Такимъ образомъ, б#дный Котель, по возвращеніи домой, принужденъ былъ выбирать немногочисленныя улицы и глухіе переулки, чтобы изб#жать своихъ мучителей; но все же ему никакъ нельзя было миновать главной дороги, и лишь только онъ выбрался на большую улицу, злосчастная судьба прямо наткнула его на ц#лую стаю ребятишекъ, которые, на этотъ разъ предводительствуемые молодымъ зв#рообразнымъ мясникомъ, уже давно искали благопріятнаго случая позабавиться на чей-нибудь счетъ. Благотворительный Точильщикъ", внезапно очутившійся посреди шайки, былъ для нея самою вождем#ною находкой: озорники подняли оглушительный гвалтъ и со вс#хъ сторонъ бросились на несчастнаго горемыку съ самымъ неистовымъ остервен#ніемъ.

Случилось, что въ это самое время Полли, безнадежно озираясь во вс# стороны и уже готовая поворотить на прямую дорогу, вдругъ, къ величайшему изумленію, сд#лалась свид#тельницею ужасн#йшаго зр#лища. Б#дная мать, испустивъ пронзительный крикъ, въ мгновеніе ока передала ребенка Сусанн# и стремглавъ бросилась на выручку несчастнаго сына.

Б#да, какъ изв#стно, никогда не приходитъ одна. Изумленную Сусанну Нипперъ и ея двухъ питомцевъ вытащили чуть не изъ-подъ самыхъ колесъ про#зжавшаго экипажа, и они еще не усп#ли опомниться, какъ со вс#хъ сторонъ поднялась ужасная кутерьма и раздались крики: "Б#шенный быкъ! б#шенный быкъ!"

День былъ базарный. Толкотня сд#лалась непом#рная. Толпа б#жала взадъ и впередъ, кричала и давила другъ друга; экииажы стлкивались, оирокидывались; б#шенный быкъ пробирался все дальше и дальше; между мальчишками завязалась остервен#лая драка; кормилица каое мгновеніе подвергалась опасности быть истерзанной въ куски. При вид# вс#хъ этихъ ужасовъ, Флоренса, сама не помня что д#лаетъ, закричала и опрометью поб#жала впередъ. И долго б#жала, и громко кричала она, приглашая Сусанну сл#довать за собой; но, наконецъ, силы совершенно изм#нили б#дной д#вочк#: она остановилась и всплесиула руками, вспомнивъ, что кормилица осталась въ толп#. Но кто опишетъ ея изумленіе, ужась, когда, обернувшись назадъ, она увид#ла, что и Сусанны не было съ ней! Одна, совершенно одна!

– Сусанна! Сусанна! – кричала Флоренса, хлопая руками, какъ пом#шанная. – Ахъ, Боже мой, гд# они! гд# они!

– Какъ гд# они? – брюзгливымъ голосомъ прошип#ла старуха, прихрамывая и ирипрыгивая съ возможной скоростью съ противоположной стороны переулка. – Зач#мъ же ты отъ нихъ уб#жала.

– Я испугалась, – отв#чала Флоренса, – я и сама не знала, что д#лаю. Я думала, что они со мной. Да гд# же она?...

– Пойдемь, я теб# ихъ покажу, – отв#чала старуха, взявъ ее за руку.

Это была совершенно безобразная старуха, съ красными закраинами вокругъ глазъ, со ртомъ, который чавкаль и мямлиль самъ собою, когда она переставала говорить. Она была въ самой гадкой одежд#, и надъ рукой ея торчали какіе-то кожаные лоскутья. По всему было видно, что она уже давно догоняла Флоренсу, потому что совершенно выбилась изъ силъ, и когда остановилась перевести духъ, ея горло и желтое морщинистое лицо начали кривляться сами собою пребезобразнымъ образомъ на вс# возможные манеры.

Флоренс# сд#лалось страшно, и она съ трепетнымъ колебаніемъ начала озираться во вс# стороны; но м#сто было совершенно пустое: во всемъ переулк# ни одной живой души, кром# ея ужасной старухи.

– Теб# нечего меня бояться, – сказала старуха, кр#пко удерживая ее за руку. – Пойдемь со мной.

– Я, я не знаю васъ. Какъ васъ зовуть? – сѣфосила Флоренса.

– Я м-съ Браунъ. Меня зовуть доброю бабушкою.

– А он# недалеко отсюда? – спросила Флоренса, насильно увлекаемая впередъ.

– Сусашна близехонько, а другія почти подл# нея, – отв#чала добрая бабушка.

– Никого не ушибли? – вскричала Флоренса.

– Никого: вс# ц#лехоньки, – отв#чала добрая бабушка.

Флоренса при этомъ изв#стіи заплакала отъ радости и охотно пошла за ней, хотя по временамъ, украдкой взглядывая на ея лицо и особенно на чудод#йственный ротъ, не могла надивиться страшной фигур# доброй бабушки, и невольно задавала себ# вопросъ: какая же должна быть злая бабушка, если таковая существуетъ на б#ломъ св#т#.

Н#сколько времени он# шли по глухимъ, безлюднымъ м#стамъ, проходя по дворамъ, гд# выжигали кирпичи и д#лали черепицу. Наконецъ, старуха повернула въ темный и узкій переулокъ, гд# грязь лежала глубокими выбоинами среди дороги. Она остановилась передъ скаредной избушкой съ трещинами и скважинами со вс#хъ сторонъ, но кр#пко-накр#пко запертой большимъ замкомъ. Вынувъ изъ кармана ключъ, она отворила дверь, впихнула ребенка въ заднюю комнату, гд# въ беспорядк# на полу разбросаны были кучи разноцв#т-ныхъ лохмотьевъ, груды костей и прос#янной пыли или пепла. Ст#ны и полъ казались вычер-ненными сажей, и во всей комнат# не было никакой мебели.

У д#вочки отъ страху отнялся языкъ, и она чуть не упала въ обморокъ.

– Что ты такъ вылупила глаза? – сказала добрая бабушка, толкая ее въ бокъ. – Не бойся, я тебя не задушю. Садись на лоскутья.

Флоренса повиновалась и съ умоляющимъ видомъ подняла кверху сложенные руки.

– Ты мн# не нужна, и больше часу я не задержу тебя, – сказала старуха. – Понимаешь, что я говорю?

Д#вочка съ большимъ затрудненіемъ выговорила: "да".

– Такъ смотри же, – продолжала старуха, усаживаясь на кучу костей, – не разсерди меня. Если не разсердишь, я тебя выпущу ц#лехоньку, а если... то ужъ не пеняй, я задушю тебя, какъ котенка. Отъ меня ты никуда не увернешься: могу я задушить тебя во всякое время, хоть бы лежала ты дома на своей постели. Ну, такъ теперь рассказывай: кто ты? все рассказывай, что знаешь. Ну, пошевеливайся.

Угрозы и общанія старухи, страхъ оскорбить ее, необычная въ ребенк# привычка влад#ть собой, казаться спокойною и подавлять въ себ# чувства страха и надежды, – все это доставило ей возможность выполнить грозное повел#ніе и рассказать свою маленькую исторію такъ, какъ она ее знала. Старуха съ большимъ вииманіемъ выслушала до конца.

– Такъ тебя зовуть Домби? А? – спросила м-съ Браунъ.

– Точно такъ, бабушка.

– Ну, такъ слушай же, миссъ Домби, – ирошии#ла добрая бабушка, – мн# нужно твое платье, твоя шляпка и твои дв# юбки, и все, безъ чего ты можешь обойтись. Ну! Разд#вайся.

Флоренса, обративъ испуганные глазки на ужасную старуху, съ возможной скоростью начала дрожщими руками исполнять ея приказъ. Когда она скинула съ себя вс# эти наряды, м-съ Браунъ внимательно ихъ осмотр#ла, и, по-видимому, осталась совершенно довольною добротой и высокой ц#нностью матерій.

– Ум-мъ! – прохрип#ла старая в#дьма, устремивъ сверкающіе зрачки на бл#діе лицо своей жертвы. – Больше ничего не видать на теб# кром# башмаковъ. Давай сюда башмаки.

Флоренса проворно скинула башмаки, над#ясь этой готовностью угодить м-съ Браунъ. Тогда старуха начала рыться въ куч# лохмотьевъ и черезъ н#сколько минутъ вытащила оттуда какое-то грязное платьице, старый истасканный салопъ съ разнокалиборными заплатами и безчисленными прор#хами по бокамъ, и гадкую испачканную тряпицу, суррогатъ женской шляпы, вытащенный, в#роятно, изъ помойной ямы или навозной кучи. Она приказала Флоренс# од#ваться, и б#дная д#вочка, над#ясь на скорое освобожденіе, посп#шно стала напяливать на себя эти лохмотья.

Над#вая гадкую шапку, похожую бол#е на какое-то изорванное с#дло, ч#мъ на женскій головной уборъ, Флоренса второпяхъ запуталась въ своихъ роскошныхъ волосахъ и долго не могла приладить этой тряпки къ своей голов#. М-съ Браунъ схватила огромныя ножницы и вдругъ пришла въ неописанное изумленіе, при взгляд# на свою жертву.

– Зач#мъ ты не оставила меня въ поко#, – закричала старуха, – когда я была довольна? Глупая д#вочка!

– Прости меня. Я не знаю, что я сд#лала, – лепетала Флоренса. – Я не виновата.

– Вотъ я теб# дамъ не виновата! – завопила старая в#дьма, взъерошивая съ неистовымъ удовольствіемъ локоны б#днаго ребенка. – Ахъ, ты, Господи Владыка! Другая на моемъ м#ст# прежде всего сорвала бы съ тебя эту гриву!

У Флоренсы отлегло отъ сердца, когда она увид#ла, что старух# нужны только ея волосы, а не голова. Она съ кротостью обратила на нее глаза и не сд#лала никакого соиротивленія.

– Если бы у меня у самой не было д#вки, которая такъ-же, какъ и ты щеголяла своими волосами, – сказала м-съ Браунъ, – я не оставила бы ни одного клочка на твоей башк#. Но теперь далеко моя д#вка, далеко за морями! У! у!

Это восклицаніе вовсе не мелодическое, но исполненное глубокой тоски и сопровождаемое дикими жестами костлявыхъ рукъ, бол#зненно отозвалось въ сердц# Флоренсы, и она еще больше испугалась страшной старухи. Это обстоятельство спасло ея локоны. Взмахнувъ два-три раза огромными ножницами надъ ея головой, м-съ Браунъ вел#ла ей хорошенько запрятать волосы подъ шляпу, и не подавать соблазнительнаго повода къ искушенію. Одержавъ надъ собой такую трудную поб#ду, старуха снова ус#лась на кучу костей, закурила коротенькую черную трубку, и губы ея зачавкали настрашн#йшимъ образомъ, какъ будто бы она хот#ла проглотить чубукъ.

Выкуривъ трубку, она вел#ла Флоренс# нести кроличью шкуру, чтобы придать ей видъ своей обыкновенной спутницы и сказала, что отведетъ ее на большую улицу, откуда она можетъ спрашивать о дорог# къ своимъ друзьямъ. Но въ то же время старуха, съ грозными заклятіями и подъ опасеніемъ страшнаго мщенія, строго-настрого запретила своей жертв# справляться объ отцовскомъ дом#, который могъ быть очень недалеко; а она должна была спрашивать объ отцовской контор# въ Сити, простоявъ напередъ на одномъ м#ст#, гд# будетъ указано, до т#хъ поръ, пока часы не пробьютъ трехъ. Вс# эти распоряженія м-съ Браунъ подкр#пила ув#реніемъ, что за ней стануть присматривать зоркіе глаза, и ни одно

ея движеніе не укроется отъ бдительнаго наблюденія. Флоренса об#щала во всей точности выполнить строгія приказанія.

Наконецъ, м-съ Браунъ, выступая впередъ, повела превращенную и оборванную д#вочку по лабиринту т#сныхъ улицъ, переулковъ и закоулковъ, которые черезъ н#сколько времени вывели ихъ на пустой огромный дворъ съ проходными воротами, откуда можно было слышать стукъ про#зжавшихъ экипажей. Указавъ на эти ворота, старуха на прощаньи схватила свою спутницу за волосы, какъ будто раскаявалась въ своемъ великодушїи, и сказала глухимъ голосомъ:

– Ну, теперь ты знаешь, что д#лать. Стой тутъ до трехъ часовъ, и потомъ отыскивай контору отца. Да смотри у меня ни, гу-гу! не то я задушу тебя, какъ кошку.

Флоренса почувствовала, что гора свалилась съ ея плечъ, когда она осталась одна. В#р-ная строгимъ приказаніямъ, она робко остановилась въ одномъ углу пустого двора и, обернувшись назадъ, увид#ла, что страшная старуха все еще стоитъ у забора, трясеть головой и машеть кулакомъ. какъ бы припоминая свои угрозы. Всл#дъ за т#мъ, перепуганная д#вочка еще оглядывалась н#сколько разъ, почти каждую минуту; но старуха уже исчезла, и не было больше никакихъ сл#довъ ея тайнаго или явнаго присутствія.

Мало-по-малу Флоренса начала въ своей засад# присматриваться и прислушиваться къ уличной суматох#, съ нетерп#ніемъ дожидаясь вождел#нныхъ ударовъ часового колокола. Но часы, по-видимому, сговорились никогда не пробить трехъ. Наконецъ, къ несказанному счастью, на колокольн# забили четверти, и всл#дъ зат#мъ раздалось: разъ, два, три; Флоренса оглянулась во вс# стороны, сд#лала шагъ впередъ, но тутъ же остановилась, опасаясь оскорбить этой торопливостью всемогущихъ шпионовъ м-съ Браунъ. Потомъ, ув#рившись, что никто за ней не присматриваетъ, она посп#шно, какъ только позволяли большіе и изорванные коты, выб#жала изъ воротъ, кр#пко держа въ рук# кроличью шкуру.

Объ отцовской контор# ей изв#стно было только то, что она принадлежала Домби и Сыну, что это знаменитая контора въ Сити. Поэтому она могла только спрашивать, гд# пройти къ Домби и Сыну въ Сити, и какъ эти вопросы обращены были исключительно къ д#тямъ – большихъ она боялась – то не получила никакого удовлетворительнаго отв#та. Продолжая потомъ разспрашивать только о Сити, она мало-по-малу достигла этой огромной части города, которою управляетъ страшный лордъ-мэръ.

Утомленная продолжительной ходьбой, измученная безпрестанной толкотней, оглушенная пронзительнымъ шумомъ и суматохой, безпокоясь о своемъ брат# и о потерянныхъ нянькахъ, уstraшенная вс#мъ, что случилось и что еще могло съ нею случиться, особенно когда явится она въ этомъ рублищ# на глаза раздраженному отцу, Флоренса н#сколько разъ останавливалась рыдать, облегчая истерзанное сердце горькими слезами. Но толпа въ эту пору или вовсе не обращала вниманія на маленькую нищую въ лохмотьяхъ, или равнодушно проходила мимо въ томъ предположенїи, что ее выучили этимъ способомъ возбуждать состраданіе и выманивать деньги. Призвавъ на помощь все присутствіе духа, всю твердость характера, искушеннаго преждевременнымъ опытомъ и несчасїями, Флоренса, почти выбиваясь изъ силъ, продолжала идти по указанному направленїю, им#я въ виду постоянно одну ц#ль.

Наконецъ, уже вечеромъ, посл# многихъ переходовъ, ей удалось изъ шумной, т#сной улицы, загроможденной фурами и тел#гами, выбраться на пристань или набережную, гд# въ беспорядк# разбросаны были м#шки, чемоданы, бочки, ящики. Зд#сь, подл# в#совъ и деревяннаго домика на колесахъ, встр#тился съ нею толстый дюжїй мужчина съ перомъ за ухомъ и руками, опущенными въ карманы. Онъ стоялъ, присвистывая и посматривая на ближайшія мачты и лодки, какъ будто дневная его работа приходила къ концу.

– Проваливай, проваливай, моя милая! Тутъ н#гъ ничего для тебя, – сказалъ толстякъ, случайно обернувшись къ маленькой д#вочк# въ лохмотьяхъ.

– Скажите пожалуйста, в#дь это Сити? спросила дрожащимъ голосомъ заблудшая дочь Домби и Сына.

– Ну, да, Сити. Ты это звещь не хуже моего. Проваливай, говорю теб#; ничего тутъ н#тъ для тебя.

– Да мн# ничего и не нужно, робко отв#чала д#вочка, – только позвольте спросить васъ, гд# дорога къ Домби и Сыну?

Толстякъ, по-видимому, былъ очень озадаченъ этимъ вопросомъ. Посмотр#въ внимательно на Флоренсу, онъ сказалъ:

– А зач#мъ теб# Домби и Сынъ?

– Мн# надобно знать, гд# ихъ контора.

Толстякъ еще съ большимъ вниманіемъ посмотр#лъ на нее, и такъ кр#пко, въ знакъ удивленія, почесалъ затылокъ, что шляпа слет#ла съ его головы.

– Джо! – закричалъ онъ работнику, поднимая и над#вая шляпу.

– Тутъ я! – сказалъ Джо.

– Гд# этотъ смазливый мальчуганъ, что смотреть за товарами Домби?

– А онъ только что вышелъ въ другія ворота, сказалъ Джо.

– Позови-ка его на минутку.

Джо поб#жалъ и, закричавъ во все горло, тотчасъ же воротился съ красивымъ и веселымъ мальчикомъ л#тъ четырнадцати.

– Вы, любезный, кажись, служите у Домби? – спросилъ толстякъ.

– Точно такъ, м-ръ Кларкъ, – отв#чалъ мальчикъ.

– А взгляните-ка на нее! – сказалъ м-ръ Кларкъ.

Повинуясь указательному движенію м-ръ Кларка, мальчикъ подошелъ къ незнакомой д#вочк#, никакъ не понимая, что ему съ нею д#лать. Флоренса, между т#мъ, слышавшая весь разговоръ, ум#ла сообразить, что для нея не было теперь никакой опасности, и что странствованія ея приближаются къ концу. При взгляд# на прекраснаго веселаго мальчика, она почувствовала такую радость, такое одушевленіе, что немедленно поб#жала къ нему навстр#чу, обронивъ на дорог# гадкій башмакъ, и об#ими руками ухватила за его руку.

– Я заблудилась, съ вашего позволенія: – сказала Флоренса.

– Заблудились! – вскричалъ мальчикъ.

– Да, я заблудилась нын#шнимъ утромъ, далеко отсюда; охъ, какъ далеко: И у меня отняли мое платье, и теперь на мн# чужая одежда, и зовутъ меня Флоренсой Домби, и я единственная сестра моего маленькаго братца, и, о милый! милый! спасите меня, сд#лайте милость, спасите! – рыдая говорила Флоренса, давая полный просторъ д#тскимъ чувствованіямъ и заливаясь горькими слезами. Въ это самое время гадкая шляпка слет#ла съ ея головы, и густые черные локоны въ беспорядк# растрепались по ея личику, къ невыразимому удивленію и собол#знованію молодаго Вальтера, племянника Соломона Гильса, мастера вс#хъ морскихъ инструментовъ.

М-ръ Кларкъ, по-видимому, не помнилъ себя отъ изумленія и, насилу переводя духъ, зам#тилъ только, что никогда не случалось ему вид#тъ такой исторіи на этой пристани. Вальтеръ поднялъ башмакъ и проворно над#лъ его на маленькую ножку, какъ сказочный принцъ, над#вший туфли Сандрильон#. Онъ подаль правую руку Флоренс#, пов#силъ на л#вое плечо кроличью шкуру, и новый Геркулесь, онъ почувствовалъ, что страшный драконъ бездыханный лежитъ у его ногъ.

– Не плачьте, миссъ Домби! – сказалъ Вальтеръ, проникнутый необыкновеннымъ восторгомъ. – Какъ я радъ, что былъ въ это время на пристани! Теперь вы такъ же безопасны, какъ если бы защищала васъ ц#лая рота храбрыхъ моряковъ на военномъ корабл#.

– Я не стану больше плакать, – отв#чала Флоренса, – теперь я плачу только отъ радости!

– Плачешь отъ радости! – думаль Вальтеръ, – и я причиной этой радости! Пойдемте, миссъ Домби. Вотъ и другой башмакъ вы обронили, над#ньте лучше мои, миссъ Домби.

– Н#тъ, н#тъ, н#тъ, не безпокойтеесь, – сказала Флоренса, останавливая юношу, когда тотъ посп#шно началъ разуваться. – Мн# хорошо и въ этихъ башмакахъ, право хорошо!

– Ну да, – сказала Вальтеръ, взглянувъ на ея ножку, – мои были бы слишкомъ велики для васъ Какъ это мн# такая глупость пришла въ голову! Въ моихъ вамъ вовсе нельзя идти! Пойдемте, миссъ Домби. Какой это мошенникъ оскорбилъ васъ? Какъ бы до него добратъся!

И они пошли рука объ руку, не обращая ни мал#йшаго вниманія на проходящихъ, которые съ изумленіемъ смотр#ли на странную чету. Вальтеръ былъ совершенно счастливъ, и въ глазахъ его искрилась безпред#льная гордость.

Становилось темно, небо покрылось облаками, и уже начиналъ накрапывать дождь; но счастливая чета не заботилась ни о чемъ и быстро продолжала идти впередъ. Оба они совершенно погружены были въ посл#днія приключенія, и Флоренса обо всемъ рассказывала съ невинной откровенностью своего возраста, между т#мъ какъ Вальтеръ слушалъ ее съ напряженнымъ вниманіемъ, воображая, что они гуляютъ въ густой чащ# между высокими деревьями, на какомъ-нибудь пустомъ острову, подъ тропиками, вдали отъ грязной улицы на берегу Темзы.

– Далеко надъ идти? – спросила наконецъ Флоренса, вперивъ глазки на лицо своего товарища.

– Ахъ, да! – сказала Вальтеръ, останавливаясь, – куда это мы зашли? Знаю, знаю. Но теперь контора заперта, миссъ Домби. Тамъ никого н#тъ. М-ръ Домби уже давно ушелъ. Намъ надо идти къ вамъ домой, или... знаете ли что? Пойдемте лучше къ моему дяд#: онъ живетъ отсюда близехонько. Тамъ вы переод#нетесь, отдохнете и по#дете домой въ карет#. Не лучше ли этакъ?

– Я то же думаю, – отв#чала Флоренса, – не лучше ли этакъ? А вы какъ думаете?

Когда они остановились въ раздумьи среди улицы, мимо ихъ прошелъ какой-то мужчина, который пронизательно взглянулъ на Вальтера, какъ будто угадывалъ его; но не сказавъ ни слова и не останавливаясь, пошелъ впередъ.

– В#дь это, кажется, м-ръ Каркеръ! – сказалъ Вальтеръ, – Каркеръ изъ нашей конторы, миссъ Домби, не приказчикъ Каркеръ, а другой, младшій Каркеръ. Эй! м-ръ Каркеръ!

– Неужели это Вальтеръ Гэй? – сказала проходжій, останавливаясь и оборачиваясь назадъ. – Откуда у тебя такой странный товарищъ?

Когда онъ остановился подл# фонаря и внимательно началъ слушать посп#шное объясненіе Вальтера, фигура его представила зам#чательный контрастъ съ молодыми людьми, которые стояли передъ нимъ рука объ руку. Онъ былъ не старъ, но волосы его совершенно пос#д#ли, спина согнулась, какъ будто подъ бременемъ большихъ несчастій и задумчивое, печальное лицо исковеркано было глубокими морщинами. Огонь въ его глазахъ, черты лица, голосъ, какимъ онъ говорилъ, казалось, совершенно ослаб#ли и потухли вм#ст# съ силами духа, сокрушеннаго изнурительными заботами. Онъ од#тъ былъ очень прилично въ простое черное платье, которое, гармонируя съ общимъ характеромъ его фізіономіи, какъ будто сплющилось и съежилось на его неподвижныхъ членахъ, и отъ этого вся фигура съ ногъ до головы становилась еще мрач#е и печаль#е.

И между т#мъ его симпатія къ пылкимъ стремленіямъ и надеждамъ молодого сердца, по-видимому, вововсе не потухла вм#ст# съ другими силами души. Онъ смотр#лъ на важную, озабоченную фізіономію мальчика съ необыкновеннымъ участіемъ, и въ глазахъ его заискрилось невыразимое безпокойство и состраданіе, какъ ни старался онъ скрыть эти чувства. Когда Вальтеръ, окончивъ рассказъ, спросилъ его насчетъ Флоренсы, онъ посмотр#лъ на него съ такимъ многозначительнымъ выраженіемъ, какъ будто читалъ приговоръ судьбы на его лиц#, печально противор#чившій съ его настоящимъ положеніемъ.

– Что вы мн# присов#туете, м-р# Каркеръ? – сказала Вальтеръ весело улыбаясь. – Вы всегда мн# подаете хорошіе сов#ты, когда разговоритесь, хоть это бываетъ очень р#дко.

– Вашт планъ не дурень! – сказала м-р# Каркеръ, поглядывая поперемен#но то на Вальтера, то на Флоренсу.

– М-р# Каркеръ! – сказала Вальтеръ, озаренный великодушною мыслью. – Мы вотъ какъ устроимъ; Вы пойдете къ м-ру Домби и принесете ему радостную в#сть; а мы станемъ дожидаться у дядюшки. Это будетъ очень недурно. Ступайте же!

– Мн# идти? – возразилъ Каркеръ.

Вм#сто отв#та м-р# Каркеръ кр#пко пожалъ мальчику руку, пожелавъ ему добраго вечера, и, рекомендуя д#йствовать скор#е, посп#шно пошелъ своей дорогой.

– Экой чудакъ! – сказала Вальтеръ, сл#дя глазами за удаляющимся старикомъ. – Теперь намъ съ вами, миссъ Домби, поскор#е надо идти къ дядюшк#. А вы слышали что-нибудь отъ своего папеньки о м-р# Каркер# младшемъ?

– Н#тъ, – наивно отв#чала д#вочка, – папенька говорить со мной очень р#дко.

– Ахъ, да! Т#мъ стыдн#е для него, думалъ Вальтеръ, пристально глядя въ страждущее личико своей спутницы. Потомъ онъ съ безпокойствомъ и ребяческою живостью началъ озираться во вс# стороны, чтобы найдти предметъ для новаго разговора, и когда Флоренса, въ эту самую минуту, опять обронила несчастный башмакъ, онъ вызвался донести ее на рукахъ къ дому своего дяди. Флоренса, несмотря на чрезм#рную усталость, съ улыбкой отклонила эту услугу, говоря, что онъ можетъ ее уронить, и такъ какъ они уже были недалеко отъ деревяннаго мичмана, Вальтеръ вспомнилъ по этому поводу о кораблекрушеніяхъ и страшныхъ несчастіяхъ на мор#, рассказывая, какъ иной разъ см#лые мальчики гораздо меньше его торжественно выручали и спасали д#вочекъ гораздо старше Флоренсы. Этотъ интересный разговоръ былъ въ полномъ разгар#, когда, наконецъ, они пришли къ дверямъ мастера морскихъ инструментовъ.

– Эй, дядя! дядюшка Соль! – закричалъ Вальтеръ, опрометью вб#гая въ магазинъ и начиная говорить безъ всякой связи, едва переводя духъ. – Удивительное, странное приключеніе! Дочь м-ра Домби заблудилась на улиц# – какая-то старая в#дьма ограбила ее съ ногъ до головы я ее нашель, привелъ къ теб# – да загляни же сюда – эй, ты, дядя Соломонъ!

– Силы небесныя! – кричалъ дядя Соль, отскакивая въ ужасномъ волненіи отъ своихъ любимыхъ инструментовъ. – Можетъ ли это быть! Смотри, я...

– Нечего тутъ смотр#ть, когда я теб# говорю. Иди-ка придвинемъ къ камину софу – да поставь на столъ тарелки, дядюшка Соль, да подай чего-нибудь покушать – она голодна – сбросьте свои негодные коты, миссъ Флоренса, сядьте сюда подл# камина, вотъ такъ, положите ножки на р#шетку – ахъ, какъ он# мокры – такъ-то, дядяшка Соль – удивительное приключеніе! Ухъ! какъ я разгор#лся!

Соломонъ Гильсъ разгор#лся не мен#е племянника, когда началъ хлопотать и возиться около неожиданной гостыи. Онъ гладилъ Флоренсу по голов#, вытиралъ ея ноги своимъ платкомъ, нагр#тымъ у камина, готовилъ для нея об#дъ, просилъ ее кушать, пить, и въ то же время сл#дилъ глазами за взбалмошнымъ Вальтеромъ, который, какъ б#шенный, метался изъ угла въ уголь, кричалъ, стучалъ, вдругъ принимался за двадцать д#ль и не д#лалъ ничего.

– Вотъ что, дядя! – сказала онъ наконецъ, схвативъ св#чу, – ты погоди минуточку, а я сб#гаю на чердакъ, перемен#но куртку, и – маршь! В#дь вотъ оно, какія чудеса: неправда ли?

– Дружочекъ мой, – началъ Соломонъ, который съ очками на носу и большими часами въ карман# безпрестанно колебался между Флоренсой на соф#, и племянникомъ во вс#хъ углахъ комнаты, – это такое необыкновенное...

– Ничего, ничего, дядя Соль! Вы кушайте, миссъ Флоренса, пожалуйста кушайте.

– Ахъ да, да, да! – вскричалъ Соломонъ, подавая огромную ногу баранины, какъ будто угощалъ богатыря. – Я ужъ похлопочу о ней, Валли! Б#дняжечка! Какъ она голодна, я думаю!

А ты ступай, и будь готовъ. Господи, твоя воля! Сэръ Ричардъ Виттингтонъ три раза лордъ-мэръ города Лондона!

Вальтеръ очень недолго б#галь на чердакъ, а между т#мъ въ его отсутствіе усталая гостья задремала у камина. Въ томъ промежутк# времени, продолжавшемся не бол#е пяти минутъ, Соломонъ Гильсъ, начавшій понемногу приходилъ въ себя, затворилъ комнату и заслонилъ р#шеткою каминъ, чтобы огонь не беспокоилъ ребенка. Такимъ образомъ, когда мальчикъ воротился, Флоренса почивала очень спокойно.

– Славно, дядя, славно! – шепталь онъ, схватывая Соломона въ охапку, такъ что у того караска выступила на лиц#. – Теперь я иду! Только надо взять съ собою корку хл#ба: я ужасно голоденъ. Ты смотри, не разбуди ее, дядюшка Соль!

– Н#тъ, н#тъ не разбужу, – говорилъ Соломонъ. – Прехорошенькая д#вочка;

– Еще бы! – сказалъ Вальтеръ, – я въ жизнь не видалъ такого личика! Такъ то, дядюшка Соль. Ну, теперь я иду!

– Пора, пора! Ступай! – проговорилъ Соломонъ. Дядюшка! а, дядюшка! – вскричалъ Вальтеръ, выглядывая изъ-за дверей.

– Ты еще не ушелъ? – сказалъ Соломонъ.

– Здорова ли она?

– Совершенно здорова.

– Ну, славу Богу. Теперь я иду.

– Теперь, конечно, уйдешь, – сказалъ про себя Соломонъ.

– Эй! дядя Соль! – вскричалъ Вальтеръ, выставляя голову изъ-за дверей.

– Ты еще не ушелъ? – сказалъ Соломонъ.

– Вотъ что, дядюшка Соломонъ. Съ нами встр#тился на улиц# м-ръ Каркеръ младшій, чудакъ такой, что Боже упаси! – Прощай, говоритъ, Вальтеръ, прощай: мн# пора домой! – Только я оглядываюсь, – а онъ идетъ за нами, и ужъ когда мы дошли до магазина, онъ все шель за ними, какъ слуга или в#рная собака за своимъ господиномъ. Такой чудакъ! Ну, а какъ она теперь?

– Совершенно спокойна и счастлива, Валли. Ступай!

– Теперь пойду, пойду!

И на этотъ разъ онъ д#йствительно пошелъ. Соломонъ Гильсъ, потерявъ аппетитъ, ус#лся по другую сторону камина и, внимательно наблюдая спящую Флоренсу, началъ строить великол#пные воздушные замки самой фантастической архитектуры, прозр#вая въ туманную даль чрезъ магическія стекла своихъ инструментовъ. Въ этомъ положеніи онъ, въ своемъ валлійскомъ парик# и кофейномъ камзол#, былъ очень похожъ на таинственнаго волшебника, который держалъ молодую д#вушку въ очарованномъ сн#.

Вальтеръ между т#мъ помчался во всю прыть къ дому м-ра Домби, безпрестанно высывывая изъ кареты голову, чтобы заставить извозчика #хатъ скор#й. Когда, наконецъ, лошади остановились у подъ#зда, онъ мгновенно выскочилъ изъ наемнаго экипажа и, доложивъ о своемъ приход#, прямо поб#жалъ въ библіотеку, гд# господствовало въ эту минуту великое см#шеніе языковъ, и куда собрались на общее сов#щаніе: м-ръ Домби, его сестра, миссъ Токсъ, Ричардъ и Сусанна Нипперъ.

– Прошу извинить, милостивый государь, – сказалъ Вальтеръ, быстро вб#гая въ комнату, – мн# очень пріятно изв#стить васъ, что б#ды н#тъ никакой. Миссъ Домби нашлась.

Когда м-ръ Домби величественно повернулся къ вошедшему в#стнику на своихъ огромныхъ креслахъ, особа его представила совершенн#йшій контрастъ съ этимъ живымъ, запыхавшимся мальчикомъ, который, по-видимому, весь проникнуть былъ необыкновеннымъ восторгомъ и одушевленіемъ.

– Я говорилъ теб#, Луиза, что она непременно найдется, – сказалъ м-ръ Домби, небрежно оборачивая чрезъ плечо голову къ м-съ Чиккъ, которая заливалась горячими сле-

зами вм#ст# съ своей неразѳучной подругой, миссъ Токсъ. – Сказать слугамъ, чтобы прекратили поиски. Мальчика я знаю: это молодой Гэй изъ конторы. Говорите любезный, какимъ образомъ нашлась моя дочь? Мн# изв#стно, какъ ее потеряли.

Туть м-ръ Домби величественно посмотр#ль на б#дную Полли.

– Но какъ она нашлась? – продолжалъ онъ, – и кто ее нашель? Это теперь необходимо знать.

– Мн# сдается, милостивый государь, – скромно отв#чалъ Вальтеръ, – что я нашель миссъ Домби. То есть не то, чтобы я могъ вм#нить себ# въ заслугу, что я д#йствительно ее нашель, милостивый государь, но я им#ль только чсотъ сд#латъ ся счастливымъ орудіемъ ея...

– Это что значить? – сурово прервалъ м-ръ Домби, которому, по-видимому, крайне не нравилось, что мальчикъ гордился своимъ участіемъ въ этомъ д#л#, – не то, чтобы вы д#йствительно нашли мою дочь, а были только счастливымъ орудіемъ?... Говорите ясн#е и посл#довательн#е.

Но быть посл#довательнымъ Вальтеръ никакъ не могъ. Онъ кое-какъ объяснилъ весь ходъ д#ла и сказалъ, почему миссъ Домби осталась у его дяди.

– Слышишь, д#вочка? – сказалъ м-ръ Домби, обращаясь къ Сусанн#. – Возьми все, что нужно, ступай съ этимъ молодымъ челов#комъ, и привези миссъ Флоренсу домой. А вы, любезный, завтра получите награду.

– Вы слишкомъ добры, милостивый государы – сказалъ Вальтеръ. – Ув#ряю васъ, я н# думалъ ни о какой наград#.

– Вы еще слишкомъ молоды, Вальтеръ Гэй, – сказалъ м-ръ Домби почти съ сердцемъ, – н#тъ надобности знать, о чемъ вы думали, или не думали. Вы вели себя хорошо, и этого довольно. Скромность тутъ неум#стна. Луиза, вели дать ему вина.

Взоръ м-ра Домби очень неблагосклонно сл#дилъ за Вальтеромъ, когда тотъ, въ сопровожденіи м-съ Чиккъ, выходилъ изъ комнаты, и н#тъ сомн#нія, умственные очи его выражали еще большую неблагосклонность, когда услужливый мальчикъ #халъ къ своему дяд# вм#ст# съ Сусанною Нипперъ.

Между т#мъ Флоренса въ этотъ промежутокъ усп#ла отдохнуть, пооб#дать, и т#сн#йшимъ образомъ подружиться съ дядюшкой Соломономъ, съ которымъ она съ полной откровенностью, начала разговаривать о всякой всячин#. За этой б#с#дой застала ее черноглазая нянька, которую, впрочемъ, теперь можно было назвать красноглазою, – такъ много плакала она нын#шній день! Не говоря ни слова, не сд#лавъ ни мал#йшаго выговора, она заключила свою воспитанницу въ объятія и была, по-видимому, совершенно счастлива этимъ свиданіемъ. Превративъ маленькую контору въ дамскую уборную, она съ большимъ стараніемъ од#ла Флоренсу въ ея собственное платье, и черезъ н#сколько минутъ гостепріимные хозяева увид#ли передъ собой настоящую миссъ Домби.

– Доброй ночи! – сказала Флор#нса, обращаясь къ Соломону. – Вы были со мной очень добры!

Старикъ Соль былъ совершенно счастливъ, и отъ избытка н#жности поц#ловалъ свою маленькую гостью.

– Доброй ночи, Вальтеръ! – сказала Флоренса. – Прощай!

– Прощайте, – сказалъ Вальтеръ, подавая ей об# руки.

– Я никогда не забуду тебя, – продолжала Флоренса, – никогда, никогда! Прощай, Вальтеръ!

И въ невинности благодарнаго сердца, д#вочка подставила ему щеку. Вальтеръ опустилъ голову, и тутъ же поднялъ ее опять. Лицо его пылало, и онъ съ робкой стыдливостью смотр#ль на дядю.

Что же ты Вальтеръ? Ну, доброй ночи, Вальтеръ! Прощай, Вальтеръ! Дай сюда руку, Вальтеръ, вотъ такъ! Прощай, прощай!

Она еще разъ простилась съ Вальтеромъ, когда Сусанна усаживала ее въ карету, и даже, когда экипажъ двинулся съ мѣста, она нѣсколько разъ махала ему платкомъ; Вальтеръ, стоя на крыльцѣ весело отвѣчалъ на ея поклоны, устремивъ неподвижный взоръ на удаляющійся экипажъ, между тѣмъ какъ деревянный мичманъ позади его, казалось, такъ же, какъ и онъ, посылалъ прощальныя привѣтствія дорогой гостьѣ, ни на что больше не обращая вниманія.

Скоро Флоренса подѣхала къ родительскому дому и вошла въ библіотеку, гдѣ опять господствовало смѣшеніе языковъ. Каретѣ велѣно было дожидаться – "для м-съ Ричардсъ", такъ таинственно прошептала горничная, когда Сусанна проходила мимо.

Обрѣтеніе заблудшаго дѣтища произвело весьма слабое впечатлѣніе на чадолюбиваго родителя. М-ръ Домби, никогда не любившій своей дочери, небрежно поцѣловалъ ее въ лобъ, и сдѣлалъ наставленіе, чтобы впредь она не смѣла выходить изъ дому съ невѣрными слугами. М-съ Чиккъ прервала на минуту плачевныя соболѣзнованія относительно испорченности челоу#ческой природы, не умѣвшей идти по стезямъ добродѣтели даже по поводу "Благотворительнаго Точильщика", и встрѣтила свою племянницу важными привѣтствіями, подобающими истинной Домби. Миссъ Токсъ настроила свои чувствованія на этотъ же ладъ. Только одна Ричардсъ, виноватая Ричардсъ, облегчила свое сердце радостными восклицаніями и слезами, и спѣшила расцѣловать милую малютку.

– Ахъ, Ричардсъ, – сказала м-съ Чиккъ съ глубокимъ вздохомъ, – неблагодарность чернаго сердца никогда не доведетъ до добра! Что вы темеръ станете дѣлать?... А не было бы всѣхъ этихъ нѣпріятностей, если бы вы умѣли вести себя приличнымъ образомъ въ отношеніи къ младенцу, который теперь, по вашей милости, долженъ лишиться своего естественнаго пропитанія!

– Бѣдное, бѣдное дитя! – прошептала жалобнымъ голосомъ миссъ Токсъ.

– Если-бы я на вашемъ мѣстѣ, – торжественно сказала м-съ Чиккъ, – была такъ неблагодарна, мнѣ бы показалось, что платью "Благотворительнаго Точильщика" задушить моего сына, а воспитаніе развратить его.

М-съ Чиккъ не подозрѣвала, какая убійственная правда выходила изъ ея усть. Форменное платье уже порядкомъ начинало душить несчастнаго Тудля, а воспитаніе покамѣстъ ограничивалось палочными ударами съ одной стороны, и болѣзненными стомами – съ другой.

– Луиза – сказалъ м-ръ Домби, – нѣтъ надобности продолжать этихъ замѣчаній. Женщина получила деньги и отставлена отъ должности. Ричардсъ, вы оставляете этотъ домъ, потому что осмѣлились уйти съ моимъ сыномъ – слышите ли? съ моимъ сыномъ, – м-ръ Домби съ особой выразительностью произнесъ эти два слова, – въ такой притонъ и въ такое общество, о которомъ нельзя подумать безъ содроганія. Что же касается до приключенія съ Флоренсой, я считаю его въ нѣкоторомъ смыслѣ счастливымъ и благопріятнымъ обстоятельствомъ, потому что безъ него никогда бы не узналъ вашей вины, между тѣмъ какъ теперь вы сами принуждены были рассказать обо всемъ. Луиза, – продолжалъ м-ръ Домби, обращаясь къ сестрѣ, – другая нянька, думаю я, – здѣсь миссъ Нипперъ громко зарыдала – можетъ остаться, потому что она еще слишкомъ молода и по неволѣ увлечена была соблазнительнымъ поведеніемъ кормилицы. Теперь потрудись распорядиться, чтобы извозчику заплатили до, – здѣсь м-ръ Домби пріостановился и сдѣлалъ презрительную мину – до Садовъ Стаггса.

Когда бѣдная Полли пошла къ дверямъ, Флоренса уцѣпилась за ея платье, и заплакала преотчаяннымъ образомъ, упрашивая добрую няню не уходить изъ дому. Какой ударъ для гордаго отца! Видѣть, какъ собственно# дѣтище, собственная плоть и кровь, отъ которой нельзя же было отказаться, в#шляется въ его присутствіи на шею посторонней, презрѣнной женіцины, да это то же, что кинжалъ въ сердце, или острая стрѣла въ растерзанную грудь!

Ему, правда, никакого не было дела, кого любить или ненавидеть его дочь; но его обдало смертельным холодом при одной мысли, что то же самое могло со временем повториться и с его сыном!

Как бы то ни было, на этот раз его сын кричал во всю ночь на все возможные напады. Неудивительно: бедный Павел терял свою вторую мать, или правильнее, первую мать, которая с любовью приветствовала возникающую зарю его жизни: ужасное лишение, какое только может вытерпеть сиротствующий младенец! Тот же удар лишил его сестру единственного верного друга, и Флоренса горько рыдала до глубокой полночи, пока печальный сон не сомкнул ее вежды. Но все эти вещи не относятся к делу: не станем толковать о них.

Глава VII

Боглый взгляд на жилище и на сердечныя привязанности миссъ Токсъ

Миссъ Токсъ обитала въ небольшомъ темномъ домицѣ, стоявшемъ съ незапамятныхъ временъ англійской исторіи на западной сторонѣ города, гдѣ онъ пріютился въ тѣни, за угломъ, какъ бѣдный родственникъ большой модной улицы, откуда свысока смотрѣли на него великолѣпныя зданія. Это жилище, расположенное не то чтобы на дворѣ, и не то чтобы за дворомъ, находилось въ самомъ скучномъ глухомъ переулкѣ, гдѣ черезъ ущелья каменной мостовой сильно начинала пробиваться трава и зеленый мохъ. Этотъ пустынный пріютъ именовался Княгининымъ Лугомъ, и на этомъ Княгининомъ Лугу красовалась Княгинина Капелла, и въ эту Княгинину Капеллу каждое воскресенье, по звону громкаго колокола, собиралось человѣкъ двадцать или тридцать сихъ и оныхъ слушателей мужского и женскаго пола. Тутъ же, почти подлѣ, къ великому соблазну благочестивыхъ душъ, стоялъ трактиръ подъ вывѣскою "Гербъ княгини", куда по временамъ заходили лакеи въ самыхъ великолѣпныхъ ливреяхъ. Въ оградѣ, передъ дверьми трактира, неизвѣстно ради какихъ потребъ, былъ поставленъ портшезъ, употреблявшійся въ незапамятныя времена, когда лондонскія дамы любили качаться на носилкахъ; а перила трактирной ограды въ хорошую погоду украшены были мѣдными кружками, которыхъ иной разъ, по счету миссъ Токсъ, находилось до сорока восьми.

Тутъ же, на Княгининомъ Лугу, кромѣ жилища миссъ Токсъ, стоялъ еще другой частный домъ, да еще какія-то огромныя ворота, которыя всегда крѣпко-накрѣпко были заперты тяжелыми запорами и не отворялись ни въ какомъ случаѣ. По всей вѣроятности, это былъ вышедшій изъ употребленія входъ въ чьи-то конюшни, и эту догадку подтверждалъ сильный конюшенный запахъ, распространявшійся по всему Княгинину Лугу. Окна изъ спальни миссъ Токсъ, расположенной назади, выходили прямо на эти конюшни, гдѣ безпрестанно возились кучера, производя оглушительный шумъ почти во всякое время дня и ночи. Здѣсь же, на задней стѣнѣ, тоже прямо передъ окнами миссъ Токсъ, конюхи имѣли обыкновеніе развѣшивать и просушивать свои кафтаны, армяки, куртки, жилеты и другія болѣе таинственныя принадлежности своего гардероба.

Владѣльцемъ другого частнаго дома на Княгининомъ Лугу былъ отставной буфетчикъ, женатый на ключницѣ. У этой счастливой четы ианималъ квартиру съ мебелью холостой джентльменъ, мужчина коренастый, одеревенѣлый съ выпученными глазами и совершенно синимъ лицомъ. Былъ онъ чиномъ майоръ и, по увѣренію миссъ Токсъ, онъ смотрѣлъ настоящимъ Марсомъ. Храбрый воинъ и прелестная дѣва имѣли обыкновеніе посылать другъ къ другу газетныя листы и памфлеты, и эта платоническая любезность производилась чрезъ чернаго майорова слугу, котораго мисъ Токсъ обыкновенно величала "кореннымъ туземцемъ", хотя не соединяла съ этимъ именемъ никакой географической идеи.

Дворъ и лѣстница у миссъ Токсъ были самыя маленькія, и быть можетъ, говоря вообще, во всей Англійи не было такого съ верху до низу неуклюжаго и криваго домика, какъ жилище этой дѣвы; но зато, говорила миссъ Токсъ, – какое мѣстоположеніе! Дневной свѣтъ едва проникалъ сюда въ зимнее время, солнце не заглядывало и весною, воздуху – никогда никакого, торговой дѣятельности не было и слѣдовъ. При всемъ томъ, говорила миссъ Токсъ, – подумайте о мѣстоположеніи! То же самое говорилъ пучеглазый, синій майоръ, бывший вообще безъ ума отъ Княгинина Луга: всегда и во всякомъ мѣстѣ, особенно въ клубѣ, который посещалъ, онъ любилъ сводить разговоръ на знатныхъ особъ, жившихъ въ ближайшей модной улицѣ, чтобы имѣть удовольствіе сказать, что они его сосѣди.

Смурый домикъ миссъ Токсъ былъ ея собственный домикъ, доставшійся по духовному завѣщанію отъ покойнаго оригинала миниатюрнаго портрета съ длинной косой и напудренной головою, который всегда висѣлъ на почетномъ мѣстѣ передъ каминомъ. Большая часть мебели миссъ Токсъ принадлежала къ тѣмъ временамъ, когда были въ употребленіи напудренные головы и длинные косы; тутъ особенно кидались въ глаза: хитрая четвероногая машинка для нагрѣванія тарелокъ, у которой кривыя ножки всегда растопыривались въ разные стороны къ удовольствію приходившаго гостя, да еще старинное ветхозавѣтное фортепьяно съ именемъ мастера, украшеннымъ гирляндой сладкаго гороху.

Хотя майоръ Багстокъ достигъ до возраста, называемаго въ учтивой литературѣ великимъ меридіаномъ жизни, и хотя онъ спускался подъ гору земнаго путешествія съ оконченными челюстями, съ дряблымъ голосомъ, съ отвислыми слоновыми ушами и ужасно выпученными глазами, однако-жъ онъ чрезвычайно гордился лестнымъ къ себѣ вниманіемъ миссъ Токсъ и щекоталъ свое тщеславіе фантастическимъ представленіемъ, что это была дама самага высокаго полета. Объ этомъ ужъ не разъ намекалъ онъ и въ клубѣ, придавая своей особѣ очень замысловатые эпитеты, бывшіе единственнымъ источникомъ его неистощимаго остроумія. Онъ величалъ себя старикомъ, старичиной, старцемъ, стариной, старикашкой, или просто, старымъ Багстокомъ, и въ то же время, благодаря гибкости англійскаго языка, видоизмѣнялъ на разные манеры свое собственное имя Джозефа, съ которымъ вообще онъ стоялъ на самой короткой ногѣ.

"Джозефъ Багстокъ, сэръ, – говорилъ майоръ, махая своей палкой, – стоитъ дюжины такихъ, какъ вы. Если бы между вами было побольше изъ породы Багстоковъ, вамъ было бы отъ этого не хуже. Старина Джо себѣ на умѣ, сэръ, ему недалеко ходить за женой, если бы онъ захотѣлъ; но у Джоя, сэръ, каменное сердце, желѣзная грудь. Его не проведешь, сэръ; о, старичина Джозъ чертовски хитеръ!". Послѣ такой деклараціи, изъ желѣзной груди обыкновенно выходили шипящіе звуки, синій цвѣтъ лица превращался въ багровый, и глаза, казалось, совсѣмъ хотѣли выпрыгнуть изъ головы.

Несмотря на эти похвалы, расточаемыя собственной особѣ, майоръ былъ чрезвычайно самолюбивъ. Едва ли еще могъ найтись челонокъ съ такимъ самолюбивымъ сердцемъ или, правильнѣе, съ такимъ самолюбивымъ желудкомъ, какъ у маіора, должно сказать, что этотъ послѣдній органъ былъ у него гораздо болѣе развитъ, чѣмъ первый. Ему и въ голову не приходило, чтобы кто-нибудь могъ передъ нимъ гордиться или пренебрегать имъ и всего менѣе, чтобы могла пренебрегать имъ несравненная миссъ Токсъ, которая, нѣтъ сомнѣнія, была безъ ума отъ храбраго воина.

И между тѣмъ, миссъ Токсъ, по-видимому забывала своего Марса, постепенно забывала. Она начала забывать его вскорѣ послѣ открытія семейства удлей. Она продолжала забывать его послѣ крестинъ, и теперь забвеніе ея доросло до огромныхъ размѣровъ. Другой кто-то, или другое что-то сдѣлалось источникомъ ея интереса.

– Здравствуйте, сударыня! – сказалъ майоръ, встрѣтившись съ миссъ Токсъ на Княгининомъ Лугу, спустя нѣсколько недѣль послѣ происшествій, описанныхъ въ послѣдней главѣ.

– Здравствуйте, сэръ! – сказала миссъ Токсъ очень холодно.

– Джо Багстокъ, сударыня, – замѣтилъ маіоръ съ обыкновенной любезностью, – уже давно не имѣлъ счастья привѣтствовать васъ у окна. Онъ въ отчаяніи, сударыня. Солнце его скрылось за облаками.

Миссъ Токсъ слегка наклонила голову съ большою холодностью.

– Свѣтило Джоя было, конечно, за городомъ, сударыня? – спросилъ майоръ.

– Кто за городомъ? я? Нѣтъ, я не выѣзжала за городъ, – отвѣчала миссъ Токсъ, – я была въ послѣднее время очень занята. Почти все мое время посвящено искреннимъ друзьямъ. Да и теперь мнѣ никакъ нельзя мѣшкать. Прощайте, сударь.

Когда мисс Токс, сменя очаровательнейшим образом своими ножками, исчезла, наконец, из Княгинина Луга, майор все еще стоял на одном месте, устремив пучеглазый взор на удаляющуюся богиню, и лицо его посинело еще более обыкновенного. Он ворчал и бормотал по себе, но уже не комплименты.

– Чорт побери! – говорил он, озираясь вокруг своими рачьиими глазами и вдыхая благовоный воздух Княгинина Луга, – за шесть месяцев эта женщина любила землю, по которой ходил Джозь Багсток, а теперь?... Что это значить?

После которого размышления, майор решил, что это значить западня, сги, ловушка мужа, что мисс Токс роет для него яму. – Но вам не поймать, сударыня, старого Джоя! – говорил майор. – У него, сударыня, каменное сердце, желзная грудь! Старина Джо чертовски лукав: вам не провести его! – И после этого заключения, майор Багсток ухмылялся во весь день наилюбезнейшим образом.

Но ни в этот, ни в другие дни мисс Токс не обращала никакого внимания на майора и вовсе не думала о нем. Случалось, в былые времена она будто нечаянно выглядывала из своего темного окошечка и красная отвчала на поклоны майора; но теперь – увы! – она не подавала отставному любезнику ни малейшей надежды и решительно не заботилась, смотреть он на нее или нет. В ее дом произошли также очевидные перемены. Майор, для наблюдения из своей комнаты, заметил, что ее жилище приняло какой-то праздничный вид. В одной из ее комнат появилась новая клетка с вызолоченными проволоками для старой канарейки, камин и столы разукрасились пышными орнаментами из разноцветной бумаги; на окнах очутились два-три горшка с цветами, и наконец сама м-сь Токс начала по временам поигрывать на фортепьяно, на котором, под гирлянды из сладкого гороху, величественно разложена была музыкальная книга с копенгагенскими вальсами, списанными рукою самой несравненной хозяйки

К довершению всех этих перемен, мисс Токс начала с которого времени одеваться в траурное платье с величайшим старанием и с отменным вкусом. Это последнее обстоятельство вывело майора из затруднения, и он решил, что его соседка получила небольшое наследство и загордилась.

На другой же день после этого отрадного решения, майор, сидя за своим завтраком, увидел такое страшное и чудное явление в маленькой гостиной мисс Токс, что на которое время он от изумления прирос к своему стулу. Потом, выбжав в ближайшую комнату, он воротился с двухствольной оперной трубкой, и принялся с напряженным вниманием наблюдать ужасный предмет своего изумления.

– Ребенок! ребенок!! – вскричал майор, закрывая трубку, – тысяча против одного, что это ребенок!

Майор никак не мог опомниться. Он только свистел и пучеглазил до такой степени, что глаза его, по-видимому, совсем выкатывались из орбит. День ото дня ребенок появлялся все чаще и чаще, два, три, четыре раза в неделю. Майор свистел, пыхтел и пучеглазил. Ко всем другим явлениям на Княгинином Лугу был он совершенно равнодушен, точно так же как и мисс Токс была совершенно равнодушна к нему самому. Он мог почернеть, поблеть, пожелтеть, побагроветь – до всего этого не было ей никакого дела.

Нельзя было не удивляться постоянству, с каким она выходила из Княгинина Луга за ребенком и его кормилицей, гуляла с ними, возвращалась домой и смотрела за всеми их движениями. Усердие ее простиралось до того, что она сама даже кормила и нянчила младенца, и нередко холодила юную кровь его своею игрою на фортепьяно. Чудные непостижимые дела! В это же самое время обуяла ее страсть безпрестанно смотреть на какой-то браслет, а также страсть по целым часам смотреть на луну из маленького окошка своей комнаты. Но на что бы она ни смотрела, – на солнце, луну, звезды или браслеты, –

на майора – увь! – уже никогда бол#е не смотр#ла. И б#дный майор# свист#ль, пыхт#ль, пучеглазиль, дивовался, подсматриваль, шп#ниль, и ни изъ чего не могъ вывести никакого положительнаго заключенія.

– Ну, моя милая, вы непрем#нно овлад#ете сердцемъ моего брата, поздравляю васъ! – сказала однажды м-сь Чиккь.

М-сь Токсь побл#дн#ла.

– Малютка съ каждымъ днемъ все больше походить на отца, – продолжала м-сь Чиккь.

Миссь Токсь вм#сто отв#та взяла на руки маленькаго Павла и расц#ловала.

– Похожь ли онъ, моя милая, сколько-нибудь на свою мать, съ которой вамъ не удалось меня познакомить? – спросила миссь Токсь.

– Нимало, – отв#чала Луиза.

– Она, я думаю, была очень хороша? – пролепетала миссь Токсь.

– Ну да, б#дная Фанни была интересна, – сказала м-сь Чиккь посл# н#котораго размышленія, – конечно, интересна. Но въ ней не было этой возвышенности, этого величаваго, повелительнаго вида, котораго сл#довало бы ожидать отъ жены моего брата, и притомъ она вовсе не им#ла этой твердости духа, этой силы характера, какая необходима для такого мужа.

Миссь Токсь испустила глубокой вздохъ.

– Впрочемъ, она была любезна, – сказала м-сь Чиккь, – чрезвычайно любезна. И притомъ она была добра, ахъ! – какъ добра была б#дная Фанни!

– Ангельчикъ ты мой! милашечка! – вскричала миссь Токсь, ц#луя маленькаго Павла. Вылитый портретикъ своего папашеньки!

Если бы майоръ зналъ, сколько надеждъ, желаній, плановъ носилось надъ этой младенческой головой, если бы онъ вид#ль, какъ роились и парили они въ своихъ разнородныхъ элементахъ надъ измятой шапочкой безсознательнаго маленькаго Павла... впрочемъ, что-жь такое? майоръ опять бы выпучилъ глаза! Но тогда, по крайней м#р#, онъ увид#ль бы въ хаотической толп# этихъ мечтаній н#которые живительные лучи, озаряющіе душу миссь Токсь, и тогда онъ понялъ бы, какая непоб#димая сила влечетъ эту женщину къ торговому дому подъ фирмой: Домби и Сынъ!

Если бы самъ младенецъ, среди глубокой полночи, пробудился отъ сна, и увид#ль, какъ на занав#сяхъ его люльки отражаются таинственныя вид#нія н#которыхъ думъ, они испугали бы его, эти вид#нія, и не безъ причины. Но онъ спалъ, невинный младенецъ, спалъ спокойно, вовсе не зная о пріятныхъ мечтаніяхъ миссь Токсь, объ изумленіи майора, о преждевременной грусти своей сестры, о важныхъ планахъ и расчетахъ отца, и даже не подозр#вая, что есть на св#т# клочекъ земли, на которомъ существуетъ Домби и Сынъ.

Глава VIII

Дальн#йшіе усп#хи Павла; его возрастаніе и характеръ

Подъ вліяніемъ неусыпныхъ и всегда внимательныхъ очей времени, сны Павла постепенно изм#нялись. Разсв#тъ сознания неотразимо проникалъ въ младенческую душу; ея вид#нія прояснились: предметы и впечатл#нія въ безчисленномъ множеств# зароились вокругъ новаго жителя міра, растревожили его покой, и такимъ образомъ насл#дникъ знаменитаго дома незам#тно перешель отъ младенческаго возраста къ д#тскому и сд#лался говорящимъ, ходящимъ, удивляющимся Домби.

Посл# опалы и позорнаго изгнанія Ричардс# д#тскій департаментъ, въ хозяйственномъ министерств# м-ра Домби, поступилъ въ зав#дываніе временнаго комитета, котораго главными членами, разум#ется, назначены были м-сь Чикк# и мисс# Токс#. Эти особы съ такимъ изумительнымъ усердіемъ принялись за исправленіе своихъ новыхъ должностей, что майоръ Багстокъ съ каждымъ днемъ долженъ былъ уб#ждаться въ своей р#шительной опал#, между т#мъ какъ м-ръ Чикк#, лишенный домашняго надзора, очертя голову бросился въ большой св#тъ, об#далъ въ клубахъ и кофейныхъ домахъ, два-три раза курилъ трубку наперекоръ строжайшему запрещенію своей сожительницы, раз#зжалъ по театрамъ, и словомъ, какъ выразилась однажды м-сь Чикк#, безсов#стно ослабилъ вс# общественныя узы и нравственныя обязательства.

При всемъ томъ маленькій Павель, несмотря на неусыпную заботливость и материнскія попеченія, развивался какъ-то очень туго. Посл# изгнанія кормилицы, онъ вдругъ ни съ того ни сего, или можетъ быть отъ природной слабости, началъ тосковать, сохнуть, чахнуть, и долго, казалось, отыскивалъ свою потерянную мать, далеко не удовлетворяемый н#жностями своихъ надзирательниц#. Кое-какъ прошелъ онъ самыя трудныя ступени на пути къ юношескому возрасту, но и дальн#йшее путешествіе казалось для него чрезвычайно опаснымъ, какъ на скачкахъ для отчаяннаго жокея, который, перескакивая черезъ рытвины и овраги, рискуетъ каждую минуту сломить себ# шею. Каждый вновь пробивающійся зубъ былъ для него страшнымъ барьеромъ, каждый прыщикъ во время кори – каменной ст#ной, черезъ которую надо было перепрыгивать не иначе, какъ съ большой опасностью. Немощный всадникъ онъ, сваливался наповалъ при каждомъ припадк# коклюша и тутъ безъ пощады давила его ц#лая стая д#тскихъ бол#зней, долго м#шавшихъ ему подняться на ноги.

Ознобъ посл# крещенія, по-видимому, поразилъ младенца въ самую чувствительную часть его организма, и онъ уже никогда не могъ оправиться подъ холодной кровлей родительскаго дома. Вообще это былъ самый несчастный ребенокъ, и это мн#ніе о немъ не разъ высказывала даже м-сь Виккемъ.

М-сь Виккемъ была женою трактирнаго слуги, то есть, другими словами, она была вдовою живого мужа, и такъ какъ она не им#ла ни д#тей, ни родственниковъ, то ее очень благосклонно приняли къ м-ру Домби, гд# она, спустя два или три дня посл# мучительнаго отнятія Павла отъ груди, вступила въ должность няньки. М-сь Виккемъ была женщина смиренная, съ бл#днымъ цв#томъ лица, съ глазами всегда поднятыми къверху, съ головой всегда опущенной внизъ. Она настроила себя наиудивительн#йшимъ образомъ къ собол#знованіямъ всякаго рода: безпрестанно жаловалась на собственную горестную судьбу, сострадала о несчастіяхъ ближнихъ и съ трогательной благодарностью принимала собол#знованія о себ# самой. Вообще, природа въ высокой степени наградила эту женщину чудной способностью смотр#ть на вс# предметы въ самомъ жалобномъ св#т#, и она, по-видимому, находила величайшее ут#шеніе совершенствовать этотъ талантъ, представляя поразительно страшныя доказательства въ защиту своихъ могильныхъ мыслей.

Почти н#тъ надобности говорить, что м-ръ Домби р#шително иичего не зналъ о необыкновенномъ настроеніи духа новой няньки. Да и какъ ему знать? Ни одна душа въ дом# – не исключая самой м-съ Чиккъ или миссъ Токсъ – не см#ла передъ нимъ заикнуться насчетъ какихъ-нибудь неудобствъ въ отношеніи къ маленькому Павлу. Онъ р#шилъ самъ въ себ#, что ребенокъ необходимо долженъ проходить по вс#мъ этимъ мытарствамъ д#тскихъ недуговъ, и ч#мъ скор#е онъ пройдетъ ихъ, т#мъ лучше. Если бы онъ могъ откупить отъ нихъ своего сына или поставить вм#сто него наемщика, какъ это бываетъ при рекрутскихъ наборахъ, то онъ былъ бы очень радъ воспользоваться такимъ средствомъ на самыхъ щедрыхъ условіяхъ. Но такъ какъ этого, очевидно, сд#латъ было невозможно, то онъ ограничился только т#мъ, что обнаруживалъ по временамъ гордое изумленіе насчетъ непостижимыхъ распоряженій природы и ут#шался мыслью, что вотъ еще благополучно пройденъ верстовой столбъ на трудной дорог# жизни, и великая ц#ль путешествія становится все ближе и ближе. Господствующимъ чувствомъ его души, постепенно принимавшимъ огромн#йшіе разм#ры по м#р# возрастанія Павла, было нетерп#ніе дожидаться, наконецъ, того вождел#ннаго времени, когда торжественнымъ образомъ будутъ приведены въ исполненіе его блистательныя надежды.

Н#которые философы утверждаютъ, что эгоизмъ есть корень благородн#йшихъ привязанностей и склонностей сердца. Юный сынъ м-ра Домби съ самаго начала въ такой степени сд#лался для него важнымъ, какъ часть его собственнаго величія, или, что все равно, величія Домби и Сына, что привычные глаза съ величайшей ясностью могли вид#ть основаніе этой родительской привязанности. Однако-жъ онъ любилъ своего сына, какъ только могъ любить. Если оставалось еще теплое м#стечко въ этомъ ледяномъ сердц#, оно принадлежало сыну: если на затверд#лой его поверхности могло отражаться впечатл#ніе чьего-нибудь образа, то это былъ образъ его сына, – не младенца сына и не отрока, а взрослого сына, представителя фирмы. Вотъ почему онъ торопился скор#е проб#жать первыя страницы его исторіи и съ нетерп#ніемъ заглядывалъ въ отдаленную будущность. Вотъ почему также, при всей своей любви, онъ мало или вовсе не заботился о ребенк#, разсчитывая, что, такъ или иначе, ребенокъ н_е_п_р_е_м_#_н_н_о сд#лается м_у_ж_е_м_ъ, для котораго онъ каждый день строилъ новые планы и проекты, какъ будто передъ нимъ лицомъ къ лицу стоялъ благородный представитель торговаго дома въ полномъ цв#т# молодости и красоты.

Наконецъ Павлу минуло около пяти л#тъ. Онъ былъ вообще очень красивый мальчикъ; но на его бл#дномъ худощавомъ лиц# отражалась какая-то бол#зненная задумчивость, такъ что м-съ Виккемъ, посматривая на него, многозначительно качала головой и вздыхала отъ глубины сердца. По н#которымъ признакамъ безошибочно можно было заключить, что характеръ его будетъ гордый и повелительный: онъ уже начиналъ понимать свое собственное величіе и сознавалъ съ удовлетворительною ясностью, что вс# другія вещи и лица сотворены исключительно для него. По временамъ угрюмость его проходила, и онъ р#звился какъ другія д#ти; но зато иной разъ задумчиво сид#лъ онъ на своихъ миниатюрныхъ креслахъ и мечталъ очень глубокомысленно, какъ стол#тній старичекъ, утомленный мірскою суетой. Случалось иногда, игралъ онъ въ д#тской съ Флоренсой или погонялъ хлыстикомъ миссъ Токсъ, которая служила для него лошадкой; но потомъ вдругъ совершенно неожиданно овлад#вало имъ какое-то уныніе, и онъ жаловался на чрезвычайную усталость. Но всешо чаще находила на него эта хандра вечеромъ посл# об#да, когда по обыкновенію маленькія кресла перетаскивали въ гостиную, гд# онъ сид#лъ вм#ст# съ отцомъ подл# камина. Это была самая странная чета, какую когда-либо осв#щалъ каминный огонь. М-ръ Домби, не покидая важной осанки, величаво взиралъ на яркое пламя; а маленькій портретъ его созерцалъ это красное явленіе съ напряженнымъ вниманіемъ мудреца. М-ръ Домби обдумывэпъ въ глубин# души многосложные мірскіе планы и предположенія; а маленькій портретъ его питалъ въ душ# какія-то дикія мечты, полузр#лыя мысли и безсвязныя умозр#нія. М-ръ Домби непо-

движно держаль голову вверхъ отъ гордости и отъ накрахмаленнаго галстука: маленькій портретъ его сохраняль такую же позу по наслѣдству и по безсознательному подражанію. Оба были удивительно похожи другъ на друга, и въ то же время чудовищно противоположны одинъ другому.

Въ одномъ изъ такихъ случаевъ, когда оба они уже давно краснорѣчиво безмолвствовали, и м-ръ Домби зналь только, что сынъ его не спить, потому что случайно заглянувъ въ его глазъ, увидѣль въ немъ яркое отраженіе огненнаго изумруда, маленькій Павелъ прерваль молчаніе такимъ образомъ:

– Папа! что такое деньги?

Внезапный вопросъ имѣль такую близкую связь съ настоящимъ предметомъ размышленія, что м-ръ Домби былъ совершенно озадаченъ.

– Что такое деньги, Павелъ? – отвѣчалъ онъ, – деньги?

– Да, – сказалъ ребенокъ, облачаясь на ручку кресель и обращая старое лицо на м-ра Домби, – что такое деньги?

М-ръ Домби былъ поставленъ въ крайнее затрудненіе. Онъ былъ бы очень радъ дать ученый коммерческій отвѣтъ, опредѣляя деньги общимъ мѣриломъ цѣнности вещей и распространяясь о курсѣ, о возвышеніи и пониженіи курса, объ ассигнаціяхъ, векселяхъ, золотыхъ слиткахъ, о сравнительной цѣнности благородныхъ металловъ, и такъ далѣе, но взглянувъ на кресла, низенькія, очень низенькія кресла, сказалъ только: "Золото, серебро и мѣдь. Гинеи, шиллинги, полупенсы. Знаешь теиерь, что это такое?".

– Ну да, я знаю, что это такое, – отвѣчалъ Павелъ, – но я не объ этомъ думаю, папа. Я хочу знать, что такое деньги?

Великій Боже! какимъ старикомъ смотрѣль онъ, когда опять поднйль глаза на своего отца!

– Что такое деньги? – сказалъ м-ръ Домби съ крайнимъ изумленіемъ, отодвигая свой стулъ, чтобы лучше разсмотрѣть заносчиваго малютку, предложившаго такой смѣлый вопросъ.

– Да, папа; я хочу знать, что деньги могутъ сдѣлать? – отвѣчалъ Павелъ, складывая на груди свои руки [онъ были уже довольно длинны], и посматривая то на огонь, то на отца, опять на огонь и опять на отца.

М-ръ Домби придвинуль стулъ на прежнее мѣсто и погладилъ сына по головкѣ.

– Со временемъ ты лучше узнаешь эти вещи, – сказалъ онъ, – деньги, мой милый, дѣлають всякія дѣла.

Говоря это, м-ръ Домби взяль маленькую руку сына и слегка началъ хлопать ею по своей. Но сынъ, при первой возможности высвободился изъ этой позы, и съ нетерпѣніемъ сталъ тереть ладонью о кресла, какъ будто его умъ заключался въ ладони, и нужно было наострить его. Потомъ еще разъ онъ взглянулъ на каминъ, какъ будто огонь былъ его совѣтникомъ и суфлеромъ. Наконецъ, послѣ всѣхъ этихъ приготовленій онъ сказалъ:

– Деньги, говоришь ты, дѣлають всякія дѣла?

– Да, почти всякія, – отвѣчалъ м-ръ Домби.

– Всякія... вѣдь это то же, что деньги дѣлають в_с_е: не такъ ли, папа? – спросиль сынъ, не замѣчая или, быть можетъ, не понимая разницы между этими словами.

– Да, деньги могутъ все сдѣлать, мой милый.

– Такъ почему же деньги не спасли мою маму? – съ живостью возразиль ребенокъ, – не жестоко ли это съ ихъ стороны?

– Жестоко! – сказалъ м-ръ Домби, поправляя галстукъ и собираясь съ мыслями, – нѣтъ, хорошая вещь не можетъ быть жестокою.

– Деньги хорошая вещь и могут сдать все, – глубокомысленно замгилъ маленькій собесдникъ, обративъ глаза на каминъ, – удивительно однако-жь, почему онъ не спасли мою маму?

Съ этимъ вопросомъ онъ уже не обращался къ отцу. Быть можетъ, съ дтскою пронизательностью онъ увидлъ, что разговоръ этотъ не нравился м-ру Домби. Но онъ вслухъ повторилъ эту мысль, какъ будто она давно занимала и крайне тревожила его. Облокотившись подбородкомъ на руку, онъ впалъ въ глубокую задумчивость и вперилъ глаза на догоравшій огонь.

М-ръ Домби былъ не то чтобы взволнованъ, однако-жь крайне изумленъ странной пытливостью ребенка. Еще въ первый разъ его сынъ осмлился заговорить съ имъ о покойной матери, несмотря на то, что онъ довольно часто, почти каждый вечеръ, сидлъ съ нимъ въ гостиной подл камина точно въ такомъ же положеніи. Оправившись отъ изумленія, онъ старался по возможности объяснить, что деньги хотя всемогущій духъ, везд и всми уважаемый, однако-жь, онъ никакимъ образомъ не могутъ спасти человка, если ему пришло время умереть, и что, къ несчастью, вс мы, даже въ Сити, рано или поздно должны умереть, какъ бы ни велико было наше богатство.

– Но деньги, – говорилъ м-ръ Домби, – доставляютъ намъ всеобщій почетъ, уваженіе, удивленіе другихъ людей. Съ деньгами мы можемъ прославиться и навести страхъ на все, что насъ окружаетъ, а случается, и очень нердко, что можно деньгами удалить отъ себя самую смерть на весьма долгое время. Такъ, напримръ, твоя мать за деньги пользовалась услугами м-ра Пилькинса и знаменитаго доктора Паркера Пепса. Этого послдняго врача ты не знаешь, а м-ръ Пилькинсъ очень часто помогаль и теб. Словомъ, все длаютъ деньги, что только можно сдать.

Много еще подобныхъ сентенцій на эту тему м-ръ Домби внушалъ воспримчивой душ своего сына. Ребенокъ слушалъ внимательно, и казалось, понималъ почти все, что ему говорили.

– А вдь вотъ, папа, деньги не могутъ меня сдать здоровымъ и сильнымъ! – сказала Павелъ посл короткой паузы, потирая руками.

– Какъ, разв ты не совершенно здоровъ и силенъ? – съ изумленіемъ спросилъ м-ръ Домби.

Маленькій старичекъ съ лукавымъ видомъ поднялъ на отца печальные глаза.

– Ты здоровъ и силенъ, какъ вс дти въ твоемъ возраст, не правда ли? – сказала м-ръ Домби.

– Флоренса, правда, старше меня, и я не могу быть такъ здоровъ и силенъ какъ она, это мн очень хорошо извстно, – возразилъ ребенокъ, – но когдп Флоренса была такъ же мала, какъ я, она могла играть сколько ей угодно и никогда не уставала; это я также очень хорошо знаю. А если бы зналъ ты, какъ я иногда устаю! Охъ, какъ я устаю! Вс кости болятъ у меня – Виккемъ говорить, что это кости – и ужъ я не знаю, что мн длатъ?

Здсъ маленькій Павелъ, гря руки, пристально началъ смотрть черезъ каменную ршетку, какъ будто въ камин фантастическіе духи разыгрывали для него кукольную комедію.

– Это, видно, бываетъ съ тобой по вечерамъ, – сказала м-ръ Домби, ближе подвигаясь къ сыну и тихонько положивъ руку на его спину, – дти всегда устаютъ вечеромъ, и потомъ спятъ по ночамъ очень крпко.

– Охъ, нтъ, папа! – возразилъ ребенокъ, – это бываетъ со мной и по днямъ, когда я лежу у Флоренсы на колняхъ и она поеть мн псни. А по ночамъ я вижу во сн прелюбопытныя, предиковинныя вещи!

На этотъ разъ м-ръ Домби былъ очень взволнованъ и ршительно не зналъ что говорить. Онъ еще ближе подвинулся къ сыну и безмолвно смотрл на его лицо при слабомъ

блеск# огня, продолжая держать л#вую руку на его спин#, какъ будто она притянута была магнетической силой. Однажды онъ пробоваль правой рукой повернуть къ себ# его голову; но ребенокъ тотчасъ же приняль онять прежнюю позу и уже не отрываль глазъ отъ порхающаго пламени до той поры, пока нянька не пришла звать его въ постель.

– Почему же не пришла за мной Флоренса? – сказала Павелъ.

– Разв# вы не хотите идти съ своей б#дной няней, м-ръ Павелъ? – спросила Виккемъ, испуская глубокой вздохъ.

– Не хочу, – отв#чалъ Павелъ, усаживаясь на своихъ креслахъ, какъ господинъ, которому должны повиноваться.

Призывая небо въ свид#тели своей невинности, м-съ Виккемъ пошла назадъ, и черезъ минуту вм#сто нея явилась Флоренса. Ребенокъ мгновенно одушевился и, вскочивъ съ кресель, очень бойко раскланялся съ отцомъ, пожелавъ ему доброй ночи. Лицо его повесел#ло, помолод#ло и приняло такое д#тское выраженіе, что м-ръ Домби не могъ надивиться внезапной перем#н#.

Когда д#ти вышли изъ комнаты, ему вдругъ послышался н#жный голосокъ, расп#вавший какую-то п#сню. Припомнивъ слова Павла о поющей сестр#, онъ отворилъ дверь, началъ вслушиваться и смотр#ть на д#тей. Флоренса съ усиліемъ взбиралась по ступенямъ огромной и пустой л#стницы, держа въ объятіяхъ маленькаго брата, который, положивъ голову на плечо сестры, обвился руками вокругъ ея шеи. И пока они входили, Флоренса все п#ла, Павелъ подтягиваль, а м-ръ Домби съ крайнимъ изумленіемъ безмолвно смотр#ль на трогательную сцену. Д#ти взобрались уже на верхній конецъ огромной л#стницы, не останавливаясь пошли въ комнату и совершенно скрылись изъ виду, а м-ръ Домби все еще продолжалъ стоять у дверей съ глазами, обращенными кверху, и уже тогда только, когда бл#дный св#тъ луны началъ приближаться черезъ тусклое окно въ потолок#, онъ махнулъ рукою и задумчиво побрель въ свою спальню.

На другой день м-съ Чиккъ и м-съ Токсъ получили приглашеніе къ об#ду на домашнее сов#щаніе. Лишь только почтенные члены комитета явились въ столовую, м-ръ Домби безъ всякаго предварительнаго объясненія или приступа открыль зас#даніе вопросомъ:

– Что такое д#лается съ Павломъ? Что думаетъ о немъ м-ръ Пилькинсъ? Ребенокъ далеко не такъ здоровъ, какъ желательно бы вид#ть.

– Удивляюсь твоей проницательности, любезный Павелъ, – отв#чала м-съ Чиккъ, – ты однимъ разомъ угадалъ всю истину. Да, малютка нашъ не такъ здоровъ, какъ желательно бы вид#ть. Д#ло въ томъ, мой милый, что его умственные способности развиваются съ непостижимой быстротой, и маленькое т#ло едва способно выдерживать паренія его высокой души. Боже мой! какъ умно, какъ разсудительно говорить этотъ дивный ребенокъ! нев#роятно! невообразимо! Помнишь ли, Лукреція, какъ разсуждалъ онъ вчера о похоронахъ?...

– Вотъ въ томъ-то и д#ло, – сказала м-ръ Домби, грубо прерывая сестру, – что н#которыя нескромныя особы внушаютъ моему сыну неприличныя мысли. Вчера вечеромъ онъ вдругъ заговорилъ со мною о своихъ костяхъ; желаль бы я знать, кому какое д#ло до костей моего сына? Над#юсь, онъ не живой скелеть.

– Какъ это можно! – сказала м-съ Чиккъ съ невыразимымъ испугомъ.

– Над#юсь, – сурово повторилъ братъ. – Еще похороны! Кто см#еть говорить моему сыну о похоронахъ. Мы не гробовщики, я думаю, не могильщики!

– Какъ это можно! – сказала м-съ Чиккъ съ т#мъ же невыразимымъ чувствомъ страшнаго испуга.

– Кто см#еть, говорю я, внушать моему сыну такія черныя мысли? Вчера онъ не на шутку напугаль меня. Тебя спрашиваю, Луиза, кто вбилъ ему въ голову такія вещи?

– Тутъ, кажется, нечего долго спрашивать и допытываться, – отвѣчала м-съ Чиккъ послѣ минутнаго размышленія. – Если сказать правду, нянька у нашего малютки не очень веселаго нрава. Она то и дѣло, что...

– Горюеть да тоскуеть, – скромно перебила м-съ Токсъ.

– Именно такъ, – продолжала м-съ Чиккъ, – горюеть да тоскуеть Богъ знаетъ о чемъ. Но зато м-съ Виккемъ рачительна, внимательна, усердна и, смѣю сказать, ни мало не взыскательна. Притомъ это самая скромная и смиренная женщина, какую только я знаю. Если нашъ малютка немного ослабѣлъ послѣ своей послѣдней болѣзни, если теперь онъ не такъ здоровъ и силенъ, какъ желательно бы видѣть, если вообще, онъ поразстроился и долженъ на нѣкоторое время потерять правильное употребленіе...

Послѣ гнѣвнаго выговора за болѣзнь въ костяхъ миссъ Чиккъ не смѣла произнести это страшное слово и, не зная, какъ окончить фразу, дожидалась вдохновенной выручки отъ своей пріятельницы, которая на этотъ разъ не совсѣмъ рѣшительнымъ тономъ проговорила:

– Правильное употребленіе членовъ...

– Членовъ? – повторилъ м-ръ Домби.

– Домашній лекаръ сегодня поутру говорилъ, кажется, о ногахъ, моя милая, не правда ли? – сказала миссъ Токсъ.

– Ну да, мой ангель, онъ говорилъ о ногахъ, – возразила м-съ Чиккъ съ кроткимъ упрекомъ, – зачѣмъ ты спрашиваешь меня? Я очень хорошо слышала, какъ онъ говорилъ. Стало быть, вотъ видите ли, если нашъ милый Павелъ долженъ въ настоящемъ случаѣ лишиться употребленія ногъ, такъ безпокоиться рѣшительно не о чемъ, всѣ дѣти въ его возрастѣ бывають подвержены такимъ недугамъ, и чѣмъ раньше онъ ихъ вытерпитъ, тѣмъ лучше. Ты самъ это знаешь, любезный братецъ.

– Я не сомнѣваюсь, Луиза, – замѣтилъ м-ръ Домби, – въ твоей искренней привязанности къ будущему представителю моего дома. Такъ м-ръ Пилькинсъ говорилъ о Павлѣ сегодня поутру?

– Да, сегодня поутру, – отвѣчала сестра, – мы это слышали вмѣстѣ съ миссъ Токсъ, мы тутъ были. Ты знаешь, какъ и миссъ Токсъ дорожить всѣмъ, что относится до нашего ангельчика. И что это за докторъ м-ръ Пилькинсъ! удивительный докторъ! Онъ еще осматривалъ его за нѣсколько дней предъ этимъ и говорилъ, что ничего, все идетъ какъ слѣдуетъ. Это мы слышали вмѣстѣ съ миссъ Токсъ, и ты долженъ успокоиться, милый Павелъ. А сегодня м-ръ Пилькинсъ рекомендовалъ нашему малюткѣ морской воздухъ, и я съ нимъ совершенно согласилась, совсѣтъ очень благоразумный!

– Морской воздухъ? – повторилъ м-ръ Домби, бросая на сестру изумленный взоръ.

– Да, морской воздухъ. Безпокоиться тутъ рѣшительно не о чемъ, – сказала м-съ Чиккъ. – Моимъ дѣтямъ, Жоржу и Фредерику, тоже предписывали морской воздухъ, когда они были въ этомъ возрастѣ, да и сама я пользовалась нѣсколько разъ морскимъ воздухомъ. Что-жъ тутъ удивительнаго? Морской воздухъ очень полезенъ. Я съ тобой совершенно согласна, Павелъ, что, можетъ быть, иной разъ по неосторожности рассуждали въ дѣтской о такихъ вещахъ, которыя должны быть чужды младенческой душѣ, но посуди самъ, какъ убережешься отъ ребенка съ такими огромными способностями? Быстрота ума непостижимая! Еслибъ это былъ обыкновенный ребенокъ, такъ ничего бы не случилось, увѣрю тебя. Я должна сказать, то есть мы вмѣстѣ съ миссъ Токсъ должны сказать, что кратковременное отсутствіе изъ этого дома, брайтонскій воздухъ и особенно физическое и умственное воспитаніе подъ руководствомъ такой опытной, благоразумной женщины, какъ наприимѣръ, м-съ Пипчинъ...

– Это что еще за м-съ Пипчинъ, Луиза? – съ нетерпѣніемъ спросилъ м-ръ Домби, раздосадованный фамильярнымъ разговоромъ о женщинѣ, которой фамилія была ему неизвѣстна.

– М-сь Пипчинъ, любезный Павелъ, – отв#чала сестра, – почтенная пожилая дама, вдова почтенн#йшаго и очень изв#стнаго джентльмена. М-сь Токсъ хорошо знаетъ всю ея исторію. Съ н#котораго времени эта благородная леди посвятила себя исключительно воспитанію и образованію маленькихъ д#тей съ такимъ усп#хомъ, который доставилъ ей изв#стность во вс#хъ лучшихъ домахъ. Мужъ ея умеръ съ горя отъ... какъ вы рассказывали, моя милая? я все забываю подробности. Мужъ ея умеръ отъ...

– Отъ выкачиванія воды изъ перувіанскихъ рудниковъ, – договорила м-сь Токсъ.

– То есть не то, чтобы онъ самъ выкачивалъ воду изъ рудниковъ, – сказала м-сь Чиккъ, взглянувъ на своего брата, и это объясненіе было совершенно необходимо, потому что миссъ Токсъ выразилась двусмысленно, – а онъ только употребилъ для этой спекуляціи свой капиталъ, который погибъ до посл#дняго шиллинга въ рукахъ обанкротившейся компаніи. Я ув#рена, м-сь Пипчинъ превосходно воспитываетъ д#тей, и ужъ, конечно, никто не сравняется съ ней въ этомъ искусств#. Мн# н#сколько разъ приходилось слышать о ней въ самыхъ знатныхъ домахъ, а ты знаешь, Павелъ, какіе дома я пос#щала до рожденія твоего сына!

Зд#сь м-сь Чиккъ обратила многозначительный взоръ на бронзовый бюстъ Вильяма Питта, какъ будто хот#ла сказать: "Вотъ и тамъ меня принимали"

– Быть можетъ, насчетъ м-сь Пипчинъ я обязана сказать вамъ, сэръ, – зам#тила миссъ Токсъ покрасн#въ, какъ вишневая ягода, – что похвала вашей милой сестрицы нисколько не преувеличена. Многіе леди и джентльмены – самое лучшее украшеніе нын#шняго общества – обязаны своимъ воспитаніемъ этой почтенной дам#. Ваша покорная слуга им#ла также счастье пользоваться ея наставленіями, и признаюсь вамъ, я до могилы не забуду высокихъ правилъ нравственности и благоразумія, укорененныхъ въ моемъ сердц#! Самыя знатныя фамиліи поручаютъ ей своихъ д#тей.

– Какъ я долженъ понимать васъ, любезная миссъ Токсъ? – благосклонно спросилъ м-ръ Домби, – эта почтенная дама содержитъ учебное заведеніе?

– Я право не знаю хорошенько, можно ли м-сь Пипчинъ назвать содержательницей учебнаго заведенія. Вотъ видите ли, это не то, чтобы какое-нибудь приготовительное училище, вовсе н#тъ, а заведеніе ея въ н#которомъ род#, такъ сказать, есть воспитательно-образовательный пріютъ для благородныхъ д#тей...

– Куда принимаются только д#ти изъ самаго высшаго круга, – добавила м-сь Чиккъ, выразительно взглянувъ на брата.

– О, конечно! – подтвердила миссъ Токсъ – да и то не иначе, какъ по протекціи.

Вс# эти подробности о почтенной содержательниц# "Воспитательно-образовательнаго пріюта для благородныхъ д#тей" им#ли большой в#съ въ глазахъ м-ра Домби. Богатый супругъ м-сь Пипчинъ погибъ отъ благороднаго риска на перувіанскихъ рудникахъ – хорошо, очень хорошо! Домашній медикъ сов#туетъ его сыну перем#нить воздухъ и отлучиться на н#сколько времени изъ ролительскаго дома – какъ это кстати! Онъ попадетъ теперь въ кругъ знатн#йшихъ вельможъ во всей Англіи! Нечего и толковать, что тутъ н#тъ никакой остановки на пути къ достиженію великой ц#ли. На рекомендацію сестры и ея пріятельницы зд#сь легко можно было положиться: об# он# безъ ума отъ маленькаго Павла, и ужъ если р#шаются на н#которое время разлучиться со своимъ ненагляднымъ питомцемъ, то, конечно, совершенно ув#рены въ благод#тельныхъ посл#дствіяхъ этой разлуки, иначе никому и ни за что на св#т# он# не поручили бы драгоц#ннаго малютку. Погибъ отъ благороднаго риска на перувіанскихъ рудникахъ... вотъ смерть, достойная истиннаго джентльмена!

– Кто же долженъ будетъ #хать съ маленькимъ Павломъ, если завтра, посл# предварительныхъ справокъ, мы р#шимся отправить его въ Брайтонъ къ этой почтенной дам#? – спросилъ м-ръ Домби посл# н#котораго размышленія.

– Мн# кажется, братецъ, – отв#чала миссъ Чиккъ, – его теперъ никуда нельзя отправить безъ Флоренсы. Онъ слишкомъ привязался къ сестр# и не отстанеть отъ нея; у ребенка всегда свои капризы, мой милый.

М-ръ Домби повернулъ голову, медленно пошелъ къ шкафу и взялъ наудачу какую-то книгу.

– А еще кто... кром# Флоренсы, Луиза? – сказалъ онъ, не смотря на сестру и небрежно переворачивая листы.

– Еще Виккемъ, разум#ется. То есть, я хочу сказать, что кром# Виккемъ никому и не нужно съ нимъ #хать, – отв#чала сестра. – Павель будетъ теперъ въ такихъ рукахъ, что всякій другой надзоръ только пом#шалъ бы м-съ Пипчинъ. Впрочемъ, разум#ется, братецъ, теб# не худо будетъ самому, по крайней м#р# разъ въ нед#лю, #здить въ Брайтонъ.

– Да, разум#ется, – сухо сказалъ м-ръ Домби, – и ц#лый часъ посл# этого смотр#ль въ книгу на одну страницу, не говоря больше ни слова.

Препрославленная м-съ Пипчинъ была, собственно говоря, очень невзрачная и даже весьма безобразная старушонка, съ перегнутой спиной, съ лицомъ испещреннымъ, какъ дурной мраморъ, съ неподвижнымъ с#рымъ глазомъ, который какъ будто н#сколько времени колотили по наковальн# молоткомъ, – такъ однако-жь, что черезъ это не сд#лали ему никакого вреда. Ужь сорокъ л#тъ протекло съ той поры, какъ благородный м-ръ Пипчинъ сломалъ голову на перувианскихъ рудникахъ, но его неут#шная вдова все еще носила черный бомбазинъ такого темнаго, мрачнаго, мертвеннаго цв#та, что отъ ея присутствія везд# становилось темн#е, даже въ комнатахъ, ярко осв#щенныхъ десятками стеариновыхъ св#чь. На поприщ# воспитанія д#тей она д#йствительно приобр#ла громкую славу, и весь секретъ ея чуднаго искусства состоялъ въ томъ, что она всегда давала д#тямъ то, чего они терп#ть не могли, и никогда не давала того, что они любили: это, изволите вид#ть, заран#е приучало д#тей управлять своими буйными наклонностями. Вообще, м-съ Пипчинъ была самая сварливая, вздорная женщина, и если такой же характеръ им#ла она л#тъ за сорокъ, то я первый готовъ изъяснить сомн#нiе, что мужъ ея д#йствительно сломилъ голову отъ перувианскихъ рудниковъ.

"Замокъ" этой мучительницы д#тей находился въ Брайтон#, недалеко отъ морскаго берега, на м#ловатой, кремнистой и бесплодной почв#, гд# въ палисадникахъ передъ хрупкими, сухопарыми домами ничего не могло расти, кром# крапивы и ноготковъ. Воздухъ въ л#тнее время никогда не проникалъ въ укр#пленное жилище м-съ Пипчинъ, а зимой не откуда ему было выбраться на волю. Страшная духота увеличивалась еще бол#е отъ глиняныхъ стоявшихъ на окн# горшковъ съ черноземомъ, который по всему заведенію распространялъ свои земляныя испаренія. М-съ Пипчинъ, какъ видно, была любительницей ботаники и держала ц#лую коллекцію различныхъ породъ растительнаго царства. Въ выбор# растений наблюдалась н#которая симметрія, строго приспособленная къ общей гармоніи окружающихъ предметовъ. Въ одномъ м#ст# стояло полдюжины кактусовъ, которые вились какъ зм#и вокругъ своихъ прутьевъ; въ другомъ – т# же кактусы растопыривали свои широкія клешни, какъ зеленые морскіе раки, и тутъ же н#которыя прозябающія растения увеселяли любопытный взоръ своими липкими и вязкими листьями. Вс# эти бол#е или мен#е р#дкіе с_п_е_ц_и_м_е_н_т_ы красовались въ горшкахъ на окнахъ, плотно затворенныхъ во всякое время года; но въ довершеніе спектакля, в#роятно, для большаго эффекта, одинъ огромный горшокъ съ цв#тами былъ прив#шенъ къ потолку, откуда въ разныя стороны тарачились длинные зеленые листья, какъ пауки, которые тоже, вм#ст# съ клещками, водились въ безчисленномъ множеств# въ этомъ благословенномъ приют# благородныхъ питомцевъ.

Такъ какъ м-съ Пипчинъ запрашивала всегда огромную ц#ну за своихъ пансионеровъ, и притомъ ум#ла держать себя величественнымъ образомъ предъ вс#ми, кто им#лъ въ ней нужду, то ее считали р#шительной дамой, въ совершенств# знакомой съ характерами д#тей,

которые, какъ говорили, она изучала она съ удивительнымъ самоотверженіемъ. При такой репутаціи съ теченіемъ времени она составила себѣ почти независимое состояніе, и тѣмъ легче могла поддерживать свое достоинство. Спустя три дня послѣ того, какъ впервые заговорили о ней въ домѣ м-ра Домби, она имѣла удовольствіе заключить весьма выгодную к_о_н_д_и_ц_і_ю съ знаменитымъ капиталистомъ, принявъ въ свой замокъ Флоренсу и ея маленькаго брата.

М-съ Чиккъ и м-съ Токсъ, совершивъ благополучно путешествіе въ Брайтонъ, при соблюденіи необходимыхъ церемоній сдали съ рукъ на руки своего благороднаго питомца и на другой же день воротились въ Лондонъ. М-съ Пипчинъ, прислонившись къ камину, дѣлала ревизію новымъ пансіонерамъ, осматривая ихъ съ ногъ до головы съ опытностью стараго солдата. Между тѣмъ племянница м-съ Пипчинъ и вмѣстѣ безусловно ей подчиненная раба, женщина среднихъ лѣтъ, тощая, утѣгообразная, съ гадкими угрями на носу, снимала чистый воротничекъ съ шеи воспитанника Байтерстона. Другая и послѣдняя пансіонерка, м-съ Панки, была на этотъ разъ заключена въ "тюремный замокъ" за то, что имѣла неосторожность фыркнуть три раза въ присутствіи гостей. Тюремнымъ замкомъ назывался пустой чуланъ, имѣвшій назначеніе карцера.

– Вотъ мы и познакомились, мой милый, – сказала м-съ Пипчинъ, обращаясь къ Павлу. – Нравлюсь ли я тебѣ?

– Я думаю, вы никогда мнѣ не понравитесь, – отвѣчалъ Павелъ. – Мнѣ надо ухажать отсюда, это не мой домъ.

– Конечно нѣтъ; тутъ я живу, – возразила м-съ Пипчинъ.

– Прегадкій домъ! – отвѣчалъ Павелъ.

– А есть мѣстечко еще похуже, – сказала м-съ Пипчинъ, – куда запираютъ злыхъ дѣтей.

– Былъ онъ когда-нибудь въ томъ мѣстечкѣ? – спросилъ Павелъ, указывая на Байтерстона.

М-съ Пипчинъ въ знакъ согласія кивнула головой. Павлу между тѣмъ въ этотъ день много было дѣла: онъ принялся со всѣмъ усердіемъ осматривать своего новаго товарища, Байтерстона и, вглядываясь въ его фізіономію, дѣлалъ таинственныя и даже страшныя наблюденія.

Въ часъ пополудни подали обѣдъ, приготовленный большею частью изъ разныхъ произведеній растительнаго царства.

Къ этому времени явилась и миссъ Панки, кроткая маленькая дѣвочка съ голубыми глазами, которую каждое утро полоскали и терли въ теплой ваннѣ до того, что кости ея скоро, по-видимому, должны были совсѣмъ утратить свойственную имъ упругость. М-съ Пипчинъ, освободивъ ее изъ заключенія, не преминула сдѣлать соотвѣтственное случаю назиданіе, доказывая весьма убѣдительно, что всякій, кто фыркаетъ при гостяхъ, навлекаетъ на свою душу смертельный грѣхъ, иже не отпустится ни здѣсь, ни въ будущей жизни. Укоренивъ сію глубокую истину въ сердцѣ преступной воспитанницы, она предложила для ея насыщенія жиденькій супъ изъ сарачинскаго пшена, блюда, какъ извѣстно, очень здороваго, особенно для дѣтскаго желудка. Племянница м-съ Пипчинъ, Беринтія, получила на свою долю порцію холоднаго поросенка; а сама м-съ Пипчинъ кушала особо для нея приготовленное блюдо, бараньи котлеты, распространявшія очень питательный запахъ; ей, по слабости здоровья, предписано было употреблять всегда горячія кушанья, и преимущественно бараньи котлеты. Послѣ стола всѣ дѣти, по заведенному порядку, должны были читать благодарственную молитву со включеніемъ въ нее особеннаго пункта, которымъ изъяснялось благодареніе самой хозяйкѣ за хорошій обѣдъ. М-съ Пипчинъ тоже воздала благодареніе Господу и поспѣшила лечь въ постель: отдыхъ послѣ горячихъ котлетъ необходимъ былъ для ея здоровья. Дѣти между тѣмъ вмѣстѣ съ Беринтіей или Берри удалились въ тюремный замокъ, такъ какъ дождь не позволялъ на этотъ разъ гулять по морскому берегу. Комната, получившая такое

страшное названіе, выходила своимъ единственнымъ окномъ на м#ловую ст#ну, подл# которой стояла бочка съ водой, и должно сказать, этотъ карцеръ, по крайней м#р# теперь, былъ единственнымъ веселымъ м#стомъ во всемъ дом#. Д#ти начали р#звиться, и Берри приняла д#ятельное участіе въ ихъ играхъ, которыя впрочемъ, ко всеобщему огорченію, скоро были прекращены сердитымъ стукомъ въ ст#ну обезпокоенной хозяйки. Тогда Берри шопотомъ стала рассказывать разныя любопытныя исторійки, и эта бес#да продолжалась вплоть до сумерекъ.

За чаемъ пансіонеры вдоволь могли насыщаться и молокомъ, и водою, и хл#бомъ, и масломъ. М-съ Пипчинъ наливала себ# изъ особаго чернаго чайничка и кушала съ большимъ аппетитомъ поджаренный въ масл# хл#бець, только-что вынутый изъ печи. Однакожъ ни горячія котлеты, ни горячій чай съ горячимъ поджареннымъ хі#бомъ, по-видимому, нисколько не разогр#ли холодную внутренность м-съ Пипчинъ; она была все также брюзглива, и неподвижный с#рый глазъ ея не выражалъ ни мысли, ни чувства.

Посл# чаю Берри вынесла маленькій рабочій столикъ, съ рисункомъ на крышк# королевскаго павильона, и усердно принялась работать, между т#мъ какъ м-съ Пипчинъ, над#въ очки, раскрыла большую книгу въ зеленомъ фризвомъ переплет# и съ неменьшимъ усердіемъ начала кивать головой. И всякій разъ, какъ, близко наклонясь къ камину, м-съ Пипчинъ просыпалась, она давала щелчки по носу Байтерстона, потому что и его тоже слишкомъ разбирала дремота.

Наконецъ, въ урочный часъ д#ти прочли молитву на сонъ грядущій и отошли въ свои постели. Миссъ Панки боялась спать одна въ темнот#, и потому м-съ Пипчинъ каждый вечеръ своеручно погоняла ее на верхъ, какъ овечку; но и посл# того малютка долго еще хныкала и стонала въ своемъ уединенномъ чуланчик#, такъ что м-съ Пипчинъ по временамъ заходила журить ее и успокаивать. Въ половин# десятаго м-съ Пипчинъ вынула изъ печи горячій сладенькій пирожокъ – ей никакъ нельзя было уснуть безъ сладенькаго пирожка – и въ комнат# распространилось очень пріятное благоуханіе, изм#нившее на н#сколько минутъ обыкновенный запахъ. Черезъ полчаса весь замокъ погрузился въ глубокій сонъ.

Завтракъ на другой день былъ почти такой же, какъ вечеромъ во время чая, съ той разницей, что м-съ Пипчинъ кушала булку вм#сто поджареннаго хл#бца, и казалась еще сердит#е обыкновеннаго. М-ръ Байтерстонъ читалъ вслухъ родословную изъ книги Бытія, спотыкаясь на собственныхъ именахъ, какъ хромая лошадь на мельниц#. Посл# этого назидательнаго чтенія маленькую Панки погнали въ ванну, а м-ръ Байтерстонъ долженъ былъ выдержать какую-то особую пытку въ морской вод#, откуда онъ вышелъ посин#лый и крайне разслабленный. Павелъ и Флоренса ходили гулять по морскому берегу въ сопровожденіи Виккемъ, которая все это время заливалась горячими слезами и бол#е, ч#мъ когда-либо жаловалась на горемычную судьбу. Въ десять часовъ открылось утреннее чтеніе. Относительно воспитанія м-съ Пипчинъ была т#хъ мыслей, что д#тскій умъ покрыть толстой корой нев#жества, и должно вдругъ разрывать эту кору, какъ устричную раковину; поэтому уроки ея вообще производили на д#тей какоето бурное и оглушительное д#йствіе. Предметомъ чтеній обыкновенно былъ злой мальчикъ или злая д#вочка, которыхъ опытный педагогъ, подъ конецъ исторіи, усмирялъ какъ дикихъ львовъ или медв#дей. М-съ Пипчинъ не подозр#вала и не могла подозр#вать, что дитя, какъ распускающійся цв#токъ, требуетъ постепеннаго развитія, сопровождаемаго н#жными поощреніями.

Такова была ежедневная жизнь въ замк# м-съ Пипчинъ. Въ субботу вечеромъ прі#зжалъ м-ръ Домби, и Флоренса съ Павломъ должны были отправляться къ нему въ гостиницу пить чай. Они оставались у отца все воскресенье и обыкновенно вы#зжали передъ об#домъ гулять. Въ продолженіе этихъ прогулокъ м-ръ Домби, казалось, выросталъ каждую минуту, подобно знаменитымъ непріятелямъ Фальстафа, и вм#сто одного джентльмена въ клеенчатомъ картуз#, представлялъ своей особой ц#лую дюжину. Воскресный вечеръ былъ самый

скучный вечеръ во всей нед#л#. Злость м-сь Пипчинъ въ это время доходила до остервен#нія. Миссъ Панки возвращалась изъ Роттендина отъ своей тетки въ глубокой печали, а мистеръ Байтерстонъ, котораго вс# родные были въ Индіи, долженъ былъ во время молитвъ м-сь Пипчинъ неподвижно сид#ть на одномъ м#ст# со сложенными накрестъ руками, не см#я пошевелиться ни рукой, ни ногой. Эта церемонія до того надо#ла б#дному малютк#, что однажды въ субботу вечеромъ онъ обратился къ Флоренс# съ покорн#йшей просьбой, не можетъ ли она указать ему дорогу въ Бенгалию.

Вообще однако-жь вс# были ув#рены, что м-сь Пипчинъ мастерски обходилась съ д#тьми, и въ этомъ мн#ніи, собственно говоря, преувеличенія не было. Ребенокъ могъ быть р#звъ и живъ, какъ дикая серна; но проживъ два-три м#сяца подъ этой гостепріимной кровлей, онъ становился тише воды, ниже травы. Говорили также, что этотъ образъ жизни д#ла-етъ большую честь любящему сердцу м-сь Пипчинъ: она посвятила себя съ полнымъ самоотверженіемъ образованію д#тей, и, конечно, эти занятія были самымъ лучшимъ средствомъ противъ глубокой тоски, обуявшей ея душу посл# того, какъ м-ръ Пипчинъ сокрушилъ свое сердце о перувіанскіе рудники.

Павель сид#лъ въ маленькихъ креслахъ подл# камина, и по обыкновенію смотр#лъ во вс# глаза на эту почтенную даму. По-видимому, онъ вовсе не зналъ, что такое скука, если съ такимъ отчаяннымъ вниманіемъ могъ разсматривать м-сь Пипчинъ. Онъ не любилъ и не боялся ея; но ему казалась чрезвычайно зам#чательною ея фizioномія. И вотъ онъ сид#лъ, смотр#лъ на нее, гр#лъ руки, и опять смотр#лъ на нее, не спуская глазъ до той поры, пока м-сь Пипчинъ, при всей своей храбрости, не приходила въ крайнее зам#шательство отъ этого взгляда. Однажды, когда они остались одни, м-сь Пипчинъ спросила, о чемъ онъ думаетъ.

– О васъ, – отв#чалъ Павелъ безъ мал#йшаго зам#шательства.

– Что-жь ты обо мн# думаешь, мой милый? – спросила м-сь Пипчинъ.

– Я думаю, что вы, должно быть, ужь очень стары, – сказалъ Павелъ, – сколько вамъ л#тъ?

– Объ этомъ ты не долженъ спрашивать, – сердито отв#чала почтенная дама, озадачен-ная совершенно неожиданнымъ вопросомъ, – впередъ не см#й говорить такихъ вещей.

– Это почему? – спросилъ Павелъ.

– Потому, что это неучтиво, – сказала брюзгливо м-сь Пипчинъ.

– Неучтиво? – повторилъ Павелъ.

– Да, неучтиво.

– А вотъ Виккемъ говоритъ, что неучтиво #сть горячіе котлеты и поджаренный хл#бъ, между т#м#такъ другіе #дятъ черствыя булки, – отв#чалъ Павелъ съ наивнымъ видомъ.

– Твоя Виккемъ, – возразила м-сь Пипчинъ, побагров#въ отъ ярости, – злая, безстыд-ная, наглая бестія. Ахъ она негодница!

– Что это такое? – спросилъ Павелъ.

– Много будешь знать, скоро состаришься, мой милый, – отв#чала м-сь Пипчинъ. – Вспомни исторію о несчастномъ мальчик#, котораго до смерти забодаль б#шенный быкъ за то, что тотъ безпрестанно д#лалъ вопросы.

– Какъ же б_#_ш_е_н_ы_й быкъ, – сказалъ Павелъ, – могъ узнать, что мальчикъ д#ла-етъ вопросы? Никто не подойдетъ къ быку, если ои# взб#сился, и не станетъ ему ябедничать.

– Такъ ты не в#ришь этой исторіи? – спросила м-сь Пипчинъ съ величайшимъ изум-леніемъ.

– Не в#рю, – сказалъ Павелъ р#шительнымъ тономъ.

– Ну, а если быкъ этотъ былъ не б#шенный? – возразила м-сь Пипчинъ, – неужели ты и тогда не пов#рилъ бы?

Такъ какъ Павелъ еще не разсматривалъ вопроса съ этой стороны, и основалъ свои заключенія только на предположенномъ б#шенств# быка, то на этотъ разъ онъ счелъ себя

поб#жденнымъ и замолчалъ. Но въ ту же минуту онъ началъ сравнивать, вникать, соображать и устремилъ такой пытливый взоръ на свою собес#дницу, что м-съ Пипчинъ заблаго-разсудила удалиться и выждать, пока онъ забудетъ объ этой матеріи.

Съ этого времени какаятя странная притягательная сила увлекала м-съ Пипчинъ къ маленькому Павлу, точно такъ же, какъ Павелъ чувствовалъ неотразимое притяженіе къ ней самой. Она начала сажать его рядомъ подл# себя у камина, и онъ располагался въ углу между м-съ Пипчинъ и каминной р#шеткой, такъ что маленькое лицо его совершенно поглощалось чернымъ фланелевымъ платьемъ. Въ этой позиціи онъ, казалось, еще пристальн#е началъ изучать каждую черту, каждую морщинку на лиц# своей сос#дки и съ такой проникательно-стью всматривался въ одинокій с#рый глазъ ея, что м-съ Пипчинъ иногда принуждена была закрывать его совс#мъ и притворяться спящею. У м-съ Пипчинъ былъ еще старый черный котъ, который тоже располагался всегда у камина, мурлыкалъ самымъ эгоистическимъ образомъ и свир#по моргалъ глазами на огонь до т#хъ поръ, пока р#сницы его не принимали форму восклицательныхъ знаковъ. Когда вся эта компанія вечеркомъ усаживалась у камина, м-съ Пипчинъ – не въ обиду будь ей сказано – чрезвычайно была похожа на старую в#дъму, а Павелъ и черный котъ представлялись служащими ей духами, и посл# этого никто бы не удивился, еслибы вс# они въ бурную ночь вдругъ выскочили черезъ трубу для своихъ воздушныхъ походовъ.

Этого однако жъ никогда не случалось. И котъ, и Павелъ, и м-съ Пипчинъ находились каждая сутки на своихъ обыкновенныхъ м#стахъ, въ обыкновенныхъ позахъ, вс# здоровы и невредимы. Изб#гая общества маленькаго Байтерстона, Павелъ продолжалъ изучать и м-съ Пипчинъ, и кота, и огонь, какъ будто эти предметы были для него волшебными книгами въ трехъ томахъ, откуда онъ почерпалъ подробныя св#д#нія относительно некромантіи.

М-съ Пипчинъ составила свой особый взглядъ на странности Павла, взглядъ весьма неут#шительный, соотв#тствовавшій ея бол#зненной хандр#, усиленной постояннымъ созерцаніемъ сос#днихъ трубъ изъ своей комнаты, шумомъ в#тра и вообще пошлостью, или, какъ сама она выражалась, скарденностью ея повседневной жизни. Соображая вс# предшествовавшія обстоятельства, она вывела самыя печальныя заключенія на счетъ м-съ Виккемъ, и приняла на первый случай строгія полицейскія м#ры, чтобы ея "собственная бестія" – такъ вообще величала она прислугу женскаго пола – ни подъ какимъ видомъ не сообщалась съ этой негодяжкой. Чтобы в#рн#е достигнуть этой ц#ли, она не пожал#ла времени для тайныхъ наблюденій изъ-за дверей: скрываясь въ этой засад#, она выжидала минуту, когда "бестія" подойдетъ къ комнат# Виккемъ, и потомъ вдругъ выб#гала на открытую сцену съ огромнымъ запасомъ энергическихъ ругательствъ и укоровъ. Но, къ несчастью, эту м#ру никакъ нельзя было распространить на племянницу Беринтію, которая, по своимъ разнообразнымъ и многосложнымъ должностямъ, съ утра до ночи обязана была ходить по вс#мъ угламъ и закоулкамъ обширнаго «замка». Берри могла говорить и съ м-съ Виккемъ.

– Какъ онъ хорошъ, когда спить! – сказала однажды Берри, поставивъ ужинъ для м-съ Виккемъ и останавливаясь передъ постелью маленькаго Павла.

– Б#дненькій! – со вздохомъ произнесла м-съ Виккемъ, – хоть бы во сн#-то Богъ послалъ ему красоту!

– Да онъ хорошъ, когда и не спить, – зам#тила Берри.

– Ахъ, н#тъ, н#тъ! Онъ, что называется, какъ дв# капли воды, Бетси Джанна моего дяди, – сказала м-съ Виккемъ.

Берри съ недоум#ніемъ взглянула на собес#дницу, никакъ не понимая, что за связь между Павломъ Домби и Бетси Джанной, какой-то родственницей м-съ Виккемъ.

– Вотъ видите ли, – продолжала м-съ Виккемъ, – жена моего дяди умерла точь-въ-точь, какъ его маменька. Дочь моего дяди точь-въ-точь, какъ м-ръ Павелъ, начала тосковать, сохнуть, чахнуть, такъ что я вамъ скажу...

– Что такое? – спросила Берри.

– Да то, что я никогда въ свѣтъ не согласилась бы переночевать одна съ Бетси Джанной, – сказала въ страшномъ волненіи Виккемъ, – ни за что, хоть осыпь меня золотомъ съ ногъ до головы!

Миссъ Берри натурально спросила, – почему же нѣтъ? Но м-съ Виккемъ, върная принятой методѣ, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти продолжала таинственную рѣчь:

– Бетси Джанна, скажу я вамъ, была самымъ тихимъ, кроткимъ ребенкомъ. Ужъ смиреннѣе Бетси ребенку быть нельзя. Джанна вытерпѣла всѣ дѣтскія болѣзни, всѣ до одной. Судороги были для нея ничемъ, то же, наприимѣръ, что для васъ угри.

Миссъ Берри невольно вздернула носъ.

– И вотъ, – продолжала Виккемъ, понизивъ голосъ и съ нѣкоторой боязнью озираясь вокругъ комнаты, – покойница мать Бетси Джанны задумала съ того свѣта навѣщать свою дочку... да и какъ навѣщать! Колыбелька-то, знаете, висить, а она, покойница, такъ и юлить, такъ и юлить! Ужъ какъ это она дѣлала, и когда она это дѣлала, и узнавалъ ли ребенокъ свою мать, сказать вамъ не могу, а то навѣрно знаю, что Бетси Джанна частенько видѣла свою мать. Вы можете, пожалуй, сказать, что все это вздоръ, что я все это выдумываю; говорите, сколько угодно говорите, я не обижусь. Я даже совѣтую вамъ считать все это вздоромъ: вы будете спокойнѣе въ этомъ прокл... извините меня... въ этомъ проклятомъ кладбищѣ, гдѣ мы живемъ съ съ вами, миссъ Берри. Павлу, кажется, что-то пригрезилось. Потрите ему спину, миссъ Берри.

– Стало быть, вы думаете, – сказала миссъ Берри, слегка погладивъ по спинѣ маленькаго Павла, – что и къ нему также приходила его матушка?

– Бетси Джанна, – возразила м-съ Виккемъ торжественнымъ тономъ, – высохла, что называется, какъ лучинка, и стала вовсе не похожа на ребенка, такъ же, какъ и онъ. Бывало, я смотрю на нее, а она сидитъ, сидитъ, да и думаетъ, ни дать, ни взять, какъ м-ръ Павелъ. Бывало, я заговорю съ ней, а она взглянетъ на меня такой старухой, старухой, старухой!.. а онъ развѣ не старикъ?

– Жива ли дочка вашего дяди? – спросила Берри.

– Да, она жива, Богъ съ ней, и вышла замужъ за серебряника, – возразила Виккемъ торжественнымъ тономъ, зная очень хорошо, что собесѣдница ея вовсе не ожидала такого отвѣта. – Да, говорю я, о_н_а_т_о жива, – повторила м-съ Виккемъ, дѣлая особое удареніе на мѣстоименіи.

Было ясно, что другой кто-то умеръ, и племянница м-съ Пипчинъ натурально спросила: кто же?

– Мнѣ бы не хотѣлось васъ обезпокоить, – съ важностью отвѣчала м-съ Виккемъ, поднося ложку ко рту. – Не спрашивайте меня.

Это было върнѣйшимъ средствомъ заставить себя спрашивать. Миссъ Берри нѣсколько разъ повторила вопросъ; м-съ Виккемъ послѣ нѣ котораго сопротивленія и отговорокъ положила ложку, осмотрѣлась вокругъ себя, взглянула на маленькаго Павла, и съ особой таинственностью начала рѣчь:

– Бетси Джанна любила очень многихъ, то есть любила она совсѣмъ не такъ, какъ другія дѣти, а привязанность ея была какая-то странная, даже, можно сказать, страшная... и чтожь бы вы думали, сударыня моя? всѣ перемерли, кого она любила, всѣ до единого!

Это неожиданное заключеніе такъ поразило племянницу м-съ Пипчинъ, что она съ неподдѣльнымъ ужасомъ обратила изумленные взоры на рассказчицу и не смѣла перевести духъ.

М-съ Виккемъ, качая головой, указала тайкомъ на кроватку, гдѣ лежала Флоренса, и вслѣдъ затѣмъ выразительно повела глазами на полъ къ тому мѣсту, подъ которымъ находилась маленькая комната, гдѣ обыкновенно м-съ Пипчинъ кушала свои горячіе пироги.

– Помяните мое слово, когда придетъ время, – продолжала Виккемъ, – и благодарите Бога, что м-ръ Павелъ васъ не слишкомъ любитъ. Меня, слава Богу, онъ терпѣть не можетъ, и я спокойна на этотъ счетъ, хотя, признаться сказать, жизнь въ этой тюрьмѣ не большая находка. Вы извините меня, миссъ Беринтѣя.

Племянница м-съ Пипчинъ до того была взволнована, что уже не смѣла подойти къ дѣтской кроваткѣ и обдумывала, какъ бы навсегда избавиться отъ необходимости гладить по спинѣ страшнаго ребенка. Въ эту минуту Павелъ проснулся, сѣлъ на кровать и позвалъ къ себѣ Флоренсу. Волосы его были растрепаны, и лицо пылало: ясно, онъ видѣлъ какой-то страшный сонъ.

Флоренса, по первому призыву, соскочила съ своей постели, нагнулась надъ подушкой встревоженнаго брата и скоро убаюкала его своей пѣсней. М-съ Виккемъ, качая головой, пророчески указала на маленькую группу, прослезилась и повела глаза къ потолку.

– Спокойной ночи, – сказала тихонько Виккемъ, – спокойной ночи! Ваша тетюшка, Богъ съ ней, довольно пожила на бѣломъ свѣтѣ, и тужить много вы не станете.

Этотъ утѣшительный привѣтъ м-съ Виккемъ сопровождала взглядомъ, исполненнымъ самой отчаянной тоски. Оставшись одна съ двумя дѣтьми, она замѣтила на первый случай, что вѣтеръ воетъ очень печально, какъ будто оплакиваетъ чью-нибудь смерть, и при этой в_р_н_о_й_о_к_а_з_і_и сама заплакала чуть не навзрыдь. Въ такомъ меланхолическомъ расположеніи духа пребыла она до глубокой полночи, пока сонъ насильно не сомкнулъ ея глаза.

Неизвѣстно, въ какой степени пророческое предсказаніе неминуемой смерти м-съ Пипчинъ поразило чувствительную душу ея племянницы, но во всякомъ случаѣ миссъ Беринтѣя была очень рада, когда тетка при входѣ въ комнату накинулась на нее съ необыкновенной яростью и живѣйшими упреками, которые совершенно отстраняли мысль о близкой ея кончинѣ. На слѣдующей недѣлѣ тоже, слава Богу, она была въ добромъ здоровьи, хотя со стола ея постепенно исчезали всѣ горячія мясныя кушанья.

Павелъ между тѣмъ, какъ и прежде, съ непоколебимымъ постоянствомъ продолжалъ наблюдать м-съ Пипчинъ, и занималъ свое обыкновенное мѣсто между чернымъ бомбазинномъ и каминной рѣшеткой. Здоровье его немножко поправилось, хотя вообще онъ былъ такъ же слабъ, какъ при первомъ прибытіи въ этотъ домъ, и прогулка по морскому берегу его крайне утомляла. Чтобы ему не ходить пѣшкомъ, для него промыслили маленькую колясочку, въ которой онъ могъ лежать очень привольно съ азбукой въ рукахъ и другими элементарными книгами. Вѣрный своимъ эксцентрическимъ выходкамъ, ребенокъ прогналъ отъ себя прочь краснощекаго дюжаго мальчишку, который вызвался возить его коляску, и взаменъ выбралъ для этой должности его дѣдушку, стараго, дряхлаго брюзгу въ истасканномъ клеенчатомъ камзолѣ, отъ котораго несло запахомъ соли и морской травы.

Съ этимъ замѣчательнымъ возницей, въ сопровожденіи Флоренсы подлѣ коляски и плаксивой Виккемъ, которая должна была идти позади не иначе какъ на значительномъ разстояніи, Павелъ каждый день выѣзжалъ на берегъ океана, и сидѣлъ или лежалъ тамъ по цѣлымъ часамъ. Въ это время никто такъ не досаждалъ ему, какъ маленькія дѣти, кромѣ, разумѣется, Флоренсы.

– Отойди отъ меня, пожалуйста, – говорилъ онъ обыкновенно, если къ нему подходилъ какой-нибудь мальчикъ. – Благодарю тебя, да только ступай отсюда прочь.

Случалось, дѣтскій голосокъ съ участіемъ спрашивалъ, какъ онъ себя чувствуетъ.

– Очень хорошо, благодарю тебя, – отвѣчалъ Павелъ, – да только сдѣлай милость, убирайся отсюда. Ты лучше сдѣлаешь, если пойдешь играть.

И когда мальчикъ убѣгалъ, онъ оборачивалъ голову къ Флоренсѣ и говорилъ:

– Намъ не нужно другихъ, не правда ли? Поцѣлуй меня, Флой.

Въ эту пору ему также бол#е ч#мъ когда-либо не нравилось общество Виккемъ, и онъ былъ очень радъ, когда она уходила собирать раковины или потолковать съ кумушками. Онъ любилъ оставаться совершенно одинъ, вдали отъ всякихъ гулякъ, и когда подл# него сид#ла за д#ломъ Флоренса, читала ему или рассказывала что-нибудь, а в#теръ между т#мъ дулъ ему въ лицо, и вода подступала къ колесамъ его постели, ему ничего бол#е не нужно было.

– Флой, – сказалъ онъ однажды, – гд# эта сторона... Индія что ли, гд# живутъ родственники Байтерстона?

– Охъ, далеко отсюда, ужасно далеко! – отв#чала Флоренса, отрывая глаза отъ работы.

– На ц#лыя нед#ли? – спросилъ Павелъ.

– Да, мой милый, на ц#лыя нед#ли путешествія днемъ и ночью.

– Если бы ты, Флой, была въ Индіи, – сказалъ Павелъ, номолчавъ съ минуту, – я бы... что бишь такое маменька сд#лала?... все забываю.

– Полюбилъ бы меня, – отв#чала Флоренса.

– Не то, не то. Разв# я не люблю тебя, Флой? Ахъ что, бишь такое? да, да – если бы ты была въ Индіи, Флой, я бы умеръ безъ тебя.

Флоренса посп#шно бросила работу, опустила голову на подушку и стала ласкать его.

– И я бы умерла, – сказала она, – если бы тебя разлучили есо мной. Но зач#мъ объ этомъ думать? Кажется, теперъ теб# лучше?

– О, мн# теперъ хорошо, очень хорошо! – отв#чалъ Павелъ. – Но я не объ этомъ думаю. У меня все не выходитъ изъ головы, что я умеръ бы отъ тоски, если бы тебя со мной не было.

Въ другой разъ на томъ же м#ст# онъ заснулъ и спалъ спокойно долгое время; но вдругъ онъ пробудился, с#лъ на подушку и началъ вслушиваться съ величайшимъ вниманіемъ.

Флоренса спросила, что ему почудилось?

– Я хочу знать, – отв#чалъ онъ, иристално всматриваясь въ ея лицо, – что оно говорить? Скажи мн#, Флоренса, что говорить море?

Она отв#чала, что это только шумятъ волны, и больше ничего.

– Охъ да, да, – сказалъ онъ, – волны шумятъ; но я знаю, что он# всегда говорятъ что-нибудь. Всегда говорятъ одно и то же морскія волны. А что такое тамъ надъ волнами?

Онъ всталъ и поднялъ глаза на горизонтъ.

Флоренса отв#чала, что тамъ былъ противоположный берегъ; но онъ сказалъ, что не объ этомъ думаетъ. Онъ думалъ о томъ, что было дальше, дальше, дальше!

Такіе вопросы возобновлялись весьма часто. Случалось, среди живого разговора онъ вдругъ прерывалъ р#чь и вслушивался внимательно въ таинственный говоръ морской волны; потомъ поднимался на ноги, и долго смотр#лъ въ необозримую даль безпред#льнаго горизонта.

Глава IX

Б#да съ деревяннымъ мичманомъ

Молодой Вальтеръ Гэй, над#ленный отъ природы порядочнымъ запасомъ романическихъ наклонностей, которыя, къ великому благополучію, не встр#тили ни мал#йшаго препятствія въ своемъ развитіи подъ мирной кровлей старика Соломона, ни на минуту не выпускалъ изъ головы удивительнаго приключенія Флоренсы съ доброй бабушкой, и, подстрекаемый страстью къ чудесному, безпрестанно думалъ о немъ до той поры, пока, наконецъ, съ теченіемъ времени, оно сд#лалось любимымъ, избалованнымъ чадомъ его живого й пылкаго воображенія. Особенно мечталъ онъ, и сладко мечталъ, о той незабвенной минут#, когда судьба такъ неожиданно сд#лала его самого чуть не главнымъ д#йствующимъ лицомъ въ этомъ достопамятномъ событіи.

Дядя Соль и капитанъ Куттль своими тонкими намеками еще больше разгорячали кипучую фантазію молодаго челов#ка. Эти достойные друзья каждое воскресенье считали непрем#нной обязанностью ненарокомъ потолковать о Ричард# Виттингтон#, объ этомъ знаменитомъ геро# въ английской исторіи, который, какъ изв#стно, по#халъ въ Индію безъ копейки въ карман# съ одной только кошкой, а воротился оттуда миллионеромъ, и о чудо изъ чудесъ! – три раза былъ лордомъ-меромъ, начальникомъ и главнымъ членомъ городской думы! Къ довершенію очарованія, капитанъ Куттль промыслилъ на толкучемъ рынк# древн#йшее народное стихотвореніе очень зам#чательнаго содержанія, въ которомъ – это весьма важно – рассказывается не сказка, а достов#рная быль о томъ, какъ одинъ молодой челов#къ, угольщикъ ремесломъ, не бол#е, влюбился въ н#кую красавицу, именемъ Пегги, а красавица почувствовала сердечное влеченіе къ угольщику, и какъ, наконецъ, молодые люди ув#нчали свою любовь законнымъ бракомъ, несмотря на многочисленныя препятствія со стороны отца красавицы, знаменитаго капитана ньюкэстльскаго корабля. Эта зажигательная исторія, им#вшая, какъ видите, чрезвычайно близкое отношеніе къ Вальтеру и Флоренс#, приводила капитана Куттля въ самый яростный восторгъ во вс# семейные праздники, и особенно въ день рожденія Вальтера. Въ этотъ торжественный день капитанъ Куттль уходилъ въ заднюю комнату, затягивалъ свою любимую п#сенку, и одушевляясь постепенно, кричалъ, наконецъ, на вс# возможные голоса, заливаясь самой громкой трелью при имени Пегги, которымъ, къ чести героини стихотворенія, оканчивался каждый куплетъ.

Между т#мъ самъ Вальтеръ, веселый, беззаботный, простодушный Вальтеръ, никакъ не думалъ отдавать себ# отчета въ собственныхъ чувствахъ, да и не былъ способенъ къ такому анализу. Онъ очень полюбилъ набережную, гд# впервые встр#тилъ Флоренсу, и улицы, гд# проходилъ съ нею, хотя, собственно говоря, зам#чательнаго въ нихъ ничего не было. Гадкіе башмаки, съ которыми столько было хлопотъ, онъ берегъ у себя въ комнат# и, сидя по вечерамъ на своей постели, рисовалъ отъ безд#ля фантастическіе портреты доброй бабушки. Должно также сказать, что посл# этого достопамятнаго приключенія онъ сд#лался повнимательн#е къ своему костюму и въ досужее время не пропускалъ случая пройтись по улиц#, гд# находился домъ м-ра Домби, въ надежд# встр#титься съ маленькой Флоренсой. Но вс# эти чувствованія были совершенно невинны и не выходили за пред#лы д#тской природы. Флоренса очень миленькая д#вочка, и разум#ется, пріятно было полюбоваться на хорошенькое личико. Флоренса беззащитна и слаба: мысль, что можно оказать ей покровительство и помощь – весьма завлекательная мысль для юноши, сознающаго свою силу. Флоренса самое благородное маленькое созданіе въ св#т#, и было истиннымъ наслажденіемъ вид#ть, какъ озаряется ея личико искреннимъ и глубокимъ чувствомъ признательности. Флоренса была оставлена, забыта гордымъ отцомъ, и сердце Вальтера наполнялось жив#йшимъ участіемъ къ отверженному дитяти.

Шесть или семь разъ въ годъ молодые люди встрѣчались на улицѣ и раскланивались. М-съ Виккемъ, зная подробности приключенія, не обращала вниманія на это знакомство, а миссъ Нипперъ, съ своей стороны, была очень рада такимъ встрѣчамъ: она читала въ глазахъ юноши необыкновенное выраженіе добродушія, и была увѣрена, что у него превосходное сердце.

Такимъ образомъ, Вальтеръ вмѣсто того, чтобы забывать, или терять изъ виду свое знакомство съ Флоренсой, время отъ времени еще болѣе сближался съ нею. Удивительное начало этого знакомства и другія маленькія подробности, придавшія ему отличительный романическій характеръ, были въ глазахъ его прекраснымъ матеріаломъ для фантастическихъ картинъ, на которыхъ, разумѣется, Флоренса всегда стояла на первомъ планѣ. "Но что изъ всего этого выйдетъ, – думалъ онъ? Ничего, рѣшительно ничего. Однако-жъ было бы не худо, если бы, тотчасъ же послѣ первой встрѣчи съ Флоренсой, я отправился куда-нибудь подальше, въ Индію, напримѣръ, и вступилъ бы въ службу на военномъ кораблѣ. Вотъ я дѣлаю чудеса храбрости, беру въ плѣнъ тысячи непріятелей, открываю неизвѣстные острова, обо мнѣ говорятъ въ парламентѣ, пишутъ въ журналахъ и газетахъ, и лѣтъ черезъ пять, много черезъ десять, Вальтеръ Гэй пріѣзжаетъ въ Лондонъ адмираломъ всѣхъ морскихъ флаговъ, или по крайней мѣрѣ капитаномъ перваго ранга, не менѣе. Флоренса будетъ тогда еще дѣвушкой – и Боже мой! какую чудною дѣвушкой будетъ Флоренса! – она увидитъ меня въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, въ блестящихъ эполетахъ, знаменитымъ и славнымъ, и – будь у м-ра Домби галстухъ еще выше, цѣпочка еще длиннѣе, я оттягаю у него дочку, женюсь и торжественно повезу ее... куда я ее повезу? ну, да на какой-нибудь изъ открытыхъ мною острововъ". Вальтеръ шель, по обыкновенію, очень скоро, когда строилъ эти воздушные замки. Но всѣ эти мечты разбивались въ дребезги о мѣдную доску конторы Домби и Сына, и когда капитанъ Куттль съ дядей Соломономъ затягивали свою вѣчную пѣсню о Ричардѣ Виттингтонѣ и капитанской дочкѣ, онъ болѣе чѣмъ когда-либо понималъ свое скромное положеніе въ купеческой конторѣ. Время тянулось день за днемъ, и Вальтеръ продолжалъ со всѣмъ усердіемъ и добросовѣстностью исполнять свою прозаическую должность, находя единственный отдыхъ въ построеніи великолѣпныхъ фантастическихъ замковъ, передъ которыми мечты Соломона и капитана Куттля были не болѣе, какъ скромными домиками. Въ пипчинскій періодъ онъ возмужалъ, но весьма немного, и, собственно говоря, все еще былъ такимъ же простодушнымъ и вѣтреннымъ мальчикомъ, какимъ читатель встрѣтилъ его въ первый разъ со свѣчей въ рукахъ на темной лѣстницѣ въ погребѣ, когда дядя Соломонъ отыскивалъ завѣтную мадеру.

– Что съ тобой, дядя Соль? – сказалъ однажды Вальтеръ, всматриваясь съ озабоченнымъ видомъ въ печальное лицо мастера всѣхъ морскихъ инструментовъ, – ты сегодня ничего не ѣлъ и, кажется, твое здоровье очень разстроилось. Не сходить ли за докторомъ, дядюшка?

. – Докторъ не поможетъ, мой милый, – отвѣчалъ дядя Соль, – не сыскать ему для меня...

– Чего, дядюшка? покупателей?

– Да, да, – возразилъ Соломонъ съ глубокимъ вздохомъ, – покупатели пригодились бы.

– Ахъ, ты, Господи, твоя воля! – вскричалъ Вальтеръ, опрокидывая блюдо съ супомъ, и ударяя рукою по столу, – когда я вижу всѣхъ этихъ зѣвакъ, что каждый день цѣлыми дюжинами снуютъ передъ нашими окнами, меня такъ и забираетъ охота притащить кого-нибудь за шиворотъ въ магазинъ и заставить дружка отсчитать тысячи полторы чистоганомъ за свою покупку. Ну, чего ты смотришь, болванъ, – продолжалъ Вальтеръ, обращаясь къ старому джентльмену съ напудренной головой, такъ, разумѣется, чтобы тотъ не слышалъ. – Выпучилъ глаза на телескопъ, да и стоитъ себѣ. Экая штука! Ты войди-ка любезный, да купи, а глаза-то, пожалуй, я за тебя выпучу.

Но старый джентльмень, удовлетворивъ любопытство, тихонько поплелся отъ магазина.

– Ушелъ, – сказалъ Вальтеръ, – ушелъ, болванъ! Вотъ тутъ и над#йся на нихъ! Да только вотъ что, дядя... эй, послушай, дядюшка! – прибавилъ Вальтеръ, видя, что старикъ закручинился и не обращаетъ на него вниманія – унывать никакъ не должно, р#шительно не должно. Что д#латъ? Посидимъ у моря и подождемъ погоды. Ужъ если придутъ заказы, такъ придется ихъ такая пропасть, что теб# ихъ въ в#къ не перед#латъ.

– Да, мн# ихъ точно не перед#латъ, мой другъ, – съ горестью возразилъ Соломонъ, – заказы придутъ, когда меня не будетъ въ этой лавк#.

– Да не тужи, сд#лай милость, говорю я теб#, – ну что толку, если станешь все хандрить. Эхъ ты, дядя Соль! Н#тъ заказовъ, такъ и чортъ съ ними!

Соломонъ старался принять веселый видъ, и улыбнулся, какъ могъ, взглянувъ черезъ столъ на своего племянника.

– В#дъ особеннаго ничего не случилось. Не такъ ли, дядя Соль? – продолжалъ Вальтеръ, облакачиваясь на чайный подносъ и нагибаясь къ старику, чтобы вызвать его на объясненіе, – будь откровененъ со мной, дядюшка, не скрывай ничего, если сохрани Богъ встр#гилась какая-нибудь неприятность.

– Н#тъ, н#тъ, н#тъ, – скороговоркой отв#чалъ Соломонъ, – все идетъ, какъ шло, ничего особеннаго, право, ничего! Встр#гилась неприятность, говоришь ты: какая же неприятность?

Вальтеръ съ величайшей недов#рчивостью покачалъ головою.

– Поди ты, толкуй съ нимъ! – сказалъ онъ, – я его спрашиваю, а онъ меня! Послушай, дядя: когда я вижу тебя въ этой хандр#, мн#, право, становится и жалко и досадно, что я съ тобой живу.

Старикъ Соль невольно открылъ глаза.

– Я не шучу, дядюшка. Н#тъ на св#т# челов#ка счастлив#е меня, когда я съ тобой, и при всемъ томъ опять таки повторяю: мн# теперь и жалко и досадно, что я живу зд#сь. Вижу по всему, у тебя есть что-то на душ#, а еще туда же вздумалъ притворяться. Эхъ, ты, дядя Соломонъ!

– Что д#латъ, мой милый? По временамъ, ты знаешь, я бываю очень скученъ, должно, какъ и вс# старики.

– Знаешь ли, что я думаю? – продолжалъ Вальтеръ, потрепавъ старика по плечу, – если бы тутъ въ этой комнат# вм#сто меня сид#ла добренькая, тепленькая старушка, твоя жена, разум#ется, твоя кроткая, смиренная, ненаглядная сожительница, которая бы знала вс# твои привычки и обычаи, ты бы в#дъ не былъ въ такой хандр#, дядя Соломонъ! И разливала бы она чай, и припоминала бы теб# старину, и затынула бы подчасъ п#сенку про старинное житье-бытье... а? не такъ ли? Ну, а я что для тебя сд#лаю? Ты знаешь, я люблю тебя, но все же я только племянникъ, ни больше, ни меньше, да еще вдобавокъ в#трениый, легкомысленный мальчишка, которому нельзя и сказать о своемъ гор#. Ну вотъ я вижу ты хандришь, и почему знать? можетъ быть, ужасная тоска давить тебя; а какъ теб# помочь? какъ ут#шить тебя? какъ?... закричалъ Вальтеръ, со всего размаху ударивъ по столу, такъ что блюдо слет#ло на полъ и разбилось въ дребезги.

– Валли, добрый мой Валли! – сказалъ Соломонъ, – если бы въ этой комнат#, на этомъ самомъ м#ст# л#тъ за сорокъ съ небольшимъ сид#ла, какъ ты говоришь, ненаглядная моя сожительница, я никогда бы не любилъ ее такъ, какъ тебя, милое дитя мое!

– Знаю, дядюшка, – возразилъ Вальтеръ, – очень хорошо; но жен# ты открылъ бы вс# свои секреты, потому что она ум#ла бы облегчить твою тоску; а я ничего, р#шительно ничего не придумаю, хоть бы разmozжить себ# голову.

– Н#тъ, н#тъ, – сказалъ Соломонъ, – что за секреты? у меня н#тъ отъ тебя никакихъ секретовъ!

– Ну, такъ въ чемъ же д#ло, дядюшка? говори, рассказывай. Ну!

Соломонъ Гильсъ еще разъ съ отчаяннымъ упрямствомъ началъ ув#рять, что ничего особеннаго не случилось. Вальтеръ, скр#пивъ сердце, притворился уб#жденнымъ.

– Однако-жь, дядя Соль, если сверхъ чаянія...

– Да говорю теб#, что ничего н#тъ, р#шительно ничего.

– Очень хорошо, – сказалъ Вальтеръ, – перестанемъ же толковать объ этомъ; мн# пора въ контору. Часа черезъ два я какъ-нибудь увернусь оттуда, и понав#даюсь, что ты станешь д#лать. Только смотри, дядя Соль, если я узнаю, что ты меня обмануль, такъ ужъ прошу не прогн#ваться: впередъ не пов#рю теб# ни на волосъ, и ужъ никогда ничего не буду говорить теб# о Каркер# младшемъ. Помни это, дядюшка Соломонъ!

Соломонъ Гильсъ, въ знакъ согласія, улыбнулся и махнулъ рукой. Вальтеръ, перебирая въ голов# вс# возможныя, или правильн#е, невозможныя средства къ обогащенію, поб#жалъ въ контору Домби и Сына съ озабоченнымъ видомъ и въ крайне невеселомъ расположеніи духа.

Въ это время недалеко отъ Сити, на углу Архіерейской улицы, жилъ присяжный маклеръ и оц#нщикъ, производившій торговлю подержанной мебелью, которая, какъ водится въ такихъ случаяхъ, разбросана была въ самомъ поэтическомъ беспорядк# по вс#мъ направленіямъ обширной лавки. Дюжины стульевъ приц#плены были къ умывальникамъ, которые сами съ большимъ трудомъ держались за плечи буфетовъ, а буфеты, въ свою очередь, стояли на об#денныхъ столахъ. Все это кувыркалось и тарачилось въ разныя стороны съ удивительнымъ эффектомъ. Немного подальше на брачной постели, утвержденной на четырехъ столбахъ, дружелюбно красовались блюда, тарелки, стаканы, рюмки, бокалы, графины и другія принадлежности богатаго пира вм#ст# съ полдюжиной кочергъ и бальной лампой, готовой пролить н#жн#йшій св#тъ любви и братской дружбы на всю веселую компанію. Рядъ оконныхъ гардинъ и великол#пныхъ сторъ, насильственно разлученныхъ съ своими окнами, пріятн#йшимъ образомъ драпировали баррикаду комодовъ, нагруженныхъ маленькими кружками изъ москательныхъ лавокъ, между т#мъ какъ бездомный коврикъ, отторженный жестокой рукой отъ привычнаго паркета и пресл#дуемый въ своемъ несчастьи пронзительнымъ восточнымъ в#громъ, вздрагивалъ и свертывался въ глубочайшую меланхолію, и, казалось, изъявлялъ душевную симпатію къ раздражительнымъ жалобамъ фортепьяна, терявшаго каждый день по одной струн#, которая передъ посл#днимъ издыханіемъ стонала и выла отъ мучительныхъ предсмертныхъ страданій. Къ довершенію эффекта, м-ръ Брогли накопилъ въ своей лавк# ц#лую коллекцію ст#нныхъ часовъ различной ц#нности и доброты, но вообще съ в#рн#йшимъ ходомъ, хотя теперь ихъ стр#лки остановились, по видимому, на в#чныя времена вм#ст# съ финансовыми обстоятельствами своихъ прежнихъ хозяевъ, потерявшихъ за одно съ часами и свои дорогія зеркала, которыя теперь въ лавк# барышника безсов#стно отражали со вс#хъ сторонъ ихъ банкротство и разореніе.

Самъ м-ръ Брогли былъ мокроглазый, розолицый, жестковолосый, весьма дюжій мужчина, над#ленный отъ природы значительнымъ запасомъ расторопности и см#ливости, столь необходимыхъ при его гуманическихъ занятіяхъ. Какъ Марій на развалинахъ Кар#агена, возс#далъ онъ на развалинахъ чужого счастья, очень веселый и довольный судьбой, неизм#нно къ нему благосклонной во вс#хъ начинаніяхъ и предпріятіяхъ. По временамъ онъ заглядывалъ въ лавку Соломона понав#даться насчетъ д#лишекъ многоуважаемаго мастера вс#хъ морскихъ инструментовъ, и Вальтеръ вообще зналъ его довольно, чтобы раскланиваться съ нимъ при встр#ч# на улицахъ. Знакомство съ маклеромъ самого Соломона Гильса тоже не простиралось дал#е этой шапочной дружбы, и потому Вальтеръ былъ очень изумленъ, когда, в#рный своему общанію, заб#жалъ изъ конторы въ лавку и увид#лъ м-ра Брогли; глубокомысленно сидящаго въ гостиной съ руками въ карманахъ.

– Здравствуй, дядя Соль! – сказалъ Вальтеръ, – какъ ты теперь себя чувствуешь?

Старикъ неподвижно сидѣлъ на противоположной сторонѣ стола съ очками на глазахъ (а не на лбу, какъ обыкновенно) и въ глубокомъ раздумьи. При входѣ племянника, онъ поднялъ голову и безмолвно указалъ на маклера. Вальтеръ оторопѣлъ.

– У васъ дѣла съ моимъ дядей, сэръ? – спросилъ онъ, едва переводя духъ.

– Не безпокойтесь, важнаго ничего нѣтъ, – отвѣчалъ м-ръ Брогли.

Вальтеръ въ безмолвномъ изумленіи смотрѣлъ на маклера и на дядю.

– Вотъ видите ли, – сказала м-ръ Брогли, – за вашимъ дядюшкой небольшою должкою, триста семьдесятъ фунтовъ стерлинговъ съ небольшимъ. Срокъ-то, знаете, прошелъ, и у меня документецъ. Надо съ вашего позволенія вступить во владѣніе.

– Во владѣніе! – вскричалъ Вальтеръ, поводя глазами вокругъ комнаты,

– Да, – сказалъ м-ръ Брогли вкрадчивымъ голосомъ, бросая дружелюбные взоры, – вы не безпокойтесь, пожалуйста. Мы сдѣлаемъ теперь опись этимъ вещицамъ, и больше ничего; сами сдѣлаемъ, полюбовно и безъ шума. Вы видите, я пришелъ безъ полиціи – зачѣмъ намъ полиція? обойдемся и безъ нея. Вы меня знаете.

– Ахъ, дядюшка! – пролепеталъ Вальтеръ.

– Милый Валли! – сказалъ дядя, – первый разъ Богъ послалъ на меня такое несчастье, а я уже стартъ и всю жизнь прожилъ честно.

Съ этими словами онъ сбросилъ очки, потому что бесполезно было скрывать свое волненіе, закрылъ рукой глаза и заплакалъ навзрыдъ, проливая слезы на свой кофейный жилетъ. Вальтеръ, въ свою очередь, первый разъ въ жизни увидѣлъ ужасающую картину рыдающаго старика. Онъ оцпенѣлъ и долго не могъ произнести ни одного слова.

– Дядюшка, милый дядюшка! – проговорилъ онъ, наконецъ. – Не плачь, о, Бога ради, не плачь! успокойся! – м-ръ Брогли, что мнѣ дѣлать?

– Я бы совѣтовалъ вамъ, – сказала м-ръ Брогли, – приискать какого-нибудь пріятеля и переговорить съ нимъ.

– Именно такъ! – вскричалъ Вальтеръ, ухватившись за эту мысль, какъ за послѣднюю надежду, – благодарю васъ, сэръ. Дядюшка, я сію минуту побѣгу къ капитану Куттлю и мигомъ ворочусь назадъ. А вы, г. маклеръ, поберегите старика, сдѣлайте милость; утѣшите его, какъ можете. Не отчаивайся, дядюшка! Богъ дастъ, все сойдетъ съ рукъ.

Съ этими словами Вальтеръ, не слушая больше старика, опрометью бросился изъ комнаты и, забѣжавъ на минуту въ контору извиниться, подъ предлогомъ внезапной дядиной болѣзни, помчался во всю прыть къ жилищу капитана Куттля.

Всѣ предметы въ глазахъ его приняли иной видъ, когда онъ бѣжалъ по шумнымъ улицамъ города. Телѣги, омнибусы, дороги, кареты, дилижансы, пешеходы, – все это двигалось, толкалось, шумѣло, какъ и всегда; но бѣда, обрушившаяся на деревяннаго мичмана, представляла эти предметы въ какомъ-то странномъ и новомъ свѣтѣ. Дома и магазины были вовсе не то, что прежде, и Вальтеръ читалъ на стѣнахъ огромныя буквы маклерскаго документа. М-ръ Брогли угораздился со своимъ обвинительнымъ актомъ взгромоздиться на самыя церкви, потому-что главы ихъ поднимались къ облакамъ съ какимъ-то необыкновеннымъ видомъ. Самый горизонтъ удивительно измѣнился, не отъ облаковъ, разумѣется, а вслѣдствіе судебной описи имущества въ магазинѣ мастера всѣхъ морскихъ инструментовъ.

Капитанъ Куттль жилъ на краю небольшого канала, подлѣ индійскихъ доковъ, гдѣ находился подъемный мостъ, открывавшійся по временамъ для проведенія кораблей и барокъ съ различнымъ грузомъ. Постепенный переходъ отъ земли къ водѣ, по мѣрѣ приближенія къ резиденціи капитана Куттля, былъ довольно любопытенъ. Перспектива начиналась разноцвѣтными трактирными флагами, за которыми непосредственно слѣдовали платяныя лавки съ матросскими рубахами, куртками, шляпами, парусинными панталонами. Немного подальше выставлялись кузницы, гдѣ неутомимый громадный молотокъ отъ утра до ночи колотилъ раскаленное желѣзо, выдѣлывая якоря и цѣпные канаты. Затѣмъ слѣдовалъ

рядъ домовъ съ флюгеромъ надъ мачтами и выв#сками, возв#щавшими о продаж# турецкихъ бобовъ, зат#мъ канавы, зат#мъ мельницы, зат#мъ опять канавы, а зат#мъ невообразимыя скопища грязной воды, запруженной кораблями. Потомъ въ воздух# распространилось благоуханіе отъ сырыхъ щепокъ, и всякое торговое движеніе поглощалось мачтами, веслами, д#ланіемъ блоковъ, стройкою лодокъ. Потомъ, почва становилась болотистою и почти непроходимою. Потомъ, обоняніе уже исключительно наслаждалось запахомъ рому и сахару. Потомъ, прямо передъ вашими глазами, во всей красот# открывалась резиденція капитана Куттля, вм#ст# бельэтажъ и нижній этажъ.

Капитанъ принадлежалъ къ разряду т#хъ в#чнонеизм#нныхъ, какъ-будто выстроганныхъ изъ дерева мужчинъ, которыхъ при самомъ пылкомъ воображеніи невозможно представлять себ# отд#льно безъ какой-нибудь частицы въ ихъ обыкновенномъ костюм#. Когда Вальтеръ постучался у дверей, капитанъ выставилъ изъ окошка голову и закричалъ: "Здорово, любезный!". На немъ была вылощенная клеенчатая шляпа и всегдашній синій балахонъ, изъ подъ котораго, на подобіе паруса, выставлялись толстые высокіе воротники его рубашки. Все, какъ обыкновенно. Въ этомъ костюм# Вальтеръ, между милліонами разнообразныхъ фигуръ, мигомъ различилъ бы капитана Куттля, какъ р#дкую заморскую птицу, у которой всегда одинаковыя перья.

– Послушай-ка, Валли, – сказалъ капитанъ Куттль, – ты постучись еще, и погоди немножко. Сегодня, сегодня, видишь ты, моютъ б#лье. Стукни хорошенько.

И нетерп#ливый юноша стукнулъ такъ, какъ, в#роятно, еще никто не стучался въ скромную дверь капитанской квартиры.

– Это уже черезчуръ! – сказалъ Куттль, и тотчасъ же спряталъ голову, какъ будто ожидалъ бури...

Ожиданіе основательное. Черезъ минуту въ судорожномъ волненіи приб#жала къ дверямъ степенная вдовица съ рукавами, засученными по плечи, вся въ мыльной п#н# и съ передникомъ, забрызганнымъ горячей водой. Не обращая вниманія на Вальтера, она огляд#ла сперва дверной молотокъ, и потомъ, осматривая юношу съ ногъ до головы, проговорила, что не надивится, какъ молотокъ еще ц#ль.

– Капитанъ Куттль у себя, – сказалъ Вальтеръ съ примирительной улыбкой, – я его вид#ль.

– Право? – возразила интересная вдовица, – вы его вид#ли?

– Я даже говорилъ съ нимъ, – сказалъ Вальтеръ, торопясь объясненіемъ.

– Даже говорили съ нимъ – возразила вдовица. – Вотъ какъ! Потрудитесь же засвид#тельствовать капитану почтеніе отъ м-съ Макъ Стингеръ и скажите, что если ему угодно разговаривать съ гостями изъ окошка, такъ я покорн#йше прошу его вперёдъ самому отворять двери.

М-съ Макъ Стингеръ говорила громко и вслушивалась, не будетъ ли какихъ зам#чаній или возраженій изъ ближайшаго окна.

– Исполню ваше порученіе, – сказалъ Вальтеръ, – только благоволите впустить меня, сударыня.

Входъ былъ загороженъ деревяннымъ запоромъ, и Вальтеръ не осм#ливался перескочить, изъ опасенія еще бол#е раздосадовать степенную вдовушку.

– Если вы, сударь, осм#лились разбивать дверь, – сказала м-съ Макъ Стингеръ гн#внымъ и пронзительнымъ тономъ, – вамъ ничего не стоитъ перепрыгнуть черезъ запоръ.

Вальтеръ принялъ эту выходку за позволеніе войти и немедленно перескочилъ. М-съ Макъ Стингеръ пришла въ величайшее негодованіе и разразилась страшнымъ вопросомъ: давно ли законы разр#шили оскорблять домъ свободной англичанки, и кто далъ позволеніе всякой сволочи врываться въ ея жилище? Но Вальтеръ уже не считалъ нужнымъ разр#шать эти недоум#нія, и, пробираясь по л#стниц# черезъ искусственный, туманъ, образовавшійся

отъ испареній щелоку и горячей воды, вб#жалъ въ комнату капитана Куттля и нашель этого джентльмена въ засад# передъ дверью.

– Никогда не былъ ей долженъ ни одной копейки, – проговорилъ тихонько капитанъ Куттль, – да еще сколько сд#лалъ добра и ей и д#тямъ! Лисица непутная!

– Я бы на вашемъ м#ст# перем#нилъ квартиру, – сказалъ Вальтеръ.

– Нельзя, нельзя, – возразилъ капитанъ, – она отыскала бы меня на дн# океана. – Садись, Вальтеръ. Какъ поживаетъ Соломонъ?

Капитанъ, не снимая шляпы, принялся за свой об#дъ, состоявшій изъ холодной баранины, бутылки портера и варенаго картофеля, который онъ обыкновенно приготавливалъ самъ на плит# въ большой кастрюл#, откуда, по м#р# надобности, вытаскивалъ, по одной штук#. Передъ об#домъ онъ отвинчивалъ свой жел#зный крюкъ, и вм#сто него прид#лывалъ къ черенку свой столовый ножикъ, которымъ теперь началъ лупить одну картофелину для Вальтера. Его комнаты, сильно пропитанныя табачнымъ запахомъ, были очень невелики, но довольно уютны, а порядокъ въ мебели былъ такого рода, какъ будто за полчаса передъ этимъ происходило землетрясеніе.

– Какъ поживаетъ Соломонъ? – спросилъ капитанъ.

При этомъ повторенномъ вопрос# Вальтеръ живо представилъ ц#ль своего пос#щенія и заплакалъ навзрыдь.

– Ахъ, капитанъ Куттль! – сказалъ онъ, едва переводя духъ.

Никакое перо не опишетъ ужаснаго испуга Куттля. Онъ бросилъ картофель, вилку, – бросилъ бы, разум#ется ножикъ, если бы могъ, – и съ неописаннымъ испугомъ смотр#ль на молодого чело#ка, какъ будто Вальтеръ принесъ ему в#сть о всеобщемъ разрушеніи Сити, какъ будто страшная бездна поглотила его стараго друга вм#ст# съ кофейнымъ камзоломъ, св#тлыми пуговицами, хронометромъ, очками, со вс#мъ магазиномъ.

Но когда Вальтеръ объяснилъ д#ло, Куттль, посл# минутнаго размышленія, вскочилъ со стула и заметался во вс# стороны съ необыкновенной торопливостью. Онъ открылъ комодъ, стащилъ съ верхней полки жестяную чайницу, и, высыпавъ оттуда весь запасъ наличныхъ денегъ – тринадцать фунтовъ стерлинговъ съ полкроной, положилъ ихъ въ огромный карманъ своего синяго сюртука, и потомъ въ это же влагище засунулъ вынутыя изъ шкапулки дв# чайныя ложки, серебрянныя щипчики и огромныя серебрянныя часы, которые напередъ осмотр#ль съ большимъ вниманіемъ, чтобы опред#лить ихъ настоящую ц#нность. Сд#лавъ вс# эти приготовления, онъ привинтилъ неизб#жный крюкъ къ правой рук#, схватилъ свою толстую сучковатую палку и попросилъ Вальтера идти.

Но, несмотря на чрезвычайную хлопотливость, капитанъ вспомнилъ, наконецъ, что м-сь Макъ Стингеръ, в#роятно, дожидается его внизу для н#которыхъ объясненій. Пораженный этой мыслью, онъ въ нер#шимости подошелъ къ отворенному окну и, казалось, разсуждалъ: не лучше ли прямо выпрыгнуть на мостовую, ч#мъ наткнуться въ дверяхъ на своего ужаснаго врага. Однако-жь, постоявъ немного, онъ выдумалъ весьма замысловатую хитрость.

– Послушай-ка, Валли, – сказалъ капитанъ, – ты ступай впередъ, мой другъ, и спускайся съ л#стницы, закричи погромче: "Прощайте, капитанъ Куттль!" да затвори дверь. Потомъ остановись на улиц# за угломъ и подожди меня. Я мигомъ выйду.

Усп#хъ этой страгемы основывался на предварительномъ изученіи неприятельской тактики. Когда Вальтеръ сходилъ съ л#стницы, м-сь Макъ Стингеръ д#йствительно невидимкой подкралась изъ кухни, но не видя, сверхъ ожиданія, своего жильца, удовольствовала намекомъ на неучтивый стукъ въ двери, и опять юркнула въ свою засаду.

Прошло минутъ пять, прежде, ч#мъ Куттль отважился на тайное б#гство, и Вальтеръ уже начиналъ выходить изъ терп#нія, не видя никакихъ признаковъ лошеной шляпы. Наконецъ, храбрый воинъ вдругъ, съ быстротой бомбы, выскочилъ изъ дверей, зашагалъ форси-

рованными маршемъ, и ни разу не оглидываясь назадъ, ободрился совершеннѣйшимъ образомъ, только когда подошелъ къ Вальтеру, и даже затянулъ какую-то пѣсню.

– Ну что, Валли, – спросилъ, наконецъ, капитанъ, когда они удалились на значительное разстояніе отъ квартиры, – дядя Соль, я думаю, того...

– Ахъ, если бы видѣли его нынѣшнимъ утромъ! – отвѣчалъ Вальтеръ. – Никогда мнѣ не забыть этой ужасной сцены. Я боюсь...

– Живѣй, Валли, живѣй! – возразилъ капитанъ, ускоряя шаги. – Всегда такъ поступай, дружокъ мой, и долготѣнь будешь на земли. Справься, какъ объ этомъ сказано въ Писаніи.

Капитанъ Куттль, слишкомъ занятый собственными мыслями о Соломонѣ Гильсѣ и, быть можетъ, нѣкоторыми размышленіями насчетъ послѣдняго бѣгства, не привелъ болѣе ни одной цитаты для улучшенія нравственности молодого Вальтера. Во всю дорогу они не обмѣнялись ни однимъ словцомъ, пока, наконецъ, подошли къ деревянному мичману, обозрѣвавшему, казалось, черезъ свой телескопъ весь горизонтъ въ надеждѣ отыскать друга-спасителя, который бы вывелъ его изъ напасти.

– Гильсъ! – вскричалъ капитанъ, поспѣшно вбѣжавъ въ комнату и нѣжно пожимая руку печальнаго друга, – держи голову прямо на вѣтеръ, и мы пойдёмъ на проломъ. Все, что могу сказать тебѣ, дружище, – продолжалъ капитанъ торжественнымъ тономъ, какъ философъ, которому удалось наконецъ привести въ ясность одно изъ главнѣйшихъ правилъ челоуческой мудрости, – такъ это одно: держи голову прямо противъ вѣтра, и мы полетимъ на проломъ.

Старикъ Соль, въ свою очередь, крѣпко пожалъ руку добраго пріятеля, и благодарилъ за совѣтъ.

Тогда капитанъ Куттль съ подобающей важностью выгрузилъ изъ кармана пару чайныхъ ложекъ, сахарные щипчики, серебряные часы и наличныя деньги. Положивъ все это на столъ, онъ съ гордымъ и самонадѣяннымъ видомъ обратился къ м-ру Брогли.

– Ну, что вы теперь скажете, господинъ маклеръ и присяжный оцѣнщикъ?

– Неужели вы серьезно думаете, сэръ, возразилъ маклеръ, – что весь этотъ хламъ теперь годится на что-нибудь?

– Почему же нѣтъ?

– Да потому, что вашъ почтенный другъ долженъ слишкомъ триста семьдесятъ фунтовъ стерлинговъ.

– Экая штука! – возразилъ капитанъ, струхнувъ порядкомъ при такомъ огромномъ счетѣ, – триста фунтовъ! Да вѣдь и это чего-нибудь стоитъ. Всякая рыба хороша, коль на уду пошла, говоритъ пословица.

– Есть еще пословица, капитанъ, получше этой, возразилъ присяжный оцѣнщикъ, – курица не птица, карась не рыба, олово не деньги.

Эта философія сразила наповаль капитана. Поглядѣвъ на страшнаго противника, какъ на Мефистофеля, онъ безмолвно прошелся по комнатѣ, и, махнувъ рукою, отозвалъ въ сторону мастера морскихъ инструментовъ.

– Гильсъ! – сказалъ капитанъ, – какъ это тебя угораздило попасть въ такой просакъ? Кто настоящій кредиторъ?

– Молчи, молчи! – возразилъ старикъ. – Пойдемъ сюда. Надо быть скромнѣе передъ Вальтеромъ. Это, видишь ты, поручительство за его отца, старинное поручительство. Я уже таки довольно выплатилъ, Недъ; но теперь пришли худыя времена, и силъ моихъ не хватаетъ. Сказать правду, я все это предвидѣлъ, да что прикажешь дѣлать? Ради Бога, ни слова передъ Вальтеромъ. Ни гу-гу?

– Да вѣдь у тебя, казалось, были деньжонки? – прошепталъ капитанъ.

– Ну да, да, – отв#чалъ старикъ Соль, опуская руки въ карманы и сдавливая свой вал-лійскій парикъ, какъ будто выжималъ оттуда золото, – я скопиль-таки малую толику, но изъ этой суммы, милый Недъ, нельзя взять ни полушки. Я, видишь ты, стар#ль и отсталъ отъ времени, а Вальтеру нужны деньги. В#дь ему не по міру идти, когда я умру. Н#тъ, объ этихъ деньгахъ ни полслова. Все равно, какъ бы ихъ и не было. Да у меня таки и н#тъ ихъ. Что я заврался, старый дуракъ? Гд# у меня деньги? гд#?

И онъ дико повелъ глазами вокругъ комнаты, какъ полоумный скряга, который совершенно забылъ, куда запряталъ свои деньги. Въ самомъ д#л#, капитанъ начиналъ думать, что пріятель его того и гляди пол#зетъ въ трубу или въ погребъ и вытащитъ оттуда н#сколько фунтовъ золота и серебра, но Соломонъ Гильсъ выдумалъ другую штуку.

– Я отсталъ отъ времени, любезный другъ, – скааль онъ, – далеко отсталъ. Поздно, да и не къ чему догонять его. Продамъ вс# вещи, выплачу долгъ, да и пойду куда-нибудь положить свои старья кости. Духъ мой ослаб#ль, силы меня остаили, и я чувствую, что начинаю выживать изъ ума. Лучше все покончить разомъ... и баста! Пусть его возьметъ инструменты, возьметъ и его, – съ усиліемъ проговорилъ старикъ, указывая на деревяннаго мичмана, – видно, прошли наши красные дни. А и то сказать, пожили довольно; пора костямъ на м#сто.

– Полно, дружище, полно! – сказалъ капитанъ, – На кого-жъ ты Вальтера-то оставишь? забылъ? Посиди тутъ, Соломонъ, а я за тебя подумаю... Ахъ, чортъ побери, не сталъ бы я долго думать, если бы пансіонъ былъ побольше. Д#ло вотъ въ чемъ, скажу я теб#: держи голову прямо на в#теръ, и все пойдетъ, какъ по маслу.

Старикъ Соль поблагодарилъ его отъ всего сердца и прислонился головой къ камину.

Капитанъ Куттль скорымъ шагомъ и съ самымъ р#шительнымъ видомъ началъ маршировать по комнат#, опустивъ густыя брови до самаго носа и заложивъ л#вую руку назадъ. Вальтеръ притаилъ дыханіе и не см#ль пошевелиться, изъ опасенія остановить потокъ глубокихъ размышлений. Напротивъ, м-ръ Брогли, не считая нужнымъ церемониться съ почтенной компаніею, преспокойно разгуливалъ по вс#мъ направлєніямъ магазина, и, насвистывая какую-то веселую мелодію, заглядывалъ въ телескопы, барометры, ощупывалъ компасы, магнитныя стр#лки, и вообще старался показать видъ челов#ка, въ совершенств# знакомаго съ устройствомъ и употребленіемъ вс#хъ этихъ инструментовъ,

– Валли! – воскликнулъ, наконецъ, Куттль, – теперь я знаю, что д#лать.

– Неужели? – вскричалъ Вальтеръ съ величайшимъ одушевленіемъ.

– Поди-ка сюда, любезный, – продолжалъ капитанъ. – Магазины одно обезпеченіе; мои вещи – другое. Твой адмиралъ дастъ намъ денегъ.

– Кто, м-ръ Домби? – спросилъ Вальтеръ, побл#дн#въ, какъ полотно.

Капитанъ съ важностью кивнулъ головой, и, указывая на Соломона Гильса, продолжалъ:

– Взгляни-ка на него, любезный; пристальн#е взгляни. На немъ лица н#тъ. Если продать вс# эти вещи, онъ умеръ непрем#нно – я его знаю. Мы должны перепробовать вс# средства и, теперь теб# надо ухватиться...

– За м-ра Домби! Ахъ, Боже мой! – воскликнулъ Вальтеръ.

– Ты прежде всего сб#гай въ контору, и справься, тамъ ли онъ, – сказалъ капитанъ, толкая въ спину озадаченнаго юношу. – Жив#й!

Взглядъ на дядю окончательно уб#дилъ молодого челов#ка въ необходимости сл#пого повиновенія капитанской команд#. Онъ поб#жалъ со вс#хъ ногъ, и чрезъ н#сколько минутъ воротился съ печальнымъ изв#стіемъ, что м-ра Домби н#тъ ни дома, ни въ контор#. Была суббота, и онъ у#халъ въ Брайтонъ.

– Вот что, Валли! – сказал капитанъ, по-видимому, приготовившій себя къ этому извѣстію. – Мы поѣдемъ въ Брайтонъ. Я самъ провожу, и, если нужно, представлю тебя твоему адмиралу. Мы поѣдемъ послѣ обѣда въ первомъ дилижансѣ.

При всемъ уваженіи къ личнымъ достоинствамъ капитана Куттля, Вальтеръ видѣлъ на этотъ разъ настоящую необходимость отказаться отъ его обязательныхъ услугъ, думая, не безъ основанія, что м-ръ Домби, грозный и страшный Домби, не могъ придать большого вѣса рекомендаціи добраго моряка. Тѣмъ не менѣе, молодой человѣкъ удержался отъ всякаго намека на неумѣстность такой выходки, потому что самъ капитанъ былъ о себѣ совершенно противныхъ мыслей и, вѣроятно, счелъ бы непростительной дерзостью, если бы молокососъ въ настоящемъ случаѣ вздумалъ ему указывать. Простившись на скорую руку съ Соломономъ Гильсомъ, капитанъ Куттль опять сложилъ въ свой карманъ наличныя деньги, ложечки, щипчики и серебряныя часы – съ очевиднымъ намѣреніемъ, какъ съ ужасомъ думалъ Вальтеръ, произвести этими вещицами оглушительное впечатлѣніе на м-ра Домби – и немедленно побѣжалъ къ дилижансу, безпрестанно повторяя на дорогѣ, что онъ ни на минуту не покинетъ своего Валли.

Глава X

Послѣдствія бѣды съ деревяннымъ мичманомъ

Часто и долго съ безпримѣрнымъ усердіемъ майоръ Багстокъ производилъ на Княгининомъ Лугу наблюденія надъ маленькимъ Павломъ черезъ свою д_в_у_х_с_т_в_о_л_ь_н_у_ю т_р_у_б_у. Коренной туземецъ, вступившій для этой цѣли въ дружескія сношенія съ горничной миссъ Токсъ, доставлялъ своему барину ежедневные, еженедѣльные и ежемѣсячные рапорты относительно разныхъ разностей, происходившихъ въ скромномъ жилищѣ спсивой сосѣдки. Плодомъ всѣхъ этихъ разысканій было твердое намѣреніе познакомиться съ м-ромъ Домби, и ужь, конечно, старичина Джой, если нужно, могъ завязать знакомство съ самимъ чортомъ.

Миссъ Токсъ постоянно держала себя весьма осторожно и холодно уклонялась отъ всякихъ объясненій, когда храбрый воинъ съ обыкновеннымъ лукавствомъ намекалъ ей о своемъ планѣ. Несмотря, однако-жъ на врожденную хитрость и чудную изобрѣтательность, онъ не видѣлъ никакихъ средствъ привести въ исполненіе коварный замыселъ, и рѣшился нѣкоторымъ образомъ оставить его на произволь случая, который, какъ говорилъ майоръ въ клубѣ, былъ покорнѣйшимъ слугою старикашки Джоза съ той поры, какъ старшій братъ его умеръ въ Вестъ-Индіи отъ желтой горячки.

Дѣйствительно, п_о_к_о_р_н_ы_й_с_л_у_г_а хотя нескоро, но и на этотъ разъ не измѣнилъ своему господину. Когда коренной туземецъ въ одно прекрасное утро отпраповалъ, что миссъ Токсъ отлучилась въ Брайтонъ по дѣламъ м-ра Домби, душой майора внезапно овладѣло нѣжнѣйшее воспоминаніе о закадычномъ другѣ Билѣ Байтерстонѣ, который письмомъ изъ Бенгаліи просилъ навѣщать по временамъ его единственного сына въ Брайтонѣ. Когда черный герольдъ возвѣстилъ, что Павелъ проживаетъ съ сестрой у м-съ Пипчинъ, майоръ увидѣлъ безподобный случай войти въ пріятельскія сношенія со всей фамиліей богатаго негоціанта, и тутъ же обратилъ отеческій взоръ на байтерстоново письмо, о которомъ прежде ни разу не подумалъ; но, къ несчастью, въ эту самую минуту, сверхъ всякаго ожиданія, съ нимъ сдѣлался ужасный подагрическій пароксизмъ, и онъ пришелъ въ такое яростное бѣшенство, что схватилъ подножную скамейку и со всего размаху пустилъ ее въ бѣднаго туземца, угрожая убить бездѣльника, если впередъ онъ будетъ столько же неисправенъ, хотя, собственно говоря, на этотъ разъ онъ заслуживалъ щедрой награды за вѣрнѣйшую службу.

Въ первую же субботу майоръ Багстокъ, освобожденный отъ подагры, летѣлъ въ Брайтонъ въ сопровожденіи кореннаго туземца. Во всю дорогу онъ безъ умолку толковалъ самъ съ собою о миссъ Токсъ, и заранѣе поздравлялъ себя съ побѣдой надъ знаменитымъ другомъ, изъ-за котораго его оставили и которому миссъ Токсъ придавала столько таинственности.

– Что, сударыня, много взяли, много? – говорилъ майоръ, надуваясь изо всѣхъ силъ, для выраженія удовлетворенной мести. – Вы хотѣли дать отставку старичинѣ Джою: не удастся вамъ, матушка, не удастся. Старикашка Джозъ еще живъ, сударыня, живъ онъ, чортъ побери, и держать ухо востро. Вамъ не провести его, сударыня. Старина Джой смотритъ во всѣ глаза, и теперь-то вы узнаете, теперь-то увидите, какова у него грудь, каково у него сердце. Жестокъ онъ, матушка, ой, ой, какъ жестокъ старичина Джозефъ. Да-съ, жестокъ и чертовски хитеръ.

И дѣйствительно, молодой Байтерстонъ нашелъ майора чрезвычайно жестокимъ, когда тотъ, по пріздѣ въ Брайтонъ вывелъ его на прогулку. Онъ держалъ вверхъ и внизъ свое лицо, очень похожее на стильтонскій сыръ, выпучивалъ немилосерднымъ образомъ свои раковые глаза и, казалось, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на молодого Байтерстона. Было ясно, что онъ отыскивалъ м-ра Домби съ его дѣтьми.

Получивъ на этотъ счетъ предварительныя свѣдѣнія отъ м-съ Пипчинъ, майоръ скоро завидѣлъ вдали Павла и Флоренсу съ величавымъ джентльменомъ, въ которомъ, разумѣется,

не трудно было угадать ихъ отца. Онъ полет#ль къ нимъ на вс#хъ парусахъ и втокнулъ молодого Байтерстона въ самую середину маленькой эскадры, такъ, что б#дный мученикъ м-съ Пипчинъ поневол# долженъ былъ вступить въ разговоръ съ своими товарищами. Майоръ остановился, и любясь на д#тей, съ изумленіемъ припомнилъ, что онъ, кажется, им#ль удовольствие ихъ вид#ть и говорить съ ними на Княгининомъ Лугу у своей добр#йшей сос#дки миссъ Токсъ. При этомъ онъ очень кстати зам#тилъ, что Павелъ чертовски умный мальчикъ и спросилъ, помнитъ ли онъ своего стараго друга, Джозъ Багстока, майора; но не дожидаясь отв#та, тотчасъ же обратился къ м-ру Домби.

– Мн# бы надобно прежде всего вамъ засвид#тельствовать мое глубокое почтеніе, сэръ, но что же прикажете д#лать? мой маленькій другъ д#лаеть изъ меня настоящаго ребенка. Старый солдатъ, сэръ, майоръ Багстокъ, къ вашимъ услугамъ, не стыдится въ этомъ признаться, особенно передъ вами, сэръ, счастлив#йшимъ изъ отцовъ.

Зд#сь майоръ снялъ шляпу и отв#силъ низкій поклонъ.

– Чертъ меня побери, – вскричалъ онъ потомъ съ величайшимъ воодушевленіемъ, – я завидую вамъ, сэръ, чрезвычайно завидую. – Тутъ онъ какъ-будто одумался и прибавилъ: – извините стараго солдата за вольное обращеніе.

М-ръ Домби просилъ не беспокоиться.

– Старый служака, сэръ, – продолжалъ майоръ, – окуренный дымомъ, закаленный въ бою, обожженный солнцемъ, избитый временемъ, дряхлый инвалидный песъ, майоръ Багстокъ, сэръ, см#еть над#яться, что его не осудитъ такой почтенный, именитый мужъ, какъ м-ръ Домби. Я, конечно, им#ю счастье говорить съ мромъ Домби?

– Точно такъ. Им#ю честь рекомендоваться недостойнымъ представителемъ этой фамиліи, господинъ майоръ, – смиренно отв#чалъ м-ръ Домби.

– Фамилія, охъ, какая фамилія! – сказалъ майоръ, – Домби – именитые люди во всей Англіи! Это, сэръ, скажу я вамъ, такая фамилія, которую знаютъ и съ почтеніемъ приносятъ во вс#хъ англійскихъ колоніяхъ. Да, сэръ, Домби – именитые люди: это берусь я вамъ доказать письменно, даже печатно, коль хотите. О, сэръ, у меня бойкое перо: я все докажу. Фамилія Домби – великая фамилія, которую должно произносить не иначе какъ съ уваженіемъ и гордостью. Джозефъ Багстокъ не льститъ, сэръ, да и не ум#еть льстить. Его королевское высочество герцогъ йоркскій не разъ изволилъ говорить, что майоръ Джозъ прямой члов#къ, никогда не льститъ и при всякомъ случа# говорить правду. Да, сэръ, истина для меня дороже всего; за истину я пойду въ огонь и въ воду. Домби! Доммби! Это, скажу я вамъ, именитые люди, убей меня Богъ, именитые люди древн#йшаго рода! – заключилъ майоръ самымъ торжественнымъ тономъ.

– Вы слишкомъ добры, г. майоръ, – возразилъ м-ръ Домби, – наша фамилія, быть можетъ, не заслуживаетъ такой высокой чести.

– Н#тъ, сэръ, – сказалъ майоръ – вотъ и маленькій мой другъ засвид#тельствуетъ, что майоръ Багстокъ прямой члов#къ, старый козырь, сэръ, который всегда и везд# р#жетъ правду-матку. Этотъ мальчикъ сэръ, – сказалъ майоръ тихимъ голосомъ, – будетъ жить въ исторіи. Мальчикъ этотъ, скажу я вамъ, необыкновенное произведеніе. Берегите его, м-ръ Домби, какъ з#ницу ока.

М-ръ Домби намекнулъ, что понимаетъ свои обязанности въ отношеніи къ сыну.

– А вотъ, сэръ, – продолжалъ майоръ дов#рчивымъ тономъ, толкая палкой молодого Байтерстона, – рекомендую вамъ этого мальчишку. Сынъ Байтерстона изъ Бенгаліи. Я и отецъ его были закадычными друзьями. Служили въ одномъ полку. Куда бы вы ни пошли, сэръ, вамъ везд# прожужжали бы уши о Бил# Байтерстон# и Джо# Багсток#. А взгляните-ка на него, сэръ: в#дь дуракъ, пошлый дуракъ! Вы думаете, я не вижу его недостатковъ? Помилуй Богъ!

М-ръ Домби взглянул на оклеветанного Байтерстона, о котором, по-крайней м#р#, онъ зналъ столько же, сколько и самъ майоръ, вид#вший его въ первый разъ, и воскликнулъ ласковымъ тономъ:

– Неужто?

– Я вамъ говорю, – подтвердилъ майоръ, – онъ набитый дуракъ. Джозефъ Багстокъ, сэръ не былъ никогда ни подлымъ льстецомъ, ни подл#йшимъ порицателемъ беззащитныхъ людей. Сынъ моего стараго друга Биля Байтерстона изъ Бенгаліи, скажу я вамъ, дуракъ отъ природы, сэръ.

Зат#мъ майоръ захохоталъ изо всей мочи, такъ что лицо его почерн#ло.

– Мой маленькій другъ, – спросилъ онъ потомъ, – конечно, назначенъ для публичной школы?

– Я еще не р#шился, – отв#чалъ м-ръ Домби, – впрочемъ, не думаю: у него здоровье слишкомъ слабое.

– Это другое д#ло, – сказалъ майоръ, – если онъ слабъ здоровьемъ, такъ нечего и толковать о публичныхъ школахъ. Вы правы, сэръ. Для учебныхъ заведеній нужно жел#зное здоровье, свинцовая грудь. Тамъ, скажу я вамъ, безъ всякой жалости мучать б#дныхъ д#тей. Бывало, насъ жарили на медленномъ огн# и выв#шивали вверхъ ногами изъ оконъ третьяго этажа. Джой Багстокъ прошелъ сквозь огонь и воду: все знаетъ, все испыталъ. Бывало, его возьмутъ за каблуки, да и стянутъ изъ окошка: висить, б#дняга, минутъ тринадцать, даже больше!

Въ подтвержденіе этихъ словъ майоръ Багстокъ очень кстати могъ бы сослаться на свое совершенно синее лицо.

– Зато и вышли изъ насъ молодцы, – продолжалъ майоръ, поправляя галстухъ и воротники своей рубашки, – мы, что называется, вс# какъ-будто выд#ланы были изъ жел#за и ковали насъ безъ всякаго милосердія. Вы надолго останетесь зд#сь, м-ръ Домби?

– Я, по обыкновенію, прі#зжаю сюда одинъ разъ въ нед#лю, – отв#чалъ м-ръ Домби, – и останавливаюсь въ гостиниц# "Бедфордъ".

– Мн# будетъ очень пріятно зайти въ Бедфордъ, если позволите, сэръ, – сказалъ майоръ, – старичина Джой вообще не любитъ навязываться на знакомства; но ваше имя, м-ръ Домби, не то, что какое-нибудь имя. Я крайне одолженъ моему маленькому другу, что им#ль счастье удостоиться вашего вниманія.

М-ръ Домби благоволилъ дать совершенно удовлетворительный отв#тъ. Майоръ Багстокъ погладилъ Павла по головк# и сказалъ Флоренс#, что ея глазки скоро станутъ сводить съ ума мдлодыхъ людей и даже стариковъ, если дойдетъ до того д#ло, прибавилъ онъ, ухмыляясь наилюбезн#шимъ образомъ. Потомъ, поднявъ голову вверхъ, старичина Джой толкнулъ молодого Байтерстона и поб#жалъ съ этимъ джентльменомъ легкой рысцой, прикашливая и подпрыгивая съ отм#ннымъ достоинствомъ, какъ челов#къ, который знаетъ, что не ударилъ лицомъ въ грязь.

В#рный своему об#щанію, майоръ не замедлилъ явиться къ м-ру Домби; а м-ръ Домби, проб#жавъ напередъ списокъ военныхъ офицеровъ, не замедлилъ сд#лать визитъ майору. Потомъ майоръ нав#стилъ м-ра Домби въ его лондонскомъ дом# и въ сл#дующую субботу им#ль удовольствіе отправиться съ нимъ въ Брайтонъ въ одной карет#. Словомъ, м-ръ Домби и майоръ Багстокъ вполн# оц#нили другъ друга и въ непродолжительномъ времени стали на самую короткую ногу. М-ръ Домби зам#тилъ сестр#, что майоръ удивительный чело-в#къ: – кром# того, что ему въ совершенств# изв#стна военная дисциплина, онъ им#еть превосходное понятіе и о такихъ вещахъ, въ которыхъ н#тъ ничего общаго съ военнымъ ремесломъ. А это, какъ изв#стмо, большая р#дкость въ наше время. Онъ совершенно меня понялъ, – прибавилъ Домби.

Черезъ н#сколько времени м-ръ Домби повезъ къ своимъ д#тямъ миссъ Токсъ и м-съ Чиккъ. Майоръ опять былъ въ Брайтон#. М-ръ Домби пригласилъ его откушать въ Бедфордъ, поздравивъ напередъ миссъ Токсъ съ такимъ пріятнымъ знакомствомъ. Сильно забилося сердце прелестной д#вы при этомъ намек#, и она казалась чрезвычайно разс#янной во весь день. Это, однако жъ, поодавало ей еще бол#е интереса, и она, по-видимому, была чрезвычайно рада вождел#нному случаю обнаруживать волненія д#вственного сердца, особенно, когда майоръ за столомъ началъ произносить горькія жалобы на то, что миссъ Токсъ безжалостно оставила Княгининъ Лугъ, гд# она была св#гозарнымъ солнцемъ для вс#хъ чувствительныхъ сердець.

Майоръ, по-видимому, находилъ невыразимое наслажденіе распространяться объ этомъ предмет#. Онъ говорилъ безъ умолку во весь об#дъ и въ то же время #лъ по крайней м#р# за четверыхъ, наполняя желудокъ различными лакомствами, которыя, казалось, еще бол#е воспаляли его краснор#чіе. М-ръ Домби, ни на минуту не изм#нявшій своему обычному хладнокровію, слушалъ однако-жъ плодовитаго оратора съ зам#чательнымъ удовольствіемъ, и майоръ чувствовалъ, что онъ блистаетъ теперь самымъ яркимъ св#томъ. Сознывая вполн# свой завидный талантъ, ораторъ одушевлялся постепенно и въ порыв# истиннаго восторга выдумалъ по крайней м#р# десятка два совершенно новыхъ и оригинальныхъ прилагательныхъ къ своему собственному имени. Словомъ, майоръ превзошелъ на этотъ разъ самого себя, и вся компанія была имъ чрезвычайно довольна. Посл# об#да с#ли за вистъ, и когда сыгранъ былъ одинъ очень длинный роберъ, майоръ посп#шилъ раскланяться съ именитой фамиліей, и м-ръ Домби, провожая дорогого гостя, еще разъ обратился съ комплиментами къ миссъ Токсъ, которая зард#лась, какъ маковъ цв#тъ, и потупила глаза въ землю.

По выход# изъ Бедфорда, майоръ Багстокъ не замедлилъ обратиться къ самому себ# и во всю дорогу повторялъ: "хитеръ братъ ты, старичина Джой, чертовски хитеръ!". Когда пришелъ онъ въ свою гостиницу и ус#лся на стуль, съ нимъ сд#лался молчаливый припадокъ см#ха, до того безобразный и страшный, что коренной туземець, наблюдавшій это явленіе на значительномъ разстояніи, два или три раза начиналъ думать, что баринъ его совс#мъ рехнулся. Вся его фигура, особенно лицо и голова раздулись необыкновеннымъ образомъ и представили изумленнымъ глазамъ чернаго слуги какою-то пухлую массу индиговой краски. Мало-по-малу истерическій см#хъ превратился въ пароксизмъ удушливаго кашля, и когда, наконецъ, прошелъ этотъ припадокъ, майоръ разразился такими восклицаніями:

– Что, сударыня, много взяли? а? М-съ Домби, сударыня! такъ ли-съ? Хе, хе, хе! Погодите, матушка, погодите немножко. Старичина Джой запуститъ спичку въ ваше колесо, славную спичку! Теперь мы сквитались, сударыня. Вамъ не удалось провести Джоза. Хитры вы, матушка, очень хитры, да только старикашка похитр#е. Видали мы виды и теперь не спимъ. Старичище проснулся и глядитъ во вс# глаза.

И точно, глаза майора чуть не лопались отъ ужаснаго напряженія. Большую часть ночи б#сновался онъ самымъ неистовымъ образомъ: кричалъ, хохоталъ, кашлялъ, стучалъ и никому не давалъ спать.

На другой день, въ воскресенье, когда м-ръ Домби, м-съ Чиккъ и миссъ Токсъ сид#ли за завтракомъ, продолжая разговаривать о вчерашнемъ гост#, Флоренса вдругъ вб#жала въ комнату съ разгор#вшимся лицомъ и съ глазами, проникнутыми жив#йшей радостью.

– Папенька! – вскричала она, – папенька! Вальтеръ зд#сь! Онъ не см#етъ войти.

– Кто? – вскричалъ м-ръ Домби. – Что это значитъ? о комъ говоришь ты?

– Вальтеръ, папа, – сказала робко Флоренса, испуганная суровымъ видомъ отца. – Тотъ самый, что нашелъ меня, когда я пропадала.

– Это, должно быть, молодой Гэй, Луиза, – сердито проговорил м-рь Домби, обращаясь к сестр# и нахмурил брови. – Обращение этой д#вочки ни на что не похоже. Неужели она помнит молодого Гэя? Справься, что там такое.

М-сь Чикк# посп#шила в переднюю и через минуту воротилась с отв#том, что там стоит молодой Гэй с каким-то очень сгранным мужчиной. Гэй сказал, что они не см#ют войти, узнав, что м-рь Домби завтракает. Они р#шились подождать.

– Пусть мальчик войдет сию-же минуту, сказал м-рь Домби. – Что вам надобно, Гэй? зач#м вас послали? Разв# кром# вас некому пр#хать ко мн#?

– Извините, сэръ, – отв#чал Вальтер, – меня никто не посылал. Я осм#лился пр#хать по собственной надобности; над#юсь, вы простите меня, когда узнаете, почему я вас беспокою.

Но м-рь Домби, не обращая внимания на эти слова, с нетерп#нием старался разгляд#ть какой-то предмет, стоявший позади Вальтера.

– Что там такое? – сказал он, наконец. – Кто это с вами, молодой человек? Эй, сэръ! Вы, кажется, не туда зашли, куда вам надо. Вы ошиблись дверью.

– Мн# очень неприятно, что я не один вас беспокою, – посп#шил сказать Вальтер, – но это, сэръ, это капитан Куттль...

– Не роб#й, Валли! не роб#й, дружок! – зам#тил капитан Куттль басистым голосом.

В эту самую минуту из за спины Вальтера выдвинулась интересная фигура в синем камзол# и в рубашк# с высочайшими воротниками. Капитан Куттль учтиво поклонился м-ру Домби и еще учтив#е махнул перед дамами жел#зным крюком, держа в л#вой рук# клеенчатую шляпу, от которой обозначались на лбу самые св#жие знаки, на подобие красного экватора.

М-рь Домби с изумлением и негодованием осматривал этот феномен и в то же время обратился взорами к м-сь Чикк#, как будто требовал отчета, зач#м она впустила такого чучела. Маленький Павел, вошедший за Флоренсой, остановился между мисс Токс и капитаном, как будто хот#ль защитить свою надзирательницу от нападения, когда капитан начал размахивать жел#зным крюком.

– Говорите же, молодой человек, – сказал м-рь Домби, – что вам надобно?

В эту критическую минуту капитан Куттль еще раз счел за нужное ободрить робкого юношу.

– Не роб#й, мой милый, – сказал он – держись крепче!

– Я очень опасаюсь, – начал Вальтер дрожащим голосом, опустив глаза в землю, – что вы сочтете большою дерзостью мою просьбу, но мн# непременно должно предложить ее вам, сэръ. Быть может, я никак бы не осм#лился войти сюда и спросить об вас, если бы не им#ль счастья встр#тить мисс Домби и...

– Безъ предисловий! – сказал м-рь Домби, пристально сл#дя глазами за Флоренсой, которая между т#м ласковой улыбкой ободряла молодого человека, – говорите прямо, что вам нужно.

– Да, да, хорошо сказано! – зам#тил капитан, считая нужным поддержать м-ра Домби, как человек, знающий толк в хорошем обращении, – говори прямо, Валли, что теб# нужно.

Если бы вид#ль капитан, каким взглядом подарил его м-рь Домби, о если бы он вид#ль это!.. Но, к счастью, почтенный друг мастера вс#х морских инструментов не зам#чал ничего и, обращаясь к м-ру Домби, значительно прищурил л#вый глаз, давая знать, что молодой малый еще очень заст#чив, но это скоро пройдет.

– Меня привело сюда, сэръ, совершенно частное д#ло, которое лично касается до меня одного, – сказал Вальтер, запинаясь на каждом слове, – и капитан Куттль...

– Зд#сь я! – вскричалъ капитанъ, давая понять, что ужъ онъ не покинетъ молодого челов#ка.

– Капитанъ Куттль – предобр#йшій челов#къ и старый другъ моего дяди, – продолжалъ Вальтеръ, поднимая глаза съ видомъ просьбы за капитана, – былъ такъ добръ, что вызвался #хать со мною, и мн# никакъ нельзя было отказаться...

– Еще бы! – зам#гиль снисходительно капитанъ, – конечно нельзя. Хорошо, Вальтеръ: продолжай.

– И поэтому, сэръ, – началъ р#шительнымъ тономъ Вальтеръ, видя неизб#жную необходимость скор#е подойти къ развязк#, – поэтому я вынужденъ былъ прї#хать вм#ст# съ капитаномъ Куттлемъ и сказать вамъ, что б#дный мой дядя находится въ крайне затруднительныхъ обстоятельствахъ. Заведеніе его постепенно пришло въ упадокъ, и онъ не въ состояніи выплатить долгъ по заемному письму, представленному ко взысканію. Теперь въ магазин# его собираются д#лать опись: онъ долженъ потерять все и, в#роятно, не переживетъ этого несчастья. Между т#мъ, сэръ, вы знаете моего дядю, какъ честнаго и почтеннаго челов#ка; если бы вы благоволили вывести насъ изъ этой крайности, мы никогда бы не забыли вашего благодар#нія.

Вальтеръ заплакалъ. На глазахъ Флоренсы тоже засверкали слезы, и отецъ хорошо зам#гиль это, хотя, по-видимому, смотр#лъ только на Вальтера.

– Сумма весьма значительная, – продолжалъ молодой челов#къ, – больше трехсотъ фунтовъ. Дядя мой совершенно упалъ духомъ и ничего не способенъ предпринять. Ему даже неизв#стно, что я теперь им#ю честь говорить съ вами. Я все сказалъ, сэръ, – прибавилъ Вальтеръ посл# н#котораго колебанія, – и теперь, какъ вы изволите вид#ть, участь наша единственно зависитъ отъ васъ. Конечно, мы не им#емъ правъ на вашу благосклонность; но... я, право, не знаю... но кажется, я даже ув#ренъ, что другихъ требованій не будетъ на товары моего дяди, и капитанъ Куттль, съ своей стороны, предлагаетъ также обезпеченіе. Что же касается до меня собственно, я не могу... я не см#ю... мое жалованье не велико... но если позволите, экономія... трудъ... исподволь... какъ-нибудь... над#юсь... дядя мой бережливый великодушный старикъ.

Еще н#сколько безсвязныхъ словъ, и Вальтеръ умолкъ, пов#сивъ голову, съ трепетомъ ожидая р#шенія своей участи. Эта минута показалась капитану Куттлю самой удобной для обнаруженія ц#нности своихъ вещей. Онъ подошелъ къ столу, гд# завтракалъ м-ръ Домби, расчистилъ между тарелками сколько нужно было м#ста, выложилъ серебряные часы, наличныя деньги, ложечки, щипчики и, расположивъ все это искусн#йшимъ образомъ, чтобы какъ можно бол#е бросить пыли въ глаза, разразился такими словами:

– Не сули журавля въ неб#, дай синицу въ руки, говорить всеобщая пословица. Вотъ вамъ и синица, государь мой! Да еще годовой мой пансіонъ, сотня фунтовъ стерлинговъ, тоже къ вашимъ услугамъ. Ежели есть на св#т# челов#къ съ головой, напичканной познаніями, такъ это, рекомендую вамъ, старикъ Соломонъ Гильсъ. А если есть на св#т# мрлодой парень, у котораго будущность – об#тованная земля, текущая млекою и медомъ, такъ это, скажу я вамъ, племянникъ старика Соля.

Отпустивъ эту сентенцію, капитанъ сталъ на прежнее м#сто и самодовольно началъ разглаживать свои волосы, какъ челов#къ, счастливо окончившій трудное предпріятіе.

Когда Вальтеръ пересталъ говорить, глаза м-ра Домби обратились на маленькаго Павла, который между т#мъ выразительно посматривалъ на Вальтера и своего отца, стараясь въ то же время ут#шить сестру, огорченную печальными изв#стіями. Флоренса стояла, опустивъ голову, и тихонько плакала. Посл# храброй выходки капитана Куттля, принятой, разум#ется, съ высочайшимъ хладнокровіемъ, м-ръ Домби опять обратилъ глаза на своего сына и смотр#лъ на него н#сколько минутъ, не говоря ни слова.

– Какимъ образомъ Гильсъ задолжалъ такую сумму? – спросилъ, наконецъ, м-ръ Домби. – Кто настоящій кредиторъ?

– Онъ этого не знаетъ, – отв#чалъ капитанъ, положивъ руку на плечо Вальтера. – Мн# все изв#стно. Это, видите ли, поручительство за одного пріятеля, теперь уже покойника, который стоилъ старику Гильсу многихъ сотенъ фунтовъ. Подробности, если угодно, я сообщу вамъ наедин#.

– Людямъ съ ограниченнымъ состояніемъ, – сказалъ м-ръ Домби, продолжая смотр#ть на своего сына и не обращая ни мал#йшаго вниманія на таинственные знаки капитана Куттля, – сл#дуетъ заниматься исключительно собственными д#лами и не увеличивать своихъ затрудненій безумными обязательствами за другихъ людей. Это нечестно и самонад#янно, – прибавилъ м-ръ Домби съ важностью, – слишкомъ самонад#янно даже для богача. Павелъ, поди сюда!

Когда ребенокъ подошелъ, м-ръ Домби посадилъ его на кол#ни.

– Еслибъ у тебя были теперь деньги, – сказалъ м-ръ Домби... да смотри на меня?

Павелъ, котораго глаза были обращены на сестру и на Вальтера, взглянулъ на лицо своего отца.

– Еслибъ теперь у тебя было столько денегъ, – сказалъ м-ръ Домби, – сколько нужно молодому Вальтеру, что бы ты сд#лалъ?

– Я бы отдалъ ихъ старому дяд#, – отв#чалъ Павелъ.

– То есть, ты далъ бы ихъ взаймы, – поправилъ м-ръ Домби. – Хорошо. Ты уже выросъ довольно для того, чтобы распорядиться моими деньгами: мы станемъ вм#ст# вести д#ла.

– Домби и Сынъ, – прервалъ Павелъ, рано пріученный къ этой фраз#.

– Домби и Сынъ, – повторилъ отецъ. – Начни же быть теперь Домби и Сыномъ; хочешь ли дать взаймы денегъ дяд# молодого Гэя?

– Хочу, хочу, папенька, – отв#чалъ Павелъ – и Флоренса тоже хочетъ.

– Д#вочкамъ, – сказалъ м-ръ Домби, – нечего давать при Домби и Сын#. Хочешь ли ты одинъ?

– О да, хочу, папенька!

– Ну, такъ ты дашь ему, – возразилъ отецъ. – Видишь ли теперь, Павелъ, – продолжалъ онъ понизивъ голосъ, – какъ могущественны деньги и какъ жалокъ челов#къ безденежный! Молодой Гэй съ отчаяніемъ #халъ сюда добывать денегъ, а ты, челов#къ богатый, великій, располагая деньгами, оказываешь ему величайшую милость и одолженіе.

Молодой Павелъ слушалъ внимательно и смотр#лъ на отца, какъ маститый старецъ, исполненный глубокихъ думъ и размышленій; но его лицо мгновенно приняло веселое и совершенно д#тское выраженіе, когда онъ соскочилъ съ кол#ней отца и поб#жалъ къ Флоренс# съ радостною в#стью, что Вальтеру сейчасъ будутъ даны деньги и что, сл#довательно, не о чемъ больше плакать.

Между т#мъ м-ръ Домби обратился къ столу и началъ писать. Въ этотъ промежутокъ времени Павелъ и Флоренса втихомолку завязали разговоръ съ Вальтеромъ, и капитанъ Куттль смотр#лъ на прелестную группу съ такими торжественными и самонад#янными мыслями, какихъ, конечно, и не грезилось величественному представителю знаменитой фирмы. Когда записка была кончена и запечатана, м-ръ Домби, принимая прежнюю позу, подозвалъ Вальтера и сказалъ:

– Завтра поутру вы отдадите это м-ру Каркеру, и онъ сд#лаетъ немедленныя распоряженія, чтобы вашего дядю вывели изъ крайности, заплативъ его долгъ. Въ то же время пусть будутъ приняты м#ры, чтобы сумма была возвращена въ контору, сообразно съ обстоятельствами. Вы должны помнить, что все это д#лаетъ для васъ молодой Павелъ.

Вальтеръ, переполненный радостными ощущеніями, хот#лъ вн#шними знаками выразить свою благодарность; но м-ръ Домби круто остановилъ его:

– Вы должны помнить, говорю я, что все это сд#лалъ мой Павелъ. Я объяснилъ ему сущность д#ла, и онъ все понимаетъ. Ни слова больше.

И онъ указалъ на дверь. Вальтеръ поклонился и вышелъ. Когда всл#дъ за нимъ хот#лъ идти и капитанъ Куттль, миссъ Токсъ, проливавшая между т#мъ обильные потоки слезъ вм#ст# со своей пріятельницей, обратилась въ тревожномъ волненіи къ м-ру Домби:

– Извините меня, о великодушн#йшій изъ смертныхъ, ахъ, извините меня!.. но вы въ порыв# благородн#йшихъ щедротъ высокой души вашей забыли н#которыя подробности...

– Какія, миссъ Токсъ? – сказалъ м-ръ Домби.

– Этотъ джентльмень, что съ инструментомъ, – продолжала миссъ Токсъ, взглянувъ на капитана, – оставилъ на стол#, подл# вашего локтя...

– Боже небесный! – сказалъ м-ръ Домби, сметая имущество капитана Куттля, какъ хл#бныя крошки. – Возьмите отсюда эти вещи. Очень вамъ благодаренъ, миссъ Токсъ: вы всегда предусмотрительны. Эй, сэръ, уберите отсюда эти вещи!

Капитанъ Куттль увид#лъ настоятельную необходимость повиноваться. Сложивъ въ одинъ карманъ чайныя ложки и сахарныя щипчики, въ другой – наличныя деньги и серебряныя часы, онъ съ безмолвнымъ изумленіемъ обратилъ свои взоры на безкорыстнаго благодар#теля и, въ порыв# восторженнаго сердца, схвативъ правую руку м-ра Домби въ свою одинокую л#вую мышцу, такъ притиснулъ ее жел#знымъ крюкомъ, что м-ръ Домби затрепеталъ вс#мъ т#ломъ отъ этого могучаго прикосновенія горячаго чувства и холоднаго жел#за.

Наконецъ, капитанъ Куттль, ловко рисуясь передъ дамами, съ большой любезностью поц#ловалъ н#сколько разъ свой крюкъ и распрощался особеннымъ образомъ съ Павломъ и Флоренсой, провожавшими Вальтера изъ комнаты. Флоренса, въ порыв# усердія, поб#жала за ними, чтобы переслать поклонъ старику Солю, но м-ръ Домби сурово отозвалъ ее и приказалъ остановиться.

– Неужели ты н_и_к_о_г_д_а не будешь Домби, моя милая! – сказала м-съ Чиккъ съ патетическимъ упрекомъ.

– Тетенька, – проговорила Флоренса, – не сердитесь на меня; я не знаю, какъ благодарить милаго папеньку!

Б#дное дитя! Она бы хот#ла поб#жать и броситься къ нему на шею; но, не см#я этого сд#лать, робко остановилась среди комнаты и обратила на отца благодарныя взоры. М-ръ Домби изр#дка посматривалъ на взволнованную дочь, но по большей части онъ наблюдалъ Павла, который между т#мъ ходилъ по комнат# съ чувствомъ новаго достоинства при мысли, что ссудилъ деньгами молодого Гэя.

А молодой Вальтеръ Гэй, – что съ нимъ?

Онъ лет#лъ къ своему дяд# съ пріятною в#стью и не помнилъ себя отъ радости при мысли, что не дал#е какъ завтра, еще до об#да, онъ очиститъ жилище старика Соломона отъ вс#хъ возможныхъ маклеровъ и присяжныхъ оц#нщиковъ. Онъ не могъ не радоваться, живо представляя, что съ завтрашняго вечера мастеръ вс#хъ морскихъ инструментовъ опять спокойно будетъ сид#ть въ своей гостиной съ капитаномъ Куттлемъ, опять почувствуетъ, что деревянный мичманъ – его неотъемлемая собственность, и опять будетъ строить воздушныя замки вм#ст# съ закадычнымъ пріятелемъ, который представилъ ему новое блистательное доказательство неизм#нной дружбы. Но при всемъ томъ, надо признаться, молодой Гэй, несмотря на глубокую благодарность къ м-ру Домби, сильно чувствовалъ евое униженіе. Когда буйный в#теръ совершенно непредвид#ннымъ образомъ вырываетъ съ корнемъ расцв#тающія надежды, тогда, и особенно тогда, воображеніе рисуетъ во всей полнот# роскошныя цв#ты, едва не разросшіеся отъ этого корня, теперь погибшаго безвозвратно. Когда Вальтеръ увид#лъ, что это новое ужасное паденіе положило неизм#римую бездну между нимъ и фамиліей Домби, когда онъ понялъ, что прежнія дикія мечты разлет#лись теперь вдребезги, онъ, вм#ст# съ т#мъ, сильно началъ подозр#вать, что со временемъ, въ неопред#-

ленной дали, он# могли бы превратиться для него въ блистательную д#йствительность, украшенную вс#ми радостями счастливой жизни и ув#нчанной любви.

Капитанъ, въ свою очередь, смотр#ль на предметъ съ другой точки зр#нія. По его понятіямъ, отъ посл#дняго свиданія Вальтера съ Флоренсой до настоящаго обрученія оставался не бол#е, какъ одинъ шагъ, много – два, и не было ни мал#йшаго сомн#нія, что въ жизни молодого Гэя повторится исторія Ричарда Виттингтона, знаменитаго начальника городской думы. Проникнутый этимъ уб#жденіемъ и вм#ст# ободренный веселостью стараго пріятеля, онъ три раза въ одинъ вечеръ проп#ль свою любимую балладу и даже сд#лалъ въ ней н#которыя, очень удачныя изм#ненія, поставивъ вм#сто «Пегъ», героини стихотворенія, имя Флоренсы, такъ однако-жь, что въ стих# не разстроились ни разм#ръ, ни ри#ма. Долго и громко расп#валъ капитанъ Куттль и вовсе, по-видимому, забылъ, что давно наступило время проститься съ счастливой компаніей и искать ночлега въ жилищ# страшной Макъ Стингеръ.

Глава XI

Павель выступает на новую сцену

Организм у м-сь Пипчинь былъ просто желзный, и никакие признаки не оправдывали печальныхъ предсказаній м-сь Виккемъ. Воспитательница благородныхъ д#тей попрежнему кушала за столомъ жирныя котлеты, подкр#пляла себя на сонъ грядущій сладкими пирожками и была, слава Богу, совершенно здорова. Но такъ какъ Павель продолжалъ вести себя неизм#нно одинаковымъ образомъ въ отношеніи къ старой леди, м-сь Виккемъ не отступила ни на шагъ отъ принятой позиціи. Подкр#пляя и ограждая себя поб#дительнымъ прим#ромъ Бетси Джанны, она сов#товала по-дружески миссъ Берри заран#е приготовить себя къ страшному событію, потому что тетушку ея того и гляди взорветъ, какъ пороховую бочку и... поминай, какъ звали!

Б#дная миссъ Беринтія принимала все это за чистыя деньги и продолжала каждый день работать со вс#мъ усердіемъ, какъ самая преданная и безотв#тная раба, въ томъ уб#жденіи, что м-сь Пипчинь была предпочтенн#йшая дама въ ц#ломъ св#т#, и, конечно, на алтарь этой старушки можно и должно было приносить безчисленныя жертвоприношенія. Эта безусловная преданность племянницы и вм#ст# достопамятная кончина супруга на перувіанскихъ рудникахъ сод#йствовали удивительнымъ образомъ къ возвышенію достоинствъ м-сь Пипчинь, и вс#, безъ исключенія, друзья и сос#ди, были того мн#нія, что такая дама – чудо въ нашемъ св#т#.

Неподалеку отъ укр#пленнаго замка воспитательницы благородныхъ д#тей жилъ одинъ негоціантъ, производившій по мелочамъ торговлю жизненными припасами, или, выражаясь простымъ слогомъ, жилъ мелочной лавочникъ, у котораго м-сь Пипчинь, по обыкновенію, забирала на книжку разныя продукты къ завтраку и къ чаю. По поводу этой книжки, въ красномъ переплет# и чрезвычайно засаленной, у м-сь Пипчинь происходили по временамъ съ безпокойнымъ лавочникомъ разныя и всегда таинственныя сов#щанія въ с#няхъ или въ передней, и въ эту пору двери въ гостиную всегда были заперты кр#пко-накр#пко. Случалось, молодой Байтерстонъ, у котораго натура, разогр#тая первоначально знойными лучами инд#йскаго солнца, была очень мстительная, намекаль, и зло намекаль, какъ однажды лавочникъ, вообще недовольный счетами м-сь Пипчинь, отказался прислать къ чаю сахарнаго песку, и какъ, по этому поводу, они вовсе не пили чаю. Этотъ лавочникъ – малый холодный и вовсе не такого десятка, чтобы въ женщин# ц#нить за что-нибудь ея наружную красоту – осм#лился однажды смиренно попросить у м-сь Пипчинь руку ея племянницы, и м-сь Пипчинь, само собой разум#ется, не преминула сд#лать самый грозный отказъ дерзкому нахалу, сопровождаемый презр#ніемъ и ругательствами. Вс# потомъ говорили, и долго говорили, какъ это было похвально со стороны м-сь Пипчинь, влад#вшей вообще твердымъ и независимымъ характеромъ; но никто ни поль-словомъ не заикнулся о б#дной миссъ Беринтіи, которая между т#мъ плакала ц#лыхъ шесть нед#ль по причинамъ весьма основательнымъ: во-первыхъ, тетка безъ умолку ругала ее во все это время, а во-вторыхъ – это, конечно, всего важн#е и всего убійственн#е – несчастная увид#ла, что съ этой поры она на в#ки в#чные попадаетъ въ разрядъ хранительницъ ц#ломудреннаго д#вства.

– Берри васъ очень любить, – не правда ли? – спросилъ однажды Павель свою собес#дницу, когда они сид#ли у камина съ неразлучнымъ котомъ.

– Да, – сказала м-сь Пипчинь.

– За что? – спросилъ Павель.

– Какъ за что? – возразила озадаченная старуха. – Можешь ли ты объ этомъ спрашивать, мой милый! За что ты любишь свою сестрицу?

– За то, что она очень добра, – сказалъ Павель. – Никто не сравняется съ Флоренсой.

– Ну, такъ вотъ видишь ли, мой милый: и со мной никто не сравнивается.

– Право? – вскричала Павель, потягиваясь въ своихъ креслахъ и выразительно всматриваясь въ лицо собесѣдницы.

– Да, да, – проговорила старуха.

– Какъ я радъ! – замѣтилъ Павель, потирая руками. – Это очень хорошо!

М-съ Пипчинъ уже не спрашивала, почему это очень хорошо. Впрочемъ, она не надѣялась получить удовлетворительнаго отвѣта, и потому, чтобы сорвать на комъ-нибудь досаду, напустилась съ ужаснѣйшимъ остервененіемъ на молодого Байтерстона, такъ что бѣдный малый рѣшился съ того же дня дѣлать необходимыя приготовленія для сухопутнаго путешествія въ Индію: за ужиномъ онъ тихонько спряталъ четверть булки и кусокъ голландскаго сыру, положивъ такимъ образомъ начало запасной провизіи для преднамѣреннаго путешествія.

Уже двѣнадцать мѣсяцевъ м-съ Пипчинъ сторожила и караулила маленькаго Павла съ его сестрою. Въ это время два-три раза они ѣздили домой, и однажды пробыли въ Лондонѣ нѣсколько дней. М-ръ Домби съ неизмѣнной точностью каждую недѣлю пріѣзжалъ въ Брайтонъ и останавливался въ гостиницѣ. Мало-по-малу Павель сдѣлался сильнѣе и уже могъ ходить пешкомъ по морскому берегу, хотя онъ все еще былъ крайне слабъ и, собственно говоря, смотрѣлъ такимъ же старымъ, спокойнымъ, сонливымъ ребенкомъ, какимъ читатель видѣлъ его при первомъ появленіи въ этомъ домѣ. Разъ, въ субботу послѣ обѣда, въ сумерки, во всемъ замкѣ поднялась ужасная суматоха, когда вдругъ, совершенно неожиданно доложили, что м-ръ Домби желаетъ видѣть м-съ Пипчинъ. Мгновенно все народонаселеніе гостиной, какъ будто на крыльяхъ вихря, полетѣло наверхъ, захлопало дверьми, затопало ногами, и когда, наконецъ, по возстановленіи приличной тишины и спокойствія, м-съ Пипчинъ, приколотивъ хорошенько молодого Байтерстона, явилась въ гостиную въ своемъ черномъ бомбазинѣ, м-ръ Домби уже былъ тамъ и глубокомысленно наблюдалъ пустое кресло своего сына и наслѣдника.

– Какъ ваше здоровье, м-съ Пипчинъ? – сказалъ м-ръ Домби.

– Покорно благодарю, сэръ, – отвѣчала м-съ Пипчинъ, – я чувствую себя очень хорошо, если взять въ расчетъ...

М-съ Пипчинъ всегда употребляла такую форму отвѣта. Собесѣдникъ уже самъ долженъ былъ взять въ расчетъ ея добродѣтели, пожертвованія и такъ далѣе.

– Совершенно здоровой мнѣ, конечно, и быть нельзя, – продолжала м-съ Пипчинъ, придвигая стулъ и переводя духъ, – но я благодарна и за это здоровье.

М-ръ Домби слегка наклонилъ голову и послѣ минутнаго молчанія продолжалъ:

– Я принялъ смѣлость зайти къ вамъ, милостивая государыня, посоветоваться насчетъ моего сына. Уже давно было у меня это намѣреніе, но я отлагалъ его день ото дня, дожидаясь, пока Павель выздоровѣетъ совершенно. Какъ вы теперь находите его здоровье, м-съ Пипчинъ?

– Брайтонскій воздухъ, по моему мнѣнію, принесъ ему большую пользу, – отвѣчала м-съ Пипчинъ.

– То-есть, пребываніе въ Брайтонѣ оказалось для него очень полезнымъ, – сказалъ м-ръ Домби, – я то же думаю.

М-съ Пипчинъ потерла руками и обратила глаза на каминъ.

– Но, быть можетъ, – продолжалъ м-ръ Домби, – теперь необходимъ для него другой образъ жизни, нужна перемѣна въ его состояніи. Объ этомъ-то я и пришелъ съ вами посоветоваться. Сынъ мой на дорогѣ жизни идетъ впередъ, м-съ Пипчинъ, быстро идетъ впередъ

Была какая-то меланхолія въ торжественномъ тонѣ, съ какимъ м-ръ Домби произнесъ эти слова. Ясно, что для него слишкомъ длиннымъ казался дѣтскій возрастъ его сына, и что, по его понятіямъ, было еще далеко, очень далеко до той счастливой поры, когда наступить,

наконец, исполненіе завѣтныхъ желаній души его. М-ръ Домби былъ почти жалокъ въ эту минуту, хотя понятіе жалости никакъ не клеится съ этимъ гордымъ и холоднымъ субъектомъ.

– Ему уже шесть лѣтъ! – сказала м-ръ Домби, поправляя галстухъ, быть можетъ, для того, чтобы лучше скрыть едва примѣтную улыбку, мелькнувшую на поверхности его лица. – Великій Боже! не успеешь оглядѣться, какъ шестилѣтній мальчикъ превратится въ шестнадцатилѣтняго юношу!

– Ну, десять лѣтъ, сэръ, не скоро пройдутъ! – прокаркала холодная старуха, страшно мотая головой.

– Это зависитъ отъ обстоятельствъ, – возразилъ м-ръ Домби. – Во всякомъ случаѣ, сыну моему уже шесть лѣтъ, и нѣтъ сомнѣній, онъ въ своихъ понятіяхъ отсталъ отъ многихъ дѣтей своего возраста. Но дѣло вотъ въ чемъ: сынъ мой долженъ быть не позади, а впереди, далеко впереди своихъ ровесниковъ. Передъ нимъ уже готовое, высокое поприще – и сыну ли моему встрѣчать препятствія или неудачи на первыхъ ступеняхъ общественнаго воспитанія? Путь его жизни, ясный и чистый, предопредѣленъ и предусмотрѣнъ еще прежде его бытія: какъ же отсрочивать образованіе молодого джентльмена съ такимъ возвышеннымъ назначеніемъ? Я не допущу, я не потерплю никакихъ недостатковъ, никакихъ пробѣловъ въ его воспитаніи. Все должно быть устроено наилучшимъ, наисовершеннѣйшимъ образомъ и будетъ устроено.

– Вы правы, сэръ, – отвѣчала м-съ Пипчинъ, – я ничего не могу сказать противъ вашихъ намѣреній.

– Я и не сомнѣваюсь въ этомъ, м-съ Пипчинъ, – благосклонно сказалъ м-ръ Домби, – особа съ вашимъ умомъ пойметъ, должна понять, всю важность высокыхъ цѣлей Домби и Сына.

– Много вздору, много нелѣпостей болтаютъ нынче о томъ, будто не должно слишкомъ торопиться развитіемъ молодыхъ умовъ, – проговорила м-съ Пипчинъ, съ нетерпѣніемъ качая головой. – Нынче ужъ, видно, умъ за разумъ зашелъ, а въ мое время не такъ думали объ этомъ предметѣ. Я очень рада, сэръ, что мои мысли въ этомъ случаѣ совершенно согласны съ вашими; "торопи, толкай ребенка, если хочешь изъ него сдѣлать человѣка" – вотъ мое правило!

– Не даромъ же вы, почтенная м-съ Пипчинъ, приобрѣли такую огромную репутацію, – возразилъ м-ръ Домби. – Прошу васъ быть увѣренной, что теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, я совершенно доволенъ вашей методой дѣтскаго воспитанія и поставлю себѣ за величайшее удовольствіе рекомендовать васъ при всякомъ случаѣ, если только моя скромная рекомендація принесетъ вамъ какую-нибудь пользу. Я теперь думалъ о докторѣ Блимберѣ, м-съ Пипчинъ.

– Какъ? о моемъ сосѣдѣ? – вскричала м-съ Пипчинъ. – У доктора, по моему мнѣнію, превосходное заведеніе. Молодые люди, какъ я слышала, учатся тамъ отъ утра до ночи, и порядокъ во всемъ удивительный.

– И цѣна весьма значительная! – прибавилъ м-ръ Домби. – Я уже говорилъ съ докторомъ, м-съ Пипчинъ, и, по его мнѣнію, Павелъ совершенно созрѣлъ для полученія образованія. Онъ приводилъ многіе примѣры, что дѣти именно въ этомъ возрастѣ начинали учиться по-гречески, и съ блистательнымъ успѣхомъ. Но я не объ этомъ беспокоюсь, м-съ Пипчинъ, дѣло вотъ видите ли въ чемъ: сынъ мой, вырастая безъ матери, сосредоточилъ всю привязанность на своей сестрѣ, и любовь эта, конечно, дѣтская, но все же чрезмѣрная, признаюсь вамъ, слишкомъ беспокоитъ меня. Разлука ихъ не будетъ ли...

И, не окончивъ фразы, м-ръ Домби погрузился въ глубокое раздумье.

– Ба, ба, ба! – возопила м-съ Пипчинъ, взъерошивая бомбазиновое платье и мгновенно принимая свой всегдашній видъ дѣтской вопительницы. – Есть о чемъ беспокоиться! Да если

ей не угодно будетъ съ нимъ разстаться, на это у насъ, съ вашего позволенія, найдутся ежовыя рукавички.

Добрая лэди тутъ же извинилась, что употребила слишкомъ простонародную фразу. – Я всегда такъ обращаюсь съ ними, – сказала она и совершенно особеннымъ образомъ закинула свою безобразную голову, какъ будто собиралась привести въ трепеть ц#лую стаю непокорныхъ мальчиковъ и д#вочекъ. М-ръ Домби терп#ливо выждалъ окончанія этихъ припадковъ и, когда его почтенная собес#дница перестала б#сноваться, сказалъ спокойнымъ тономъ:

– Не о н_е_й думаю я, м-съ Пипчинъ; съ нимъ что будетъ?

М-съ Пипчинъ съ одинаковой ув#ренностью могла бы похвалиться, что она точно такой же способъ врачеванія готова употребить и для маленькаго Павла; но ея с#рый пронизательный глазъ благовременно усмотр#ль, что м-ръ Домби не могъ одобрить этого рецепта въ отношеніи къ сыну, хотя въ то же время признавалъ всю его д#йствительность относительно дочери. Поэтому она тотчасъ же перевернула аргументъ и очень основательно начала доказывать, что новые предметы, новый образъ жизни, новое разнообразное общество въ заведеніи Блимбера и, наконецъ, новыя, разум#ется, довольно трудныя занятія, – все это мало-по-малу и незам#тнымъ образомъ заставить умнаго мальчика выбросить изъ головы свою сестру. Такъ какъ эта мысль совершенно согласовалась съ собственными надеждами и предположеніями м-ра Домби, то н#тъ ничего удивительнаго, если джентльменъ этотъ получилъ еще высшее понятіе о разсудительности м-съ Пипчинъ, т#мъ бол#е, что теперь она представила р#дкій образецъ безкорыстія, разлучаясь такъ легко съ своимъ маленькимъ другомъ, хотя, собственно говоря, ударъ этотъ былъ не внезапный, потому что сначала предполагалось отдать ей ребенка всего на три м#сяца. Было ясно, что м-ръ Домби заран#е обдумалъ и зр#ло обсудилъ свой многосложный планъ, состоящій въ томъ, что маленькій Павелъ на первое полугодіе поступить къ доктору Блимберу, какъ нед#льный пансіонеръ, а сестра его между т#мъ останется у м-съ Пипчинъ и будетъ принимать къ себ# брата по субботамъ. Такое распоряженіе, – думалъ чадолюбивый отецъ, – исподволь отвлечетъ сына отъ предмета его привязанности; в#роятно, онъ хорошо помнилъ, какъ неосторожно первый разъ младенецъ былъ оторванъ отъ своей любимой кормилицы!

Оканчивая свиданіе, м-ръ Домби выразилъ надежду, что м-съ Пипчинъ, в#роятно, благоволитъ удержать за собою должность верховной надзирательицы надъ его сыномъ, пока тотъ будетъ учиться въ Брайтон#. Потомъ онъ поц#ловалъ Павла, подержалъ руки Флоренсы, искоса взглянулъ на б#лый парадный воротничекъ молодого Байтерстона и погладилъ по головк# миссъ Панки, отчего б#дная д#вочка громко заплакала, потому что н#жность какъ разъ пришлась по тому самому м#сту, гд# м-съ Пипчинъ щиколками своихъ пальцевъ производила свои обыкновенныя наблюденія, стучая по голов#, какъ по винному боченку. Уходя, м-ръ Домби еще разъ изволилъ объявить, что, такъ какъ сынъ его уже выросъ и совершенно поправился въ здоровьи, то н#тъ сомн#нія, образованіе его пойдетъ блистательно, какъ скоро д-ръ Блимберъ возьметъ его въ свои руки.

И точно, если молодой джентльменъ попадался въ руки къ Блимберу, онъ всегда чувствовалъ н#которое довольно плотное давленіе, какъ будто его сжимали тисками. Докторъ, по обыкновенію, занимался образованіемъ только десяти мальчиковъ, но у него всегда было въ запас# ученья, по крайней м#р#, для ц#лой сотни молодыхъ головъ; зато этотъ несчастный десятокъ былъ заваленъ по горло всякой всячиной, къ невыразимому наслажденію мудраго педагога, у котораго единственною ц#лью въ жизни было мучить б#дныхъ д#тей.

Учебное заведеніе д-ра Блимбера было, собственно говоря, ни больше ни меньше, какъ огромная теплица; гд# безпрестанно пускались въ ходъ вс# возможные аппараты для произведенія скор#йшаго плода. Умственный зеленый горохъ обыкновенно посп#валъ къ Рождеству, а духовную спаржу можно было добывать во всякое время года. Математическій крыжовникъ, насаженный опытной рукою Блимбера, мгновенно доставлялъ плоды, немножко

кислые, но все-таки годные для употребленія. Каждое прозябаніе, греческое или латинское, мигомъ выросло на сухихъ в#твяхъ подъ вс#ми широтами и поясами д#тскаго климата. Природа тутъ была нипочемъ. Д-ръ Блимберъ, и не соображаясь съ природой, такъ или иначе, заставлялъ всякую почву произращать какіе угодно плоды.

Все это было чрезвычайно весело и очень остроумно, но система принужденія обыкновенно сопровождалась своими печальными посл#дствіями. Скоросп#лые фрукты не им#ли свойственнаго имъ вкуса и держались недолго. Одинъ молодой джентльменъ, старшій въ заведеніи, малый съ преогромной головой и раздутымъ носомъ, уже благополучно прошелъ черезъ вс# педагогическія мытарства, какъ вдругъ въ одно прекрасное утро совершенно отказался цв#сти и навсегда остался въ заведеніи, какъ чистый стебель. Говорили, будто докторъ уже черезчуръ переучилъ молодого Тутса, и б#дняга вдругъ потерялъ мозгъ, какъ скоро появился пушокъ на его бород#.

Какъ бы то ни было, молодой Тутсъ совершенно лишился своего мозга. Зато у него оказались прегустыя бакенбарды и чудесный басистый голосъ. Онъ прищипливалъ къ рубашк# красивую булавку и, по обыкновенію, носилъ въ жилетномъ карман# маленькое колечко, которое украдкой над#валъ на мизинецъ всякій разъ, когда воспитанники выходили гулять. Онъ постоянно влюблялся съ перваго взгляда во всякую няньку, хотя, къ сожал#нію, ни одна нянька не обращала на него ни мал#йшаго вниманія.

Д-ръ Блимберъ былъ очень дюжій, толстый джентльменъ въ черномъ плать# съ панталонами, засученными подъ чулки, перевязанными у кол#нъ красивыми лентами, какъ щеголяли встарину англійскіе дэнди. Онъ им#лъ очень св#тлую пл#шивую голову, басистый голосъ и подбородокъ ужасно раздвоенный, такъ что никакъ нельзя было понять, какимъ образомъ могла д#йствовать бритва въ этой чудной впадин#. Его маленькіе глаза были всегда наполовину закрыты; а ротъ всегда наполовину открывался для выраженія лукавой улыбки, какъ будто въ эту самую минуту докторъ ставилъ втупикъ маленькаго шалуна и дожидался, пока тотъ обличитъ себя собственными устами. Когда докторъ закладывалъ правую руку въ боковой карманъ своего сюртука, а л#вую закидывалъ назадъ, и при этомъ слегка кивалъ головою, д#лая самыя обыкновенныя зам#чанія слабонервному незнакомцу, его фигура въ совершенств# походила на сфинксъ, изрекающій свои непреложныя приговоры.

У доктора былъ въ Брайтон# очень хорошій домъ на морскомъ берегу, архитектуры, правда, весьма невеселой, даже, можно сказать, совершенно печальной. Темноцв#тныя гардины, скудныя и тощія, скрывались въ углубленіи оконъ съ какимъ-то мрачнымъ уныніемъ. Стулья и столы были расположены рядами, какъ цифры на таблиц# умноженія; каминныя въ парадныхъ комнатахъ почти икогда не отапливались и скор#е похожи были на колодези, а гость, сид#вшій передъ ними, представлялъ ведро; въ столовой не было ничего, напоминавшаго какое-нибудь кушанье или напитокъ. Во всемъ дом# ни мал#йшаго шума, кром# громкаго боя ст#нныхъ часовъ, вис#вшихъ въ зал#, которыхъ звукъ слышался даже на чердакахъ. Общее безмолвіе нарушалось только глухимъ плачемъ молодыхъ джентльменовъ, в_о_р_к_о_в_а_в_ш_и_х_ь за своими уроками, на подобіе печальныхъ голубей, запертыхъ въ голубятн#.

Миссъ Блимберъ, тонкая и довольно граціозная д#вушка, ни мало не разстраивала своей оссбой общей степенности докторскаго дома. Въ этой д#виц#, носившей коротенькіе курчавые волосы и зеленые очки на носу, не оказывалось ни мал#йшихъ сл#довъ в#тренности и легкомыслія, свойственныхъ ея полу и возрасту. Она, по-видимому, высохла и разсыпалась въ песокъ, работая въ душныхъ подземельяхъ мертвыхъ языковъ, а живыя нар#чія не существовали для миссъ Блимберъ. Языку непрем#нно надлежало умереть, превратиться въ камень, и тогда только миссъ Блимберъ начала бы докапываться до его тайнъ, какъ неутомимый антикварій, для котораго не существуетъ живая природа.

Маменька ея, м-сь Блимберъ, была женщина неученая, однако-жь съ большими претензіями на ученость, и, по обыкновению, говаривала по вечерамъ, что, если бы со временемъ Господь Богъ привелъ ей познакомиться съ Цицерономъ, она умерла бы спокойно. Величайшей отрадой въ ея жизни было любоваться на молодыхъ учениковъ своего супруга, когда они выходили на улицу съ преширокими воротничками на рубашкахъ и высочайшими галстухами, р#зко отличаясь отъ вс#хъ другихъ джентльменовъ: это былъ костюмъ въ совершенств# классическій, говорила она.

М-ръ Фидеръ, магистръ и помощникъ д-ра Блимбера, былъ ч#мъ-то врод# олицетвореннаго органа съ однимъ валомъ, на которомъ постоянно безъ всякихъ вариаций разыгрывалось н#сколько однообразныхъ арій. В#роятно, въ раннюю эпоху молодости, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, къ нему можно было бы прид#латъ еще два, три вала; но судьба этого не хот#ла, и м-ръ Фидеръ, пущенный на б#лый св#тъ съ однимъ только валомъ, посвятилъ себя отуманиванію молодыхъ головъ въ учебномъ заведеніи Блимбера. Рано молодые люди проникались печальными заботами всякаго рода и ни на минуту не находили отдыха въ туманной атмосфер# окамен#лыхъ глаголовъ, одичалыхъ существительныхъ и страшныхъ могильныхъ привид#ній омертв#лаго синтаксиса. Благодаря насильственной систем# воспитанія, молодой челов#къ въ три нед#ли однажды навсегда разставался съ здравымъ смысломъ; въ три м#сяца взваливалъ на свои плечи вс# заботы міра; въ четыре проникался самыми горькими чувствованіями противъ родственниковъ или опекуновъ; въ пять становился совершеннымъ мизантропомъ; въ полгода начиналъ завидовать бездонной пропасти Квинта Курція, а въ конц# перваго года онъ приходилъ къ р#шителному, неизм#нному заключенію, что вс# мечтанія поэтовъ и уроки мудрецовъ были ничто иное, какъ собраніе словъ и грамматическихъ правилъ, безъ всякаго внутренняго значенія и смысла!

И все-таки расцв#талъ онъ, убійственно расцв#талъ ц#лые годы въ огромной педагогической теплиц#, и слава мудраго доктора достигала до необозримой высоты, когда онъ отправлялъ, наконецъ, свои зимнія растенія на ихъ родимую сторону, подъ кровлю родственниковъ и друзей.

Однажды, на порог# докторскаго дома, остановился съ трепещущимъ сердцемъ маленькій Павель, ведомый за одну руку отцомъ, за другую – Флоренсой. Позади, какъ злов#щій воронъ, шествовала м-сь Пипчинъ, съ своимъ чернымъ плюмажемъ и крючковатымъ носомъ. По-видимому, она задыхалась отъ усталости, потому-что м-ръ Домби, исполненный великихъ мыслей, шелъ очень скоро. Съ трудомъ переводя духъ, она прокаркала охриплымъ голосомъ, чтобы отворили дверь.

– Вотъ, любезный Павель, – сказалъ м-ръ Домби возвышеннымъ тономъ, – вотъ д#йствительное средство наживать денги и сд#латься истиннымъ Домби и Сыномъ. Ты уже почти челов#къ.

– Почти, – отв#чалъ ребенокъ.

Даже д#тское волненіе не могло пересилить лукаваго, хотя вм#ст# трогательнаго взгляда, какимъ сонровождался этотъ отв#тъ.

На лиц# м-ра Домби выступило неопред#ленное выраженіе досады, но въ эту минуту отворилась дверь, и его фізіономія мгновенно приняла свой обыкновенный видъ.

– Дома ли д-ръ Блимберъ? – спросилъ мръ Домби.

– У себя, – отв#чалъ челов#къ, посматривая на Павла, какъ на маленькую мышъ, которая теперь попадалась въ западню. На лиц# лакея, отворившаго дверь, природа провела первые слабые штрихи постоянной улыбки, обличавшей врожденное скудоуміе, выражавшееся и въ его подсл#поватыхъ глазахъ. Но м-сь Пипчинъ приняла его за дерзкаго грубіяна и вспылила ужасн#йшимъ образомъ:

– Какъ вы см#ете ухмыляться? – сказала м-сь Пипчинъ. – За кого вы меня принимаете?

– Я не см#юсь и ни за кого не принимаю васъ, – отв#чалъ озадаченный лакей.

– Нев#жа! – продолжала м-сь Пипчинь, – ступайте, доложите, что пришел м-рь Домби, не то я съ вами расправлюсь.

Подсл#поватый малый тихими шагами пошелъ съ докладомъ и скоро воротился пригласить гостей въ докторскій кабинетъ.

– Вы опять см#етесь, – сказала м-сь Пипчинь, проходя въ залу.

– Да не см#юсь же я, сударыня, право, не см#юсь.

– Что тамъ у васъ, м-сь Пипчинь? – сказалъ м-рь Домби, оглядываясь назадъ. – Пожалуйста, потише.

М-сь Пипчинь усмирилась и, проходя мимо лакея, пробормотала только: "Ухъ, какой красавецъ!" Подсл#поватый парень чуть не заплакалъ отъ этого комплимента. Онъ представлялъ изъ себя воплощенную кротость и смиреніе; но м-сь Пипчинь, посл# перувіанскихъ рудниковъ, им#ла обычай нападать на вс#хъ кроткихъ людей.

Докторъ сид#лъ въ своемъ огромномъ кабинет#, заваленный книгами и держа по глобусу на каждомъ кол#н#. Надъ дверью стоялъ Гомеръ, а надъ каминомъ красовалась Минерва.

– Какъ ваше здоровье, сэръ? – спросилъ онъ м-ра Домби, – и каковъ мой маленькій другъ?

Величавъ и важень былъ голосъ дра Блимбера, какъ торжественный звукъ органа въ англиканской церкви. Когда онъ кончилъ, Павлу показалось, будто ст#нные часы перебили его р#чь и начали всл#дъ за нимъ повторять: ка-ко-въ-мой-ма-ле-нь-кій-другъ-ка-ко-въ-мой-ма-лень-кій-другъ, – и такъ дал#е, и такъ дал#е, до безконечности.

Не видя маленькаго друга изъ-за книгъ черезъ столъ, д-рь Блимберъ д#лалъ на своихъ креслахъ бесполезныя покушенія разгляд#ть его изъ-подъ стола. М-рь Домби облегчилъ затрудненіе, взявши на руки своего сына и поставивъ его на другой большой столъ среди комнаты, прямо передъ глазами доктора.

– А! – сказалъ докторъ, величаво облокачиваясь на ручки кресель. – Теперь вижу моего маленькаго друга. Какъ ваше здоровье, мой маленькій другъ?

Но ст#нные часы, не изм#няя формы прив#тствія, по прежнему повторяли: ка-ко-въ-мой-ма-лень-кій-другъ-ка-ко-въ-мой-ма-лень-кій-другъ!

– Очень хорошо, благодарю васъ, – сказалъ Павелъ, отв#чая часамъ и доктору вм#ст#.

– А! – сказалъ д-рь Блимберъ, – Должны ли мы сд#лать изъ него мужа?

Павелъ молчалъ. М-рь Домби, обращаясь къ нему, спросилъ:

– Слышишь ли, Павелъ?

– Должны ли мы сд#лать изъ него мужа? – повторилъ Блимберъ.

– Я желалъ бы лучше остаться ребенкомъ, – отв#чалъ Павелъ.

– Неужели! – сказалъ докторъ. – Почему-же?

Ребенокъ сид#лъ на стол# съ любопытнымъ выраженіемъ невольной грусти. Онъ смотр#лъ на доктора и въ то же время судорожно ударялъ одной рукою по кол#ну, какъ будто у него выступали слезы, и онъ хот#лъ подавить ихъ. Но другая рука его протягивалась все дальше и дальше до т#хъ поръ, пока спокойно улеглась на ше# Флоренсы. – Вотъ почему желалъ бы я остаться ребенкомъ, – какъ будто хот#лъ онъ сказать, и слезы, долго удерживаемыя, ручьями полились изъ его глазъ.

– М-сь Пипчинь, – сказалъ отецъ жалобнымъ голосомъ, – мн# крайне непріятно это вид#ть.

– Отойдите отъ него, миссъ Домби, отойдите, – проговорила старуха.

– Ничего, ничего! – сказалъ докторъ, ласково кивая головой и удерживая м-сь Пипчинь. – Ничего: скоро его развлекутъ новыя впечатл#нія, новыя заботы. Мы постараемся. Вы хот#ли бы, м-рь Домби, чтобы маленькій мой другъ приобр#лъ...

– Все долженъ онъ пріобр#сть, все, любезный докторъ, – отв#чалъ м-ръ Домби твердымъ голосомъ.

– Да, – сказалъ докторъ, улыбаясь и прищуривая глаза. Онъ, казалось, наблюдалъ маленькаго Павла съ напряженнымъ любопытствомъ естествоиспытателя, – который собирався сд#лать чучело изъ новаго животнаго.

– Да, – повторилъ докторъ съ н#которою живостью, – именно такъ. Мы обогатимъ разнообразными познаніями нашего маленькаго друга и быстро подвинемъ его впередъ. Въ этомъ ручается моя опытность. Вы, кажется, говорили, м-ръ Домби, что сынъ вашъ еще совершенно д#вственная почва?

– Онъ готовился немного дома и у этой леди, – отв#чалъ м-ръ Домби, указывая на м-съ Пипчинъ, которая вдругъ вытянулась при этомъ въ струнку, приготовившись какъ будто вызвать доктора на бой, если бы тотъ вздумалъ обвинить ее. – Кром# этихъ предварительныхъ св#д#ній, Павелъ еще ничего не ум#лъ и ничему серьезно не учился.

Д-ръ Блимберъ слегка наклонилъ голову въ знакъ снисходительной терпимости къ нарушенію его педагогическихъ правъ со стороны м-съ Пипчинъ.

– Впрочемъ, – зам#тилъ онъ, потирая руками, – было бы пріятн#е начинать образованіе отъ первыхъ корней.

И тутъ онъ опять искоса взглянулъ на Павла, какъ будто сейчасъ же хот#лъ напасть на него съ греческимъ алфавитомъ.

– Посл# нашихъ предварительныхъ условій и переговоровъ, господинъ докторъ, – началъ м-ръ Домби, взглянувъ еще разъ на своего сына, – и посл# этого свиданія, довольно продолжительнаго, я нахожу, что н#тъ бол#е надобности отнимать у васъ драгоц#нное время, и поэтому...

– Вы опять за свое, миссъ Домби! – брюзгливо проговорила м-съ Пипчинъ.

– Погодите на минуту, – сказалъ докторъ, – погодите. Позвольте представить вамъ мою жену и дочь, которыя въ домашней жизни поведутъ на Парнасъ нашего маленькаго пилигрима. Вотъ моя жена, м-съ Блимберъ, – продолжалъ докторъ, указывая на леди, которая вошла въ сопровожденіи степенной д#вицы, вооруженной очками, – а это, м-ръ Домби, дочь моя, Корнелія. М-ръ Домби, моя милая, – продолжалъ докторъ, обращаясь къ жен#, – вв#ряетъ нашей заботливости, видишь ли ты, нашего маленькаго друга?

М-съ Блимберъ, въ припадк# учтивости къ м-ру Домби, по-видимому, не зам#тила маленькаго Павла и, останавливаясь къ нему задомъ, чуть не столкнула его со стола. Но при этомъ намек# она оборотилась и съ восторженнымъ видомъ начала любоваться умными классическими чертами его лица.

– Завидую вамъ, сэръ, – сказала она, – поднимая глаза и обращаясь къ м-ру Домби, – чрезвычайно завидую. Сынъ вашъ, какъ пчела, пересаживается теперь въ отборный цв#тникъ и будетъ питаться сладчайшимъ сокомъ растений. Виргилій, Горацій, Овидій, Теренцій, Плавтъ, Цицеронъ: какіе цв#ты! какой медъ! Вы, конечно, м-ръ Домби, съ удивленіемъ встр#чаете въ женщин#. ... но я им#ю честь быть супругой такого мужа...

– Полно, моя милая, полно, – сказалъ д-ръ Блимберъ. – Какъ теб# не стыдно!

– М-ръ Домби извинить пристрастіе жены, – сказала м-съ Блимберъ съ пл#нительной улыбкой.

– Вовсе н#тъ, – отв#чалъ м-ръ Домби, думая, в#роятно, сказать, что тутъ в_о_в_с_е не было пристрастія.

– Притомъ я им#ю честь быть матерью, – продолжала м-съ Блимберъ.

– И какою матерью! – зам#тилъ м-ръ Домби, кланаясь съ н#которымъ зам#шательствомъ миссъ Корнеліи.

– Если бы ко всему этому, – продолжала м-сь Блимберь, – мн# удалось познакомиться съ Цицерономъ, подружиться съ нимъ и побес#довать въ его Тускуланум# – очаровательный Тускуланум! – я бы умерла спокойно.

Ученый энтузіазмъ, какъ изв#стно, очень заразителенъ. М-ръ Домби на половину пов#риль своей собес#дниц#, и даже м-сь Пипчинъ, вообще не расположенная им#ть о людяхъ хорошее мн#ніе, начинала думать, что Цицеронъ въ самомъ д#л# былъ прекрасн#й-шій челов#къ, и что, если бы судьба благовременно столкнула ее съ нимъ, благородный супругъ ея, охраняемый этимъ геніемъ, в#роятно, не сломилъ бы себ# шеи на перувіанскихъ рудникахъ.

Корнелія выразительно взглянула черезъ очки на м-ра Домби, какъ будто у нея было пламенное желаніе привести н#сколько цитатъ изъ произведеній безсмертнаго генія. Но нечаянный стукъ въ двери пом#шалъ ей привести въ исполненіе это нам#реніе.

– Кто тамъ? – сказалъ докторъ. – Войди, Тутсъ, войди. Ты видишь м-ра Домби.

Тутсъ поклонился.

– Какое странное стеченіе обстоятельствъ! – продолжалъ д-ръ Блимберь. – Передъ нами теперъ начало и конецъ, альфа и омега. Это глава нашего заведенія, м-ръ Домби.

Не только глава, даже и плечи, могъ бы прибавить д-ръ Блимберь, потому что молодой Тутсъ былъ гигантскаго роста, въ сравненіи съ прочими воспитанниками заведенія. Онъ растерялся, покрасн#лъ и оскалилъ зубы, увид#въ себя среди незнакомыхъ людей.

– Прибавленіе къ нашей маленькой академіи, любезный, – сказалъ докторъ. – Это сынъ м-ра Домби.

Молодой Тутсъ покрасн#лъ опять, и такъ какъ всл#дъ за т#мъ воцарилаеь торжественная тишина, то онъ счелъ необходимымъ сказать что-нибудь съ своей стороны.

– Какъ ваше здоровье? – воскликнулъ онъ, наконецъ, обращаясь къ Павлу, и воскликнулъ такимъ басистымъ, но вм#ст# робкимъ, чуть не овечьимъ голосомъ, что если бы вдругъ ягненокъ зарычалъ, какъ левъ или тигръ, это чудо не озадачило бы такъ удивленныхъ зрителей.

– Объяви, Тутсъ, магистру Фидеру, – сказалъ д-ръ Блимберь, – чтобы онъ приготовилъ необходимыя книги для сына м-ра Домби и назначилъ ему приличное м#сто въ классной зал#. Милая моя, – продолжалъ докторъ, обращаясь къ жен#, – м-ръ Домби, кажется, еще не видалъ д#тскихъ опочиваленъ?

– Если м-ру Домби угодно взойти наверхъ, – сказала м-сь Блимберь, – я очень рада показать ему влад#нія Морфея.

Съ этими словами м-сь Блимберь, дама очень услужливая, съ чепчикомъ на голов# изъ матеріи небеснаго цв#та, вышла изъ дверей въ сопровожденіи м-ра Домби и Корнеліи. М-сь Пипчинъ посл#довала за ними, озираясь во вс# стороны въ надежд# встр#тить негоднаго лакея грубіяна.

Пока они ходили, Павелъ продолжалъ сид#ть на стол#, держа за руку Флрренсу и робко устремивъ пытливый взоръ на Блимбера, который, между т#мъ, облокотившись на кресла и заложивъ руку за пазуху, держалъ передъ собою книгу на разстояніи протянутой руки отъ своихъ глазъ. Онъ читалъ, и было что-то ужасное въ этой манер# чтенія, безстрастной, хладнокровной, р#шительной. При этомъ лицо его было совершенно открыто, и когда докторъ благосклонно улыбался своему автору или хмурилъ брови и д#лалъ гримасы, какъ будто говорилъ: "Не рассказывай, любезный, знаю я лучше тебя", – фигура и вс# приемы его поражали зрителя невольнымъ страхомъ.

Молодой Тутсъ, которому тоже нечего было д#лать наверху, остался въ комнат# и самодовольно осматривалъ колеса въ своихъ часахъ, пересчитывая въ то же время свои серебряныя деньги. Но это продолжалось недолго: когда докторъ, перем#няя положеніе, поворотилъ свои толстыя ноги, Тутсъ тихонько вынырнулъ изъ комнаты и уже бол#е не показывался.

Между т#мь м-рь Домби, обзр#въ влад#нія Морфея, воротился въ докторскій кабинетъ.

– Над#юсь, м-рь Домби, – сказалъ докторъ, положивъ книгу на столъ, – нашъ порядокъ удостоился вашего одобренія.

– Превосходный порядокъ! – сказалъ м-рь Домби.

– Очень хорошій, – тихонько сказала м-сь Пипчинъ, вообще нерасположенная къ преувеличеннымъ похваламъ.

– М-сь Пипчинъ, – сказалъ м-рь Домби, озираясь вокругъ, – съ вашего позволенія, докторъ, и также съ вашего, м-сь Блимберъ, хот#ла бы по временамъ нав#щать зд#сь моего сына.

– Можетъ во всякое время, – зам#тилъ докторъ.

– Мы всегда рады вид#ть м-сь Пипчинъ, – благосклонно сказала докторша.

– Стало быть, – сказалъ м-рь Домби, – теперь вс# распоряженія окончены, и вы позволите проститься съ вами.

Тутъ онъ близко подошелъ къ Павлу, который все еще сид#лъ на стол#.

– Прощай, милое дитя! – сказалъ м-рь Домби.

– Прощай, папа.

Лицо ребенка, небрежно протянувшего руку отцу, приняло тревожное, заботливое выраженіе. Но не отецъ былъ предметомъ этой заботы, и не на него обратилось печальное личико. Н#тъ, Флоренсу искалъ маленькій Павелъ, и только Флоренсу, всегдашній предметъ своей н#жной привязанности.

Если бы м-рь Домби, въ своемъ безумномъ высоком#ріи гордаго богача, нажилъ себ# врага, жестокаго, мстительнаго, непримиримаго, даже такой врагъ въ настоящую минуту забылъ бы о мщеніи, вполн# довольный мучительною скорбью, раздиравшею сердце его обидчика.

Онъ нагнулся и поц#ловалъ ребенка. Если глаза его въ эту минуту о_т_ч_е_г_о_т_о потускн#ли, и онъ не могъ хорошенько разгляд#ть маленькое личико, зато, быть можетъ, умственный взоръ его прояснился теперь бол#е, ч#мъ когда-либо.

– Скоро мы увидимся, Павелъ. По субботамъ и воскресеньямъ ты свободенъ.

– Знаю, папа, – отв#чалъ Павелъ, взглянувъ на сестру, – по субботамъ и воскресеньямъ я свободенъ.

– И ты будешь учиться хорошо, – продолжалъ м-рь Домби, – не правда ли?

– Постараюсь, папа, – отв#чалъ ребенокъ тономъ слишкомъ уставшаго челов#ка.

– И теперь ты скоро вырастешь большой, – сказалъ м-рь Домби.

– Охъ, очень скоро! – проговорилъ ребенокъ, и взоръ его, старый, очень старый взоръ, обращенный на м-сь Пипчинъ, замеръ и потухъ въ ея черномъ бомбазиновомъ плать#. Она тоже, съ своей стороны, подошла проститься и оторвать отъ него Флоренсу. Движеніе, ею произведенное, разбудило м-ра Домби, глаза котораго были неподвижно обращены на Павла. Еще разъ онъ погладилъ его по голов#, пожалъ его маленькую руку и, холодно разкланявшись съ докторскимъ семействомъ, посп#шно вышелъ изъ кабинета.

Д-рь Блимберъ, м-сь Блимберъ и миссъ Блимберъ сп#шили проводить дорогого гостя въ залу, хотя тотъ просилъ ихъ не беспокоиться, и когда они поб#жали за м-ромъ Домби, м-сь Пипчинъ завязла между докторомъ и его женой и вм#ст# съ ними вышмыгнула изъ комнаты, прежде ч#мъ усп#ла захватить Флоренсу. Этому счастливому обстоятельству Павелъ былъ вполн# обязанъ пріятнымъ воспоминаніемъ, что Флоренса еще разъ воротилась съ нимъ проститься и обвить руками его шею. Оставаясь посл#днею въ дверяхъ, она посылала милому брату улыбку одобренія, ярко заблеставшую черезъ слезы на ея глазахъ.

И тяжело стало д#тскому сердцу, когда исчезла, наконецъ, эта улыбка! Глобусы, книги, сл#пой Гомеръ и Минерва, – все запрыгало и закружилось вокругъ маленькаго Павла;

но вдругъ эти предметы остановились, и тогда онъ снова услышалъ громкій бой часовъ, которые, какъ и прежде, съ важностью спрашивали: "ка-ко-въ-мой-ма-лень-кій-другъ-ка-ко-въ...", и такъ дал#е до безконечности.

И онъ молча прислушивался къ этимъ звукамъ, сидя на своемъ пьедестал# со сложенными руками. Но ему можно было бы отв#чать: "скучно мн#, скучно, одинокому, усталому, больному!" И по бол#зненной пустот# въ его молодомъ сердц#, вс# предметы были такъ холодны, такъ дики, такъ пусты!

Глава XII Воспитание Павла

Через несколько минут, показавшихся ужасно длинными для маленького Павла Домби, сидевшего на столе, воротился д-р Блимбер, вышагивая важным и величественным образом, вероятно, для того, чтобы произвести торжественное впечатление на юношескую душу. Эта походка была похожа на марш, и когда д-р выставлял правую ногу вперед, он величественно поворачивался на своей оси, выписывая на полу полукруг, и когда выставлялась вперед левая нога, он делал точно такой же поворот к правой. Казалось, при каждом шаге, он осматривался кругом и как будто говорил: "Пусть попытается кто-нибудь и где-нибудь указать мне на предмет, которого я не знаю! Не удастся!"

М-сь Блимбер и мисс Блимбер также воротились вместе с доктором. Педагог поднял со стола нового питомца и передал его мисс Блимбер.

– Корнелия, – сказала д-р, – Домби будет покамест под твоим надзором. Веди его вперед, моя милая, вперед и вперед.

Корнелия приняла из рук д-ра молодого питомца, и Павел потупил глаза, когда почувствовал, что его наблюдали очки.

– Сколько тебе лет, Домби? – спросила мисс Блимбер.

– Шесть, – отвечал Павел и, осматривая молодую милэди, удивлялся, почему у нея волосы не так длинны, как у Флоренсы, и отчего она похожа на мальчика.

– Далеко ли ты в латинской грамматике, Домби? – спросила мисс Блимбер.

– Я не знаю латинской грамматики, – отвечал Павел. Чувствуя, что этот ответ неприятно подвизывал мисс Блимбер, он взглянул вверх на три лица, смотрящих на него вниз, и сказал:

– Я был слабым и больным ребенком, мне нельзя было думать о латинской грамматике, когда каждый день старик Глыбб вывозил меня на морской берег. Вы уже позволите приказать старому Глыббу навещать меня здесь.

– Какое низкое, варварское имя! – сказала м-сь Блимбер, – что это за чудовище, мой милый?

– Какое чудовище? – спросил Павел.

– Да этот Глыбб, – сказала м-сь Блимбер с превеликим отвращением.

– Он такое же чудовище, как и вы, – возразил Павел.

– Как! – вскричал доктор ужасным голосом, – что, что-о-о ты сказал? Ай, ай, ай!

Дрожь пробежала по всем членам маленького Павла; но, несмотря на испуг, он ринулся защищать отсутствующего Глыбба.

– Глыбб очень почтенный старик, – сказал Павел, – он, бывало, возил мою коляску, где я мог лежать и спать, когда и как мне угодно. Он знает все о глубоком море и о рыбах, которые живут там, и о великих чудовищах, которые выходят оттуда и лежат, и грются на скалах под зноем солнечных лучей, и которые опять уходят в море, когда их испугают. При этом, говорит Глыбб, они издают такой шум, что можно их слышать за несколько миль. Есть еще чудовища, не знаю, как они длинны – только очень длинны – и я не помню, как зовут их – Флоренса все это знает; они притворяются несчастными и плачут, будто маленькая дитя, а когда кто-нибудь подойдет к ним из сострадания, они развывают свои огромные челюсти и нападают. Тут одно средство спастись, – сказал Павел, смело сообщая это познание самому другу Блимберу, – надо отбегать на некоторое расстояние и потом вдруг повернуться назад; им нельзя так скоро повернуться, потому что они ужасно длинны. Тут их легко победить, говорит Глыбб. Вообще он много, очень много знает о море, хотя и не может растолковать, отчего все-

гда говорят, одно и то же всегда говорят морскія волны, и почему я такъ часто думаю о своей мам#, когда смотрю на море. Моя мать умерла. Я бы желалъ, – заключилъ ребенокъ, вдругъ теряя одушевленіе и обративъ робкій взоръ на три незнакомыя лица, – чтобы старикъ Глыббъ по временамъ заходилъ сюда нав#щать меня, потому что я знаю его очень хорошо, и онъ меня знаетъ.

– Дурное направленіе! – сказалъ докторъ, – но наука должна истребить негодныя с#мена.

М-съ Блимберъ съ какимъ-то ужасомъ подумала, что это былъ необыкновенный ребенокъ. Она смотр#ла на него съ, такимъ же вниманіемъ, какъ н#когда м-съ Пипчинъ, хотя фізіономія ея не им#ла ничего общаго съ старой в#дьмой.

– Поводи его по дому, Корнелія, – сказалъ докторъ, – и познакомъ съ новой сферой. Домби, ступай съ этой милэди.

Домби повиновался. Онъ подаль руку Корнеліи и съ робкимъ любопытствомъ принялся разсматривать ее съ боку, когда они пошли. Ея очки показались для него ужасно таинственными, и онъ никакъ не могъ разузнать, были ли у нея глаза за этими ярко блестящими стеклами.

Корнелія повела его сперва въ класную комнату, расположенную позади залы, и въ которую вели дв# двери, обитыя фризомъ для того, чтобы заглушить голоса молодыхъ джентльменовъ. Въ комнат# находилось восемь воспитанниковъ въ различныхъ положеніяхъ умственнаго бичеванія: вс# сид#ли за д#ломъ и работали съ большою важностью. Тутсъ, какъ старшій между воспитанникама, им#лъ для себя въ углу комнаты особую конторку.

Магистръ Фидеръ, сид#вшій за другой небольшою конторкой, верт#лъ на этотъ разъ на своемъ единственномъ валу Виргилія, и эту арію унылымъ голосомъ тянули передъ нимъ четыре молодыхъ джентльмена. Изъ остальныхъ воспитанниковъ двое съ напряженнымъ вниманіемъ занимались р#шеніемъ математическихъ задачъ; одинъ употреблялъ судорожныя усилія перекарабкаться до об#да черезъ безнадежное число строкъ, и, наконецъ, посл#дній питомецъ безмолвно смотр#лъ на свою работу съ окамен#лымъ оц#пен#ніемъ и отчаяніемъ.

Появленіе новаго мальчика не произвело на эту компанію никакого впечатл#нія. М-ръ Фидеръ съ щетиной на голов#, которую онъ им#лъ обыкновеніе брить изъ опасенія простуды, подаль маленькому Домби костлявую руку и сказалъ, что весьма радъ его вид#ть. Павелъ, съ своей стороны, былъ бы очень радъ сказать ему то же, если бы могъ это сд#лать хоть съ мал#йшею искренностью. Наученный Корнеліей, онъ поздоровался сперва съ четырьмя джентльменами, расп#вавшими Виргилія, потомъ подаль руку подвижникамъ математическихъ задачъ, раскланялся съ несчастнымъ ратоборцемъ противъ времени, запачканнымъ въ чернилахъ, и, наконецъ, точно такимъ же образомъ познакомился съ оц#пен#лымъ джентльменомъ, отъ котораго в#яло ужаснымъ холодомъ смерти.

Молодой Тутсъ, уже представленный Павлу, только перевелъ духъ и оскалилъ зубы при его приближеніи и молча продолжалъ прерванное занятіе. Работа его была немногосложна и им#ла даже поэтической интересъ: онъ по большей части занимался сочиненіемъ къ самому себ# писемъ отъ знатн#йшихъ особъ, адресуя на конверт#: "М-ру Тутсу, эсквайру, въ Брайтон#". Такую привиллегію Тутсъ получилъ изъ уваженія къ своимъ прежнимъ очень усиленнымъ занятіямъ, которыя, какъ уже сказано, остановили его умственный ростъ въ самую пору расцв#тающей весны. Вс# эти письма онъ хранилъ съ большимъ тщаніемъ въ своемъ стол#.

По соблюденіи этихъ церемоній, Корнелія повела Павла въ верхній этажъ; это путешествіе совершалось съ н#которымъ затрудненіемъ, потому что Павелъ принужденъ былъ ставить об# ноги на каждую ступень. Когда они достигли конца трудной дороги, Корнелія повела своего кліента въ переднюю комнату, выходившую фасадомъ на бурное море, и пока-

зала ему хорошенькую постель у самого окна, гд# на прибитой карточк# прекраснымъ круглымъ почеркомъ было написано: Д_о_м_б_и. На двухъ другихъ постеляхъ въ той же комнат# красовались имена: Б_р_и_г_г_с_ъ и Т_о_з_е_р_ь.

Лишь только они спустились съ л#стницы и вошли въ залу, Павелъ съ изумленіемъ увид#ль, что подсл#поватый малый, смертельно оскорбившій м-сь Пипчинъ, вдругъ схватилъ барабанную палку и началъ безъ милосердія колотить въ м#дный тазъ (gong), пов#шенный въ углу комнаты, какъ будто онъ хот#ль этимъ способомъ выместить на комъ-то свою обиду. Павелъ ожидалъ, что его посадятъ въ карцеръ или, по крайней м#р#, дадутъ выговоръ за такое буйство; но ничего этого не случилось, и молодой парень, над#лавшій шуму по всему дому, спокойно положилъ палку и остановился, какъ ни въ чемъ не бывало. Тогда Корнелія растолковала Домби, что черезъ четверть часа стануть об#дать, и что ему теперь должно отправиться въ классную комнату къ "своимъ друзьямъ".

Домби тихонько прошелъ мимо ст#нныхъ часовъ, безъ умолку осв#домлявшагося о его здоровьи, еще тише пріотворилъ дверь въ классную комнату и прокрался туда, какъ потерянный мальчикъ, искавшій какого-нибудь пристанища. Его друзья разс#ялись по вс#мъ направленіямъ комнаты, за исключеніемъ окамен#лаго пріятели, неподвижнаго, какъ и прежде. М-ръ Фидеръ потягивался во всю длину въ своемъ с#ромъ дорогомъ халат#, какъ будто хот#ль сорвать рукава.

– Охх-хо-хо! Господи твоя воля! – вопіаль м-ръ Фидлеръ, вытягиваясь, какъ ломовая лошадь, – ай-ахъ-ай-ихъхъ!

Павелъ былъ чрезвычайно встревоженъ з#ваньемъ м-ра Фидера, доходившимъ до огромныхъ разм#ровъ, и которое въ самомъ д#л# было ужасно. Вс# мальчики, за исключеніемъ Тутса, были до крайности изнурены, и приготовлялись къ об#ду. Одинъ навязывалъ свой галстухъ, другой вымывалъ руки, третій расчесывалъ волосы, и вс#, казалось, съ нетерп#ніемъ ожидали, пока позовутъ въ столовую.

Молодой Тутсъ, уже совс#мъ готовый, подошелъ, отъ нечего д#лать, къ маленькому Павлу и съ неуклюжимъ добродушіемъ сказалъ:

– Садись, Домби.

– Покорно благодарю, – отв#чалъ Павелъ.

И онъ началъ карабкаться на окно, чтобы с#сть, но никакъ не могъ подняться на такую высоту. Это обстоятельство пробудило новую мысль въ ум# Тутса.

– Какой ты маленькій! – сказалъ м-ръ Тутсъ.

– Да, – отв#чалъ Павелъ, – я очень малъ. Покорно благодарю.

Благодарность относилась къ услужливости Тутса, который пособилъ ему взобраться на окно.

– Кто у тебя портной? – спросилъ Тутсъ, посмотр#въ на него н#сколько минутъ.

– На меня шьетъ женщина, – сказалъ Павелъ, – та же, что и на сестрицу.

– А мой портной – Борджесъ и компанія, – сказалъ Тутсъ, – молодой портной, да только очень дорогой.

У Павла достало смыслу покачать головой, какъ-будто онъ хот#ль сказать: "Это и видно".

– Богатъ у тебя отецъ? – спросилъ Тутсъ.

– Богатъ, – отв#чалъ Павелъ, – отецъ мой Домби и Сынъ.

– И кто? – спросилъ Тутсъ.

– И сынъ, – повторилъ Павелъ.

М-ръ Тутсъ н#сколько разъ повторилъ про себя эту фамилію, стараясь хорошенько запомнить; но, не над#ясь на свою память, сказалъ, что завтра поутру онъ опять объ этомъ спросить, какъ будто фирма Домби и Сына особенно его интересовала. И д#йствительно,

онъ уже занимался составленіемъ плана дружескаго письма къ своей особ# отъ имени Павлова отца.

Въ это время другіе воспитанники, все-таки за исключеніемъ окамен#лаго мальчика, собрались въ кучу. Вс# они были очень бл#дны, говорили тихо, и головы ихъ были забиты до такой степени, что молодой Байтерстонъ могъ служить для нихъ образцомъ остроумія.

– Ты спишь въ моей комнат#, не правда ли? – спросилъ торжественно молодой джентльмень, у котораго воротничекъ изъ подъ рубашки доставалъ до самыхъ ушей.

– Тебя зовутъ Бриггсъ? – спросилъ Павелъ.

– Н#тъ, Тозерь, – отв#чалъ молодой джентльмень.

– Все равно: я сплю въ твоей комнат#.

– Вотъ его зовутъ Бриггсомъ, – продолжалъ Тозерь, указывая на окамен#лаго джентльмена, – а какъ твое здоровье, Домби?

Павелъ отв#чалъ, что онъ довольно слабъ. Тозерь сказалъ, что это и видно по глазамъ; – а очень жаль, – прибавилъ онъ, – потому что тутъ нужно жел#зное здоровье. – Потомъ спросили Павла, не съ Корнеліей ли онъ будетъ учиться? и когда тотъ отв#чалъ: «да», вс# молодые джентльмены, кром# Бриггса, выразили глубокое сожал#ніе.

Опять раздался страшный звонъ м#днаго таза, и въ ту же минуту воспитанники гурьбой пошли въ столовую, все таки однако-жъ за исключеніемъ Бриггса, окамен#лаго мальчика, который остался на своемъ м#ст# въ томъ же положеніи, какъ былъ. Павелъ увид#лъ, что для него въ комнату принесли на тарелк# ломоть хл#ба съ серебряной вилкой, положенной подъ салфетку.

Д-ръ Блимберъ уже сид#лъ въ столовой на своемъ обыкновенномъ м#ст#, на переднемъ конц# стола, а м-съ Блимберъ и миссъ Блимберъ занимали м#ста подл# него. На заднемъ конц# стола, насупротивъ доктора, ус#лся магистръ Фидеръ, явившійся къ об#ду въ черномъ фрак#. Стулъ Павла поставили подл# миссъ Блимберъ, но когда онъ с#лъ, оказалось, что его брови не возвышались надъ уровнемъ столовой скатерти, и потому распорядились положить подъ это с#далище н#сколько книгъ, принесенныхъ изъ докторскаго кабинета. Съ той поры Павелъ всегда приходилъ съ этими книгами, и его м#сто подл# миссъ Корнеліи утвердилось на законномъ основаніи.

Докторъ прочиталъ молитву, и об#дъ начался. Первымъ блюдомъ былъ супъ, за которымъ сл#довали жареная говядина, вареная говядина, зелень, пирогъ и сыръ. За столомъ вся сервировка была прекрасна и величественна. Передъ каждымъ молодымъ джентльменомъ лежали солфетка и массивная серебряная вилка. Буфетчикъ въ синемъ фрак# съ св#тлыми пуговицами разносилъ кушанья и величественно разливалъ по стаканамъ пиво, какъ будто въ рукахъ его была бутылка съ дорогимъ виномъ.

Никто, если не былъ спрошенъ, не говорилъ ни слова, кром# д-ра Блимбера, м-съ Блимберъ и миссъ Блимберъ. Какъ скоро молодой джентльмень не былъ занятъ вилкой, ножомъ или ложкой, глаза его по какомуто невольному притяженію обращались на доктора, на докторшу или докторскую дочь. Одинъ Тутсъ составлялъ исключеніе изъ этого правила. Занимая м#сто на одной сторон# съ Павломъ подл# м-ра Фидера, онъ безпрестанно выставлялъ голову впередъ или назадъ и старался поймать взоръ новаго пришельца.

Разъ только во время об#да завязался разговоръ, въ которомъ, по непредвид#нному случаю, принялъ невольное участіе молодой джентльмень. Это было за сыромъ, когда докторъ, выкушавъ стаканъ портеру, кашлянулъ два или три раза и началъ такимъ образомъ:

– Достойно зам#чанія, м-ръ Фидеръ, что римляне...

При имени этого ужаснаго народа, непримиримаго врага всей молодой компаніи, джентльмены устремили глаза на доктора, приготовившись выслушать ученую р#чь съ почтительнымъ вниманіемъ. Въ это время одинъ изъ воспитанниковъ, допивая пиво, слу-

чайно встр#тился съ глазами доктора, и вдругъ, поставивъ стаканъ, почувствовалъ судорожные припадкы перхоты. Докторъ долженъ былъ пріостановиться.

– Достойно зам#чанія, м-ръ Фидеръ, началъ онъ снова прерванную р#чь, – что римляне во времена императоровъ, когда роскошь достигла необыкновенной высоты, прежде неслыханной, и когда штатгалтеры опустошали ц#лыя провинціи и разоряли жителей единственно для того, чтобы добыть средства для одного императорскаго об#да...

Зд#сь несчастный воспитанникъ, который долго раздумывалъ и пыхт#лъ, чтобы пере-силить судорожный припадокъ, разразился, наконецъ, самымъ громкимъ кашлемъ.

– Джонсонъ, – сказалъ м-ръ Фидеръ тономъ легкаго упрека, – выпей воды.

Докторъ бросилъ суровый взглядъ и дожидался, пока Джонсону подавали стаканъ. Потомъ онъ началъ опять:

– И когда, м-ръ Фидеръ...

Но м-ръ Фидеръ не могъ оторвать глазъ отъ Джонсона, который снова готовился разразиться, какъ бомба.

– Извините, сэръ, – сказалъ магистръ.

– И когда, – сказалъ докторъ, возвышая голосъ, – когда братъ Вителлія – д#йстви-тельность факта, совершенно, впрочемъ, нев#роятнаго для толпы нашего времени, подтверждается современными писателями, заслуживающими полного дов#рія – и когда, говорю я, братъ Вителлія приготовилъ об#дъ, за которымъ подано было дв# тысячи рыбныхъ блюды...

– Выпей воды, Джонсонъ... Рыбныхъ блюды господинъ докторъ, – сказалъ м-ръ Фидеръ.

– Пять тысячъ блюды изъ различныхъ сортовъ домашней птицы...

– Или закуси коркой хл#ба, – сказалъ м-ръ Фидеръ.

– И одно блюдо, – продолжалъ д-ръ Блимберъ, еще бол#е возвышая голосъ и озираясь вокругъ стола, – блюдо, названное по причин# его огромной величины "щитомъ Минервы", и приготовленное, между прочими дорогими приправами, изъ фазаньихъ мозговъ.

– Кхи, кхи, кхи! (восклицаніе Джонсона)

– Изъ мозговъ куликовъ...

– Кхи, кхи, кхи!

– Изъ внутреннихъ частей рыбы, называемой scari...

– У тебя лопнетъ жила на голов#, – сказалъ м-ръ Фидеръ, – ты ужъ лучше дай себ# волю.

– И еще изъ внутренностей миноги, добытой въ Карпатскомъ мор#, – продолжалъ докторъ строгимъ голосомъ, – когда мы читаемъ объ этихъ роскошныхъ пирахъ и сверхъ того припомнимъ еще, что Титъ...

– Что подумаетъ б#дная мать, когда съ тобой сд#ляется апоплексическій ударъ! – сказалъ м-ръ Фидеръ.

– Домиціанъ...

– Ты весь посин#лъ, – сказалъ м-ръ Фидеръ.

– Неронъ, Тиберій, Калигула, Геліогабалъ и многіе другіе, – продолжалъ докторъ, – это, однако-жъ, зам#чательно, сэръ, если вамъ угодно меня слушать, очень зам#чательно.

Но съ воспитанникомъ въ эту минуту сд#лался такой ужасный припадокъ кашля, что товарищи начали колотить его въ спину, м-ръ Фидеръ поднесъ къ его губамъ стаканъ воды, а буфетчикъ долженъ былъ н#сколько разъ провести его по комнат#. Суматоха продолжалась не мен#е пяти минутъ, и когда, наконецъ, Джонсонъ началъ мало-по-малу приходитъ въ нормальное положеніе, въ комнат# воцарилось глубочайшее молчаніе.

– Господа, – сказалъ дръ Блимберъ, – вставайте на молитву! Корнелія, сними Домби. Джонсонъ, завтра поутру передъ завтракомъ ты прочтешь мн# наизусть по греческому тексту

изъ Новаго зав#та первое посланіе Павла къ Ефесеямъ. Наши занятія, м-ръ Фидеръ, начнутся черезъ полчаса.

Молодые джентльмены поклонились и ушли. М-ръ Фидеръ сд#лалъ то же. Въ этотъ короткій промежутокъ времени до начатія уроковъ воспитанники стали бродить попарно рука объ руку по небольшой площадк# за домомъ, а н#которые напрасно покушались засв#тить отрадный лучъ надежды въ омертв#ломъ сердц# Бриггса; но никто не позволилъ себ# унизиться до игры. Въ условленное время снова раздался громкій бой м#днаго таза, и классная комната наполнилась учениками, подъ предводительствомъ доктора Блимбера и м-ра Фидера.

Такъ какъ посл#об#денный отдыхъ, по милости Джонсона, продолжался нын#шній день мен#е обыкновеннаго, то вечеромъ передъ чаемъ воспитанники вышли гулять, и на этотъ разъ даже Бриггсъ принялъ участіе въ общемъ развлеченіи. Вм#ст# съ питомцами вышелъ и самъ д-ръ Блимберъ, ведя подъ руку маленькаго Павла.

Чайная церемонія была столько же великол#пна, какъ и об#денная. По окончаніи ея, молодые джентльмены встали изъ-за стола, раскланялись и пошли повторять свои уроки, а м-ръ Фидеръ удалился въ свою комнату. Павелъ, между т#мъ, забился въ уголокъ и старался угадать, что-то теперь думаетъ о немъ Флоренса. Въ этомъ уб#жищ# его отыскалъ м-ръ Тутсъ, задержанный на н#сколько минутъ чрезвычайно важнымъ письмомъ отъ герцога Веллингтона. Долго смотр#лъ онъ на него, не говоря ни слова, соображая, по-видимому, какъ бы начать разговоръ.

– Любишь ли ты жилеты, Домби? – спросилъ онъ наконецъ.

– Да, – сказалъ Домби.

– И я люблю, – сказалъ Тутсъ.

Больше ничего не придумалъ сказать м-ръ Тутсъ, не перестававшій весь вечеръ разсматривать маленькаго Павла, который, по-видимому, очень ему нравился. Павелъ, съ своей стороны, тоже не хот#лъ начинать разговора, такъ какъ молчаніе больше соотв#тствовало его ц#лямъ.

Въ восемь часовъ молодое общество снова собралось въ столовую на молитву, передъ которой буфетчикъ предложилъ хл#бъ, сыръ и пиво джентльменамъ, желавшимъ прохладить себя этими лакомствами. Церемонія окончилась словами доктора: "Господа, завтра поутру занятія наши начнутся въ семь часовъ". Тутъ только маленькій Павелъ въ первый разъ зам#гилъ у Корнеліи глазъ, который теперь былъ обращенъ прямо на него. Когда докторъ произнесъ эти слова: "Господа, завтра поутру занятія наши начнутся въ семь часовъ", молодые джентльмены раскланялись и пошли въ спальни.

Облегчая душу откровеннымъ разговоромъ, Бриггсъ сказалъ въ спальню своимъ товарищамъ, что у него ужасно разломило голову, и что онъ очень бы желалъ умереть, если бы не жаль было матери и чернаго дрозда, который остался у него дома. Тозеръ говорилъ мало, зато много вздыхалъ и сов#говалъ Павлу держать ухо востро, потому что завтра и до него дойдетъ очередь. Посл# этихъ пророческихъ словъ онъ разд#лся и легъ въ постель. Когда Бриггсъ и Павелъ тоже накрылись од#ялами, въ спальню вошелъ подсл#поватый паренъ, потушилъ огонь и пожелалъ джентльменамъ спокойной ночи и пріятнаго сна. Но это искреннее желаніе не принесло своихъ плодовъ. Павелъ, который долго не могъ заснуть, да и посл# часто просыпался, зам#гилъ, что Бриггса ужасно давитъ его урокъ, какъ домовой, а Тозеръ, подавляемый во сн# такими же впечатл#ніями, хотя въ меньшей степени, разговаривалъ на неизв#стныхъ языкахъ, бормоталъ греческія и латинскія фразы, равно непонятныя для Павла. Все это среди ночного безмолвія производило какое-то дикое и крайне непріятное впечатл#ніе.

Наконецъ, сладкій сонъ сомкнулъ утомленные глаза маленькаго Павла, и пригрезилось ему, будто гуляетъ онъ подъ руку съ Флоренсой въ прекрасномъ саду, будто любятъся они цв#тами и подходятъ къ огромному подсолнечнику, который вдругъ вревратился въ м#дный

тазь и загуд#ль престрашнымъ образомъ надъ самымъ ухомъ. Открывъ глаза, онъ увид#ль пасмурное зимнее утро съ мелкимъ дождемъ и въ то же время д#йствительно услышалъ громкіе звуки таза, подававшего страшные сигналы къ приготовленію въ классъ.

Товарищи его уже встали. У Бриггса отъ печали и ночного кошмара лицо опухло и раздулось до такой степени, что почти не видно было глазъ. Онъ над#валь сапоги и казался въ самомъ дурномъ расположеніи духа, точно такъ же, какъ Тозерь, который былъ уже совс#мь од#тъ и стоялъ передъ окномъ, вздрагивая и подергивая плечами. Б#дный Павелъ, отъ непривычки, не могъ од#ться самъ собою и попросилъ товарищей сд#лать милость подтянуть ему шнурки; но Бриггсъ сказалъ только: "пошелъ прочь", а Тозерь проговорилъ: «уби-райся» и отвернулся къ окну. Ребенокъ кое-какъ снарядился и сошелъ въ нижній этажъ, гд# увид#ль красивую молодую женщину въ кожаныхъ перчаткахъ, выгребавшую золу изъ камина. Казалось, она была чрезвычайно изумлена появленіемъ ребенка, и спросила, гд# его мать. Когда Павелъ сказалъ, что она умерла, молодая женщина скинула перчатки, сд#лала, что для него было нужно, отогр#ла его руки, поц#ловала его и сказала, что если еще когда-нибудь окажется въ чемъ нужда – разум#ется относительно платья, – то ему стоитъ только позвать Мелію, и она сейчасъ къ его услугамъ. Павелъ поблагодарилъ отъ всего сердца и тихонько поплелся въ классъ, гд# молодѣе джентльмены готовились къ своимъ урокамъ; но проходя мимо одной непритворенной комнаты, онъ услышалъ голосъ.

– Ты ли это, Домби?

– Я, миссъ.

Это была Корнелія, и Павелъ узналъ ее по голосу.

– Войди сюда, Домби, – сказала миссъ Блимберъ.

И Павелъ вошелъ. Миссъ Блимберъ была точно въ такомъ же костюм#, какъ и наканун#, за исключеніемъ шали на ея плечахъ. Очки уже красовались на ея носу, и Павелъ спрашивалъ себя, неужели она и спитъ въ нихъ. У нея была особая маленькая комната съ книжнымъ шкафомъ и безъ камина; но миссъ Блимберъ никогда не чувствовала холоду и расположенія къ сонливости.

– Ну, Домби, теперь я выхожу, – сказала миссъ Блимберъ.

Павелъ удивился, куда и зач#мъ идетъ она въ такую дурную погоду и почему вм#сто себя не пошлетъ слугу, но онъ не сд#лалъ никакого зам#чанія и обратилъ все свое вниманіе на маленькую кипу новыхъ книгъ, лежавшихъ на столик# миссъ Блимберъ.

– Это твои книги, Домби, – сказалъ миссъ Блимберъ.

– Вс# мои, миссъ?

– Вс#, – отв#чала Корнелія. – М-ръ Фидеръ скоро купитъ для тебя еще, если будешь хорошо учиться.

– Покорно благодарю, – сказалъ Павелъ.

– Такъ теперь я иду, – продолжала миссъ Блимберъ, – и пока я хожу, то есть, съ этого часа до завтрака, ты долженъ прочесть все, что зд#сь отм#чено карандашемъ, и посл# скажешь, все ли ты хорошо понялъ. Не теряй времени, Домби; теб# надобно торопиться... Ступай внизъ и начинай.

– Слушаю, миссъ, – отв#чалъ Павелъ.

Книгъ было такъ много, что хотя Павелъ ухватился за нихъ об#ими руками, придерживая верхнюю подбородкомъ, средняя книга выскользнула, прежде ч#мъ онъ дошелъ до двери, и тогда весь этотъ грузъ попадалъ на полъ.

– Ахъ, Домби, Домби, какой ты неосторожный! – сказала миссъ Блимберъ и нагрозила его снова. На этотъ разъ Павелъ, тщательно соблюдая равнов#сіе, благополучно вышелъ изъ комнаты; но на дорог# онъ уронилъ дв# книги на л#стниц#, одну на полъ въ первомъ этаж# и еще одну передъ классной комнатой. Положивъ остальные на свой столикъ, онъ долженъ былъ воротиться и подобрать растерянное сокровище. Когда, наконецъ, вся библіотека была

собрана, онъ вскарабкался на свое м#сто и принялся за работу, ободренный зам#чаніемъ Тозера, который сказалъ – только: "Попался, любезный", и ужъ бол#е ничего не говорилъ ни онъ, ни его товарищи, вплоть до самаго завтрака. Когда завтракъ, продолжавшійся съ обыкновенной торжественностью, былъ оконченъ, Павелъ поплелся наверхъ за миссъ Корнеліей.

– Ну, Домби, – сказала миссъ Блимберъ, – что ты зд#лалъ съ книгами?

Книги были англійскія, но больше латинскія, объяснявшія употребленіе членовъ, торговлю древнихъ кар#агенянь, склоненіе существительныхъ, крестовые походы, правила ор#ографіи, построеніе Рима и б#глый взглядъ на ходъ образованія вообще, съ приложеніемъ таблицы умноженія. Когда Павелъ разобралъ урокъ подъ номеромъ вторымъ, онъ нашель, что ничего не знаетъ изъ перваго номера, и когда потомъ добрался до номеровъ третьяго и четвертаго, въ голов# его образовались понятія врод# сл#дующихъ: трижды четыре – Аннибаль, пять изъ дв#надцати – Ніс, haes, hoc, глаголь согласуется съ древнимъ британцемъ, а существительныя должны стоять въ одномъ падеж# съ крестовыми походами.

– Ахъ, Домби, Домби, – сказала миссъ Блимберъ, – какой ты безтолковый!

– Вотъ если бы позвать сюда старика Глыбба, – сказалъ Павелъ, – я бы лучше сталъ понимать. Прикажете позвать его, миссъ.

– Какія глупости! – проговорила миссъ Блимберъ. – Не см#й никогда говорить о Глыбб#, тутъ не м#сто этимъ уродамъ. Впередъ бери съ собой, Домби, только по одной книг#, и, когда выучишь одинъ урокъ, приходи за другимъ. Возьми теперь верхнюю книгу и ступай въ классъ.

Миссъ Блимберъ выразилась насчетъ безтолковости Павла съ видимымъ удовольствіемъ и, казалось, была рада, что будетъ им#тъ съ нимъ постоянныя сообщенія. Павелъ удалился, какъ ему вел#ли, съ верхней книгой, и началъ долбить урокъ. Иной разъ ему удавалось прочесть его наизусть слово въ слово, въ другой – онъ не помнилъ ни одного слова; но, наконецъ, онъ отважился явиться съ отчетомъ къ миссъ Блимберъ, которая, закрывъ и бросивъ поданную ей книгу на столъ, – проговорила: "Ну, Домби, читай; я слушаю". Павелъ былъ такъ озадаченъ этой, неожиданной выходкой, что р#шительно забылъ вытверженный урокъ и смотр#лъ съ глубочайшимъ изумленіемъ на ученую д#вицу, у которой вс# печатныя книги были въ голов#.

При всемъ томъ, ему удалось выказать себя съ весьма хорошей стороны, и миссъ Блимберъ, сд#лавши теперь лестный отзывъ о его способностяхъ, снабдила его другимъ урокомъ, а потомъ еще другимъ, такъ что до об#да онъ вытвердилъ всего четыре урока, но зато чувствовалъ, посл# этой головоломной работы, величайшее головокруженіе и ходилъ, какъ сонный, точно такъ же, какъ и другіе молодые джентльмены, за исключеніемъ, разум#ется, Тутса, который, получивъ письмо отъ какого-то влад#тельнаго князя, былъ въ очень веселомъ расположеніи духа. Павелъ дивился, отчего ст#нные часы, безъ устали повторяя одинъ и тотъ же вопросъ, никогда не говорили: "Господа, мы начнемъ теперь свои занятія": эта фраза безпрестанно произносилась передъ ними. Ученье двигалось и кружилось, какъ могучее колесо, вытягивая и растягивая умственные фибры молодыхъ джентльменовъ.

Посл# чаю, при св#т# лампъ, опять начались уроки и приготовленія къ завтрашнему дню: все зубрило и долбило до той поры, пока сладкій сонъ на н#сколько часовъ не приводилъ въ забвеніе этого умственного бичеванія.

О суббота, вождед#нная, трикраты вождед#нная суббота! день веселія, день блаженства, когда Флоренса, въ изв#стную часъ, въ изв#стную минуту, незадерживаемая никакой погодой, никакими препятствіями, хотя м-съ Пипчинъ грызла и терзала ее безъ всякаго милосердія, приходила въ учебное заведеніе д-ра Блимбера. Эти субботы были истинными днями об#тованнаго успокоенія для двухъ маленькихъ израильтянь между христіанами, для брата и сестры, соединенныхъ священнымъ чувствомъ любви.

Даже воскресные вечера – тяжелые вечера, т#нь которых омрачала уже воскресная утра – не могли испортить этой драгоценной субботы. Тогда, гд# бы ни бродили они, гд# бы ни сид#ли, на привольном морском берегу или в душевной комнат# м-сь Пипчинь, для Павла это все равно: с# ним была Флоренса, и больше ни в ком# он# не нуждался! с# ним была Флоренса, которая нап#вала ему н#жную п#сенку или покоила его утомленную голову на своих кол#нях, и когда, наконец, в роковой воскресный вечер темная докторская дверь поглощала б#днаго Павла на другую нед#лю, он# прощался только с# Флоренсой, и ни с# к#м# бол#е!

Когда м-сь Виккем# была выписана из Брайтона в Лондон#, м#сто ея в дом# м-сь Пипчинь заняла Сусанна Ниппер# Выжига, теперь молодая и очень красивая женщина, расторопная и бойкая, которая как раз# пришлась под# пару м-сь Пипчинь, встр#тившей первый раз# в жизни приличную для себя парт#ю. В первый же день по прибыт#и в Брайтон#, мисс# Ниппер# объявила ей войну, непримиримую войну на жизнь и смерть, и в короткое время уже дала н#сколько сражений с# блистательным усп#хом#. Она не просила и не давала пощады. Она сказала: "Будет# война", и война была, и м-сь Пипчинь с# этой поры жила среди нечаянных нападений, непредвид#нных засад#, см#лых вызовов#. Сусанна тормозила и опустошала своего неприятеля всегда и везд#: за котлетами, за сладкими пирогами, в# зал#, в# столовой, в# спальн#.

Однажды, вечером в воскресенье, посл# окончательного прощанья с# Павлом#, Флоренса, воротившись домой, вынула из ридикюля небольшой лоскуток бумаги, на котором было написано н#сколько слов# карандашом#.

– Смотрите сюда, Сусанна, – сказала она, – вот это заглав#я т#х# книжек#, что Павел# приносит домой. Я списала их# прошлую ночь, когда он# читал#, б#дняжка, несмотря на крайнюю усталость.

– С# чего вы взяли показывать их# мн#, мисе# Флой? – возразила Сусанна. – Я скор#е соглашус# смотр#ть на м-сь Пипчинь.

– Вы потрудитесь, пожалуйста, Сусанна, купить для меня эти книги завтра поутру. У меня довольно денег#, – сказала Флоренса.

– Это что за новости, мисс# Флой? – с# живостью возразила мисс# Ниппер#. – Как# вы можете говорить такой вздор#, когда у вас# и без# того ц#лыя груды книг#, и когда м-р# Домби, по вашей милости, нагнал# сюда ц#лую свору учителей и учительниц# – чорт# бы их# побрал# – хотя, сказать правду, вашему папеньк# никогда бы не пришлось в голову выучить вас# чему-нибудь, если бы вы сами ему не надо#ли; но согласиться на просьбу и предложить без# просьбы – дв# вещи разные, мисс# Флой. Вот если бы ко мн# посватался какой-нибудь красивый парень и сказал#: "Сусанна, будь моей женой". – «Изволь», отв#чала бы я; но в#дь это не то, что сказать: "Полюби меня, любезный, мн# хочется замуж#".

– Пожалуйста, купите, Сусанна, мн# очень нужны эти книги.

– А зач#м# вам# их#, мисс# Флой? – спросила Ниппер# и прибавила немножко потише, – если вы хотите разmozжить ими. голову м-сь Пипчинь, я, по жалуй, накуплю их# ц#лую тел#гу.

– Мн# кажется, я могу немного пособлять б#дному Павлу, когда у меня будут# эти книги, и облегчать его нед#льные занят#я. По крайней м#р#, попытаюсь. Купите, пожалуйста, я никогда не забуду этой услуги.

И Флоренса сопровождала свою просьбу таким# умоляющим взором#, что Сусанна, не д#лая бол#е никаких возражений, взяла из# ея рук# маленьк#й кошелек# и тут# же отправилась рысью исполнять поручение.

Добыть это сокровище было не так# легко. В# одной лавк# сказали, что таких# книг# никогда не водилось; в# другой, что в# прошлом# м#сяц# было их# пропасть, а теперь н#ть ни одной, в# третьей, что на будущей нед#л# привезут# их# ц#лую гибель. Но Сусанна была

не такая д#вушка, чтобы придти въ отчаяніе отъ этихъ пустяковъ. Она завербовала въ знакомой лавк# молодого б#локураго парня въ черномъ коленкоровомъ передник#, и, отправившись на поиски вм#ст# съ нимъ, начала по вс#мъ возможнымъ направленіямъ таскать его назадъ и впередъ, такъ что услужливый малый совершенно выбился изъ силъ и готовъ былъ сд#лать все на св#т#, лишь бы только отвязаться отъ своей спутницы. Наконецъ, книги были найдены, куплены, и Сусанна съ торжествомъ возвратилась домой.

Съ этимъ сокровищемъ, по окончаніи собственныхъ уроковъ, Флоренса сид#ла по ночамъ въ своей комнат# и сл#дила за братомъ по колючимъ кустарникамъ книжнаго странствованія. При быстрыхъ способностяхъ и р#дкой см#тливости, молодая д#вушка, одушевленная любовью, этимъ могущественнымъ наставникомъ, въ скоромъ времени догнала своего брата, сравнялась съ нимъ и перегнала его.

Ни поль-слова объ этомъ не было сказано м-съ Пипчинъ. Флоренса всегда трудилась по ночамъ за своимъ рабочимъ столикомъ, когда вс# въ дом# спали кр#пкимъ сномъ, кром# Сусанны, которая обыкновенно сид#ла подл# нея съ папильотками въ волосахъ и заспанными глазами, между т#мъ какъ пепель уныло хруст#ль въ камин#, превращаясь въ золу, и догоравшія св#чи печально вторили ему передъ своимъ посл#днимъ издыханіемъ. Быть можетъ, смотря на это труженичество или, правильн#е, на это высокое самопожертвованіе, м-съ Чиккъ согласились бы, наконецъ, признать тутъ н#которое у_с_и_л_і_е и утвердить за своей племянницей имя Домби.

И велика была награда, когда въ субботу вечеромъ, въ ту пору, какъ Павелъ, по обыкновенію, принялся за свои уроки, она с#ла подл# него и начала объяснять ему темныя м#ста, выравнивая такимъ образомъ и выглаживая трудный путь школьнаго образованія. Павелъ красн#ль, улыбался, кр#пко сжималъ сестру въ своихъ объятіяхъ, и только Богу изв#стно, какъ билось и трепетало ея сердце при этомъ высокомъ вознагражденіи.

– Охъ, Флой! – говорилъ братъ. – Какъ я люблю тебя! какъ я люблю тебя, Флой!

– И я тебя, мой милый!

– Знаю, Флой, знаю!

Больше ничего онъ не говорилъ во весь этотъ вечеръ и спокойно сид#ль подл# сестры. Ночью три или четыре раза онъ приходилъ къ ней изъ своей маленькой комнаты и опять говорилъ, что любитъ ее.

Съ этой поры братъ и сестра каждую субботу, во время ночи, сид#ли вм#ст# за книгами, стараясь по возможности облегчить занятія для будущей нед#ли. Мысль, что онъ работаетъ тамъ, гд# Флоренса трудилась еще прежде него и для него, не щадя своихъ силъ, эта ут#шительная, отрадная мысль уже сама собою въ высшей степени подстрекала его д#ятельность и оживляла утомленную душу; но, кром# того, Павелъ получалъ отъ сестры д#йствительную помощь и облегченіе, и, быть можетъ, это обстоятельство окончательно спасло его отъ неминуемой гибели подъ тяжестью груза, который взваливала на его спину прекрасная Корнелія Блимберъ.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы миссъ Блимберъ была къ нему слишкомъ строга, или чтобы д-ръ Блимберъ вообще безжалостно обходился съ молодыми джентльменами. Корнелія сл#довала только правиламъ в#ры, въ которой была воспитана, а докторъ, по какой-то странной сбивчивости въ своихъ идеяхъ, смотр#ль на молодыхъ джентльменовъ такъ, какъ будто они были докторами и вс# родились взрослыми. Ближайшіе родственники молодыхъ джентльменовъ, осл#пленные тщеславіемъ и дурно рассчитанною торопливостью, до небесъ перевозносили д-ра Блимбера, и было бы странно, если-бы теперъ онъ открылъ свою ошибку и направилъ распушенные паруса въ другую сторону.

Съ Павломъ, какъ и съ прочими воспитанниками, повторилась одна и та же исторія. Когда д-ръ Блимберъ сказалъ, что онъ очень умный мальчикъ и быстро идетъ впередъ, м-ръ Домби бол#е ч#мъ когда-либо принялся хлопотать, чтобы сынъ его былъ напичканъ по

горло всякой всячиной. Когда, напротив, о Бриггс# было возв#щено, что у него не слишком бойкія способности, и усп#хи покам#сть еще слабы, отец этого джентльмена оказался неумолимым. Словом, какъ ни высока и душна была температура въ докторской теплиц#, влад#льцы этихъ растений всегда изъявляли готовность подкладывать горячіе уголья и раздувать м#хи.

Скоро Павелъ потерялъ всю живость, какую им#ль сначала, но характеръ его по прежнему остался страннымъ, задумчивымъ, стариковскимъ и даже еще бол#е утвердился въ этихъ свойствахъ при обстоятельствахъ, столь благоприятныхъ для ихъ развитія. Разница была лишь та, что онъ сосредоточился теперь исключительно въ себ# самомъ и уже не им#ль того живого любопытства, какое н#когда обнаруживалъ въ дом# м-сь Пипчинъ, наблюдая чернаго кота и его влад#лицу. Онъ любилъ оставаться наедин# и въ р#дкіе часы, свободные отъ занятій, бродилъ безъ товарищей около докторскаго дома или сид#ль на л#стниц#, прислушиваясь къ громкому бою огромныхъ часовъ. Онъ изучилъ въ дом# вс# ст#нные обои и вид#ль на рисункахъ такія вещи, которыхъ никто не видалъ; миниатюрные львы и тигры, б#гающіе по ст#намъ спальни, и косыя рожи на коврахъ стояли съ нимъ на самой короткой ног#.

И жилъ онъ одинъ среди чудныхъ вид#ній своей фантазіи, и никто не понималъ его. М-сь Блимберъ называла его «страннымъ», а лакеи иной разъ говорили между собою, что маленькій Домби «скучаетъ». Больше никто ничего не говорилъ о немъ.

Только молодой Тутсъ им#ль н#которую идею о загадочномъ предмет#, но никакъ не могъ объяснить ее ни себ#, ни другимъ. Идеи, подобно привид#ніямъ, должны принять какой-нибудь образъ, чтобы сд#латься доступными, а Тутсъ не могъ сообщить своимъ мыслямъ никакого образа и давно пересталъ допытываться тайнъ отъ своей души. Изъ мозга его, какъ изъ свинцоваго ящика, выходилъ какой-то туманъ, безъ формы и вн#шняго вида, не оставляя посл# себя ни мал#йшихъ сл#довъ. Долго и часто сл#дилъ онъ глазами маленькую фигуру на морскомъ берегу, и какая-то таинственная, неотразимая симпатія привлекала его къ сыну м-ра Домби.

– Какъ твоё здоровье? – спрашивалъ онъ Павла по пятидесяти разъ на день.

– Очень хорошо, – отв#чалъ Павелъ – покорно благодарю.

– Давай же руку, – говорилъ потомъ Тутсъ.

И Павелъ протягивалъ руку. Помолчавъ минутъ десять, м-ръ Тутсъ, не спускавшій глазъ съ маленькаго товарища, опять спрашивалъ его – какъ ваше здоровье? – и Павелъ опять отв#чалъ – очень хорошо, покорно благодарю.

Однажды м-ръ Тутсъ сид#ль за своей конторкой, занятый по обыкновенію важной корреспонденціей, какъ вдругъ великая мысль озарила его голову. Онъ бросилъ перо и пошелъ къ Павлу, котораго, наконецъ, посл# длинныхъ поисковъ, нашель сид#вшимъ на окн# въ своей спальн#. Павелъ смотр#ль на морской берегъ.

– Послушай, Домби! – вскричалъ Тутсъ. – О чемъ ты думаешь?

– О, я думаю о многихъ вещахъ! – отв#чалъ Павелъ.

– Неужто! – вскричалъ Тутсъ, находя, что такой фактъ уже самъ по себ# былъ чрезвычайно удивителенъ.

– Если бы теб# пришлось умереть, – началъ Павелъ, смотря ему въ лицо.

Тутсъ ороб#ль.

– Не лучше ли бы ты согласился умереть въ лунную ночь, при ясномъ и чистомъ неб#, когда подуваетъ в#терокъ, какъ въ прошлую ночь?

М-ръ Тутсъ, съ выраженіемъ сомн#нія, взглянулъ на Павла, взялъ его за руку и сказалъ, что онъ ничего не знаетъ.

– О, это была прекрасная ночь! – продолжалъ Павелъ. – Я долго смотр#ль и прислушивался къ морскимъ волнамъ. На поверхности ихъ, при полномъ св#т# луны, качалась лодка съ парусомъ.

Ребенокъ смотр#ль такъ пристально и говорилъ такъ серьезно, что м-ръ Тутсъ увид#ль настоятельную необходимость сд#лать какое-нибудь зам#чаніе объ этой лодк#.

– Это контрабандисты? – сказалъ м-ръ Тутсъ. Но припомнивъ, что каждый вопросъ им#еть дв# стороны съ одинаковой степенью в#роятности, онъ прибавилъ: – Или таможенные?

– Лодка съ парусомъ, – продолжалъ Павелъ, – при полномъ св#т# луны. Парусъ – весь серебряный. Она плыла далеко отъ берега, и какъ ты думаешь, что она д#лала, когда качали ее волны?

– Нырjala? – сказалъ м-ръ Тутсъ.

– Мн# казалось, что она манила меня къ себ#, – говорилъ Павелъ. – Вонъ она! Вонъ она!

– Кто? – вскричалъ Тутсъ, приведенный въ ужасный испугъ при этомъ внезапномъ восклицаніи.

– Сестра моя, Флоренса! – сказалъ Павелъ. – Вонъ она смотритъ и махаетъ рукой. Она видитъ меня, она видитъ меня! Здравствуй, милая, здравствуй, здравствуй!

Павелъ стоялъ на окн#, хлопалъ въ ладоши и посылалъ сестр# воздушные поц#луи; но когда Флоренса, проходя мимо, скрылась изъ виду, лицо его, оживленное яркимъ румянцемъ, опять приняло меланхолическое выражєніе и прониклось тревожнымъ ожиданіемъ. Вс# эти переходы изъ одного состоянія въ другое были слишкомъ зам#чательны, чтобы ускользнуть отъ вниманія даже такого наблюдателя, какъ м-ръ Тутсъ. Свиданье на этотъ разъ было прервано визитомъ м-съ Пипчинъ, которая обыкновенно приходила по сумеркамъ въ докторскій домъ два или три раза въ нед#лю, чтобы нав#стить своего бывшего воспитанника. Ея прибытіе въ эту минуту произвело чрезвычайно неприятное впечатл#ніе на м-ра Тутса, такъ что онъ, по какому-то безотчетному побужденію, посл# первыхъ прив#тствій, еще два раза подошелъ къ м-съ Пипчинъ, чтобы осв#домиться, все ли она въ добромъ здоровьи. Эту выходку м-съ Пипчинъ приняла за личное оскорбленіе и немедленно сообразила, что мысль о такой обид# родилась и созр#ла въ дьявольскомъ мозгу сл#пого болвана, на котораго, какъ и сл#дуетъ, въ тотъ же вечеръ была принесена формальная жалоба дру Блимберу, и тотъ долженъ былъ сказать своему слуг#, что если онъ еще разъ повторитъ подобную прод#лку, то его уже безъ всякихъ объясненій прогонять со двора.

Когда дни д#лались длинн#е, Павелъ уже каждый вечеръ становился у окна и выжидалъ Флоренсу. Она въ изв#стное время н#сколько разъ проходила мимо докторскаго дома, пока не увидитъ брата, и ея появленіе было живительнымъ солнечнымъ лучемъ, озарявшимъ ежедневную жизнь б#днаго Павла. Часто, посл# сумерекъ, другая фигура блуждала мимо докторскаго дома, – фигура м-ра Домби, который теперь уже р#дко прї#зжалъ по субботамъ. Онъ хот#ль лучше быть неузнаннымъ и украдкой смотр#ль на высокія окна, гд# его сынъ готовился быть челов#комъ. И онъ ждалъ, и над#ялся, и караулилъ, и мечталъ.

О, если бы вид#ль онъ, другими глазами вид#ль, какъ б#дный унылый мальчикъ, прилегшій грудью на окно, прислушивается къ гулу морскихъ волнъ и устремляетъ задумчивые взоры на безпред#льное небо, туда, гд# носятся темныя облака, гд# беззаботно порхаютъ птицы, между т#мъ, какъ онъ, несчастный узникъ, заключенъ безвыходно въ своей одинокой кл#тк#!

Глава XIII

В#сть изъ-за моря и распоряженіе фирмы

На площадк# передъ торговыми заведеніями м-ра Домби съ незапамятныхъ временъ производилась мелочная торговля всякой всячиной и особенно отличными фруктами, расположенными на ларяхъ, скамейкахъ, столикахъ и такъ дал#е. Каждый день, съ десяти часовъ утра до пяти вечера, торгаши и торговки предлагали прохожимъ туфли, карманные книжки, грецкія губки, собачьи ошейники, виндзорское мыло, картину, написанную масляными красками, а иной разъ тутъ же весьма кстати являлась лягавая собака, къ удовольствію отчаянныхъ охотниковъ до коммерческой политики, которые на этомъ рынк#, въ виду лондонской биржи, громко спорили насчетъ повышенія и пониженія денежныхъ фондовъ и держали пари на новыя шляпы.²

Вс# эти товары, со включеніемъ лягавой собаки, очень учтиво рекомендовались почтенн#йшей публик#, но ни одинъ торгошъ не осм#ливался беспокоить своей особой м-ра Домби. Какъ скоро знаменитый негоціантъ появлялся на площадк#, вся торгующая компанія почтительно разступалась въ разныя стороны, кром#, однакожь, см#лаго промышленника собачьими ошейниками, который, вытягиваясь въ струнку, приставлялъ указательный перстъ къ широкимъ полямъ своей шляпы и раскланивался очень в#жливо. Этотъ промышленникъ былъ въ н#которомъ род# челов#къ политической и до того изв#стный всему торгующему міру, что одинъ артистъ, им#вшій жительство въ Чипсайд#,³ привинтилъ его портретъ къ дверямъ своей лавки. Разносчикъ билетовъ и афишъ, завид#въ м-ра Домби, бросался со вс#хъ ногъ отворять какъ можно шире конторскія двери, снималъ шапку долой и проникался глубочайшимъ благогов#ніемъ, когда мимо его проходилъ величавый джентльменъ.

Но ничто не можетъ сравниться съ трепетнымъ благогов#ніемъ конторщиковъ и писарей, когда мимо нихъ проходилъ м-ръ Домби. Во вс#хъ комнатахъ воцарялась торжественная тишина, и остроуміе конторы внезапно поражалось н#мотою. Дневной св#тъ, тусклый и мрачный, пробивавшійся черезъ окна и отверстія въ потолокъ#, оставлялъ въ стеклахъ черный осадокъ и выказывалъ глазамъ любопытнаго зрителя ц#лыя груды книгъ и д#ловыхъ бумагъ съ различными номерами и заглавіями. Надъ ними, за широкимъ столомъ, видн#лись челов#ческія фигуры съ понурыми головами, съ задумчивыми челами, отд#ленные т#ломъ и душою отъ видимаго міра. Можно было подумать, что вс# эти господа рукою всесильной волшебницы превратились въ рыбъ и опустились на дно морское, между т#мъ какъ небольшая кассовая комната среди конторы, гд# днемъ и ночью гор#ла тусклая лампа подъ стекляннымъ колпакомъ, представляла пещеру какого-то морского чудовища, озирающаго кровавыми глазами дивныя тайны морской глубины.

М-ръ Перчъ, разсылный, зас#давшій по обыкновенію въ передней на небольшоій полк#, какъ будто онъ былъ бронзовая статуэтка или столовые часы, им#лъ удивительную способность угадывать по чутью приближеніе своего хозяина. Передъ этимъ временемъ онъ торопливо вб#галъ въ его кабинетъ, вытаскивалъ изъ ящика св#жіе уголья, раздувалъ въ камин# огонь, просушивалъ на р#шотк# мокрую утреннюю газету, только что освобожденную изъ типографскаго станка, разставлялъ по м#стамъ стулья и ширмы и, при вход# м-ра Домби, быстро повертывался нал#во кругомъ, чтобы взять отъ него шляпу и шинель. Потомъ м-ръ Перчъ бралъ газету, повертывалъ ее два или три раза передъ огнемъ и почтительно укладывалъ на стол# передъ глазами своего повелителя. Вообще услужливость его доходила

² Авторъ осм#иваетъ зд#сь страсть англичанъ кстати и некстати толковать о биржевыхъ д#лахъ, страсть, распространившуюся даже между мелкими торговцами и уличными з#ваками. *Прим. перев.*

³ Такъ называется одна изъ глухихъ улицъ въ Лондон#. Cheapside буквально – дешевая сторона.

до посл#днихъ степеней: если бы онъ могъ при всякомъ случа#, въ знакъ безпред#льнаго смиренія, припадать къ стопамъ м-ра Домби или величать его титулами, которыми во время оно украшалась священная особа халифа Гарунъ Альрашида, м-ръ Перчъ, н#тъ сомн#нія, счелъ бы себя благополучн#йшимъ изъ смертныхъ.

Но такъ какъ подобная честь была бы въ Лондон# очень неприятнымъ нововведеніемъ даже для самого м-ра Домби, разсылный Перчъ volens nolens, скр#пя сердце, принужденъ былъ ограничиться безмолвнымъ выраженіемъ своей преданности, и въ глазахъ его нетрудно было прочесть фразы, врод# сл#дующихъ: "Ты, о мой повелитель, св#тъ моихъ, очей, дыханіе устъ моихъ, жизнь души моей. Ты владыка правов#рнаго Перча". Преисполненный такими благочестивыми чувствами, м-ръ Перчъ становился на цыпочки, притворялъ дверь и тихонько выходилъ въ переднюю, оставляя своего владыку въ кабинет#, гд# съ безприм#рной дерзостью на него смотр#ли грязныя трубы съ параллельныхъ кровель и особенно нахальное окно изъ парикмахерской залы, на которомъ кокетливо рисовался восковой болванчикъ, пл#шивый поутру, какъ правов#рный мусульманинъ, и убранный передъ чаемъ всею роскошью европейской прически.

М-ръ Домби, съ высоты своего посл#дняго и мрачнаго величія, спускался къ остальному челов#честву по двумъ ступенямъ конторской администраціи. Первою ступеню былъ м-ръ Каркеръ, зав#дывавшій своимъ департаментомъ; второю – м-ръ Морфинъ, начальникъ особаго департамента. Каждый изъ этихъ джентльменовъ занималъ по маленькой конторк#, соединявшейся съ резиденціей верховнаго владыки. М-ръ Каркеръ, какъ великій визирь, пом#щался въ комнат#, ближайшей къ султану; м-ръ Морфинъ, сановникъ низшаго разряда, жилъ въ комнат#, ближайшей къ писарямъ.

М-ръ Морфинъ былъ пожилой холостякъ, одаренный живыми с#рыми глазами и чрезвычайно веселымъ нравомъ. Его сюртукъ, жилетъ и фракъ были всегда самага чернаго цв#та, а остальной костюмъ отличался удивительной пестротой. Въ его густыхъ черныхъ волосахъ р#зко пробивалась прос#дь, и бакенбарды совершенно поб#л#ли отъ времени и заботъ. Онъ искренно уважалъ м-ра Домби и при всякомъ случа# оказывалъ ему глубокое почтеніе, хотя въ то же время чувствовалъ невольную робость въ присутствіи величаваго джентльмена. При мягкомъ и н#жномъ характер#, онъ не чувствовалъ ни мал#йшей зависти къ своему сопернику, м-ру Каркеру, осыпанному высокими милостями, и былъ даже очень радъ, что ему поручили должность, которая не давала ему никакихъ способовъ отличиться на своемъ служебномъ поприщ#. Посл# дневныхъ хлопотъ, въ часы досуга, онъ любилъ заниматься музыкой и оказывалъ истинно отеческую привязанность къ своей віолончели, которую разъ въ нед#лю аккуратно переносили изъ его жилища въ н#который клубъ подл# банка, гд# веселая компанія, въ порыв# артистическаго восторга, разыгрывала каждую среду убійственно раздирательные квартеты.

М-ръ Каркеръ, джентльмень л#тъ тридцати восьми или сорока, круглолицый и полный, обращалъ на себя особенное вниманіе двумя несокрушимыми рядами блестящихъ зубовъ, правильныхъ и б#лыхъ до ужасной степени совершенства. Эти страшные зубы невольно бросались въ глаза, потому что м-ръ Каркеръ выказывалъ ихъ при всякомъ удобномъ случа#, и когда уста его открывались для улыбки, р#дко переходившей за поверхность его толстыхъ губъ, собес#днику казалось, что передъ нимъ огрызается борзая собака, готовая схватить его за горло. Подражая своему начальнику, онъ носилъ высочайшій б#лый галстухъ и плотно застегивался на вс# пуговицы. Его обращеніе съ мромъ Домби было глубоко обдумано и выполнялось въ совершенств#. Онъ стоялъ съ нимъ на самой короткой ног#, сколько могло позволить огромное разстояніе между начальникомъ и подчиненнымъ. "М-ръ Домби, такой челов#къ, какъ я, такому челов#ку, какъ вы, никогда не можетъ изъявить соразм#рнаго почтенія и удовлетворительной преданности. Какъ бы я ни унижался, ни уничтожался предъ тобой, о владыка души моей, все это будетъ вздоръ: ничтожный червь не можетъ воздать

должнаго почтенія совершеннѣйшему изъ земныхъ созданий. Поэтому ужъ позвольте, м-ръ Домби, обходиться съ вами безъ всякой церемоніи. Чувствую, что душа моя при этомъ проникнута будетъ глубокою скорбью; но ты, о мой повелитель, снизойдешь къ слабостямъ своего раба". Если бы м-ръ Каркеръ, напечатать такую декларацію, повѣсилъ ее себѣ на шею, онъ не могъ бы опредѣлиться яснѣе.

Таковъ былъ Каркеръ, главный приказчикъ торговаго дома. М-ръ Каркеръ младшій, другъ Вальтера, былъ его родной братъ, старшій двумя или тремя годами, но безконечно низшій по значенію въ конторѣ. Младшій братъ стоялъ на верху административной лѣстницы, старшій – на самомъ низу. Съ самаго начала своего служебнаго поприща старшій братъ ни на шагъ не подвинулся впередъ и стоялъ все на одной и той же ступени. Молодые люди догоняли его, перегоняли, становились надъ его головой, поднимались выше и выше, а онъ продолжалъ стоять на своей послѣдней ступени. Онъ совершенно сроднился съ своимъ положеніемъ, не жаловался никогда ни на что, и, нѣтъ сомнѣнія, никогда не надѣялся подвинуться впередъ.

– Какъ ваше здоровье? – спросилъ главный приказчикъ, входя однажды поутру въ кабинетъ м-ра Домби съ пачкою бумагъ подъ мышкой.

– Какъ ваше здоровье, Каркеръ? – отвѣчалъ м-ръ Домби, вставая съ кресель и обратившись задомъ къ камину. – Есть тутъ у васъ что-нибудь для меня?

– Не знаю, стоитъ ли васъ беспокоить, – сказалъ Каркеръ, переворачивая бумаги. – Сегодня, вы знаете, у васъ комитетъ въ три часа.

– Два. Другой комитетъ въ три четверти четвертаго, – прибавилъ м-ръ Домби.

– Изволь тутъ поймать его! – воскликнулъ Каркеръ, еще разъ перебирая бумаги. – Если еще м-ръ Павелъ наслѣдуетъ вашу память, трудненько будетъ съ вами управиться. Довольно бы и одного.

– Память, кажется, и у васъ недурна, – замѣтилъ м-ръ Домби.

– Еще бы! – возразилъ приказчикъ. – Это единственный капиталъ для такого человѣка, какъ я.

М-ръ Домби, всегда спокойный и величавый, самодовольно облокотился на каминъ и принялся осматривать своего приказчика съ ногъ до головы, въ полной увѣренности, что тотъ ничего не замѣчаетъ. Вычурность костюма м-ра Каркера и оригинальная гордость въ осанкѣ и обращеніи, природная или заимствованная отъ своего высокаго образца, придавали удивительный эффектъ его смиренію. Казалось, это былъ человѣкъ, безсильно спорившій съ могучей властью и уничтоженный въ конецъ недостижимымъ величіемъ м-ра Домби.

– Морфинъ здѣсь? – спросилъ Домби послѣ короткой паузы, между тѣмъ какъ м-ръ Каркеръ переворачивалъ бумаги и бормоталъ про себя какія-то отрывочныя фразы.

– Да, Морфинъ здѣсь, – отвѣчалъ Каркеръ, широко отворяя ротъ для своей обыкновенной улыбки. – Онъ, я думаю, повторяетъ теперь свои музыкальныя впечатлѣнія отъ вчерашняго квартета. По крайней мѣрѣ, онъ все утро мурлыкалъ такъ, что чуть меня съ ума не свелъ. Прикажете, пожалуйста, м-ръ Домби, развести костеръ и спалить его проклятую виолончель вмѣстѣ съ его адскими нотами.

– Вы никого и ничего не уважаете, – сказалъ м-ръ Домби.

– Неужто вы такъ думаете! – воскликнулъ Каркеръ, безбожно оскаливая зубы, какъ животное изъ тигровой породы. – Оно, впрочемъ, и справедливо: немногихъ я уважаю, а если сказать всю правду, – пробормоталъ онъ какъ будто про себя, – есть только одинъ человѣкъ на свѣтѣ, достойный уваженія въ моихъ глазахъ.

Никто бы не поручился, смотря на физиономію Каркера, вралъ онъ или говорилъ правду. Но м-ръ Домби всего менѣе могъ подозрѣвать въ притворствѣ своего приказчика.

– А, между тѣмъ, кстати о Морфинѣ, – продолжалъ м-ръ Каркеръ, вынимая одинъ листъ изъ связки бумагъ. – Онъ рапортуетъ о смерти младшаго конторщика въ Барбадосѣ и предла-

гаеть прислать на его м#то кого-нибудь на корабл# "Сынъ и Насл#дникъ", который, кажется, долженъ отправиться нед#ль черезъ пять. У васъ, разум#ется, никого н#тъ въ виду, м-ръ Домби? Мы тоже не им#емъ въ наличности людей подобнаго сорта.

М-ръ Домби кивнулъ головой съ величайшимъ равнодушіемъ.

– М#стечко, чортъ побери, не очень теплое, – продолжалъ м-ръ Каркеръ, д#лая зам#тку на оборот# листа. – Авось Морфинъ удружить какому-нибудь музыкальному кружку, отправивъ туда его племянника сиротинку для усовершенствованія въ музыкальномъ искусств#. Пусть его! Кто тамъ? войдите.

– Извините, м-ръ Каркеръ. Я не зналъ, что вы зд#сь, сэръ, – отв#чалъ Вальтеръ, входя съ запечатанными письмами, только-что принятыми отъ почтальона. – М-ръ Каркеръ младшій...

При этомъ имени главный приказчикъ какъ будто почувствовалъ ужасный стыдъ и униженіе. Онъ обратилъ на м-ра Домби умоляющій взглядъ, понурилъ голову и съ минуту не говорилъ ни слова.

– Кажется, я им#ль честь просить васъ, – сказалъ онъ, наконецъ, съ гн#внымъ видомъ, обращаясь къ Вальтеру, – никогда не включать въ нашъ разговоръ имени Каркера младшаго.

– Извините, – возразилъ Вальтеръ. – Я хот#ль сказать... м-ръ Каркеръ полагалъ, что вы ушли... я бы не осм#лился войти, если бы зналъ, что вы заняты съ м-ромъ Домби. Эти письма, сэръ, адресованы на имя м-ра Домби.

– Очень хорошо, – сказалъ приказчикъ, вырывая письма изъ рукъ Вальтера. – Можете теперь идти, откуда пришли.

Но при этой грубой и безцеремонной выходк# онъ не зам#тилъ, что уронилъ одно письмо прямо къ ногамъ м-ра Домби, который тоже ничего не зам#чалъ. Вальтеръ принужденъ былъ воротиться поднявъ письмо и положилъ на конторку передъ м-ромъ Домби. Случилось, какъ нарочно, что это несчастное посланіе, адресованное рукою Флоренсы, было отъ м-съ Пипчинъ съ ея обыкиовеннымъ рапортомъ о состояніи маленькаго Павла. М-ръ Домби, обративъ вниманіе на конвертъ, гордо и грозно взглянулъ на Вальтера, воображая, что заносчивый юноша съ нам#реніемъ выбралъ это письмо изъ вс#хъ другихъ.

– Можете идти на свое м#сто, – сказалъ м-ръ Домби съ надменнымъ видомъ.

Онъ скомкалъ письмо въ рук# и не распечатавъ засунулъ въ карманъ, продолжая наблюдать Вальтера, выходявшаго изъ дверей.

– Вы сказали, кажется, что вамъ некого послать въ Вестъ-Индію, – торопливо сказалъ м-ръ Домби.

– Точно такъ, – отв#чалъ Каркеръ.

– Отправить молодого Гэя.

– Хорошо, очень хорошо, – сказалъ Каркеръ самымъ спокойнымъ и холоднымъ тономъ, – такъ хорошо, что ничего не можетъ быть лучше.

Онъ взялъ перо и посп#шно записалъ резолюцію своего начальника: "Отправить молодого Гэя".

– Позвать его сюда, – сказалъ м-ръ Домби. М-ръ Каркеръ опрометью бросился изъ дверей и черезъ минуту воротился съ Вальтеромъ.

– Гэй, – сказалъ м-ръ Домби, поворачивая голову къ молодому челов#ку. – Открылась у насъ...

– Вакансія, – добавилъ м-ръ Каркеръ, открывая уста наистрашн#йшимъ образомъ для своей обязательной улыбки.

– Въ Вестъ-Индію, въ Барбадос#. Я нам#ренъ туда отправить васъ, – сказалъ м-ръ Домби, не считая нужнымъ подсластить горькую истину, – на упразднившееся м#сто младшаго конторщика въ нашемъ торговомъ дом#. Будьте готовы и поторопитесь изв#стить дядю объ этомъ назначеніи.

У Вальтера замерь духъ, и онъ едва могъ про говорить: "Въ Вестъ-Индію"!

– Кто-нибудь долженъ же #хать, – сказалъ м-ръ Домби. – Вы молоды, здоровы, и при- томъ вашъ дядя не въ блестящихъ обстоятельствахъ. Скажите Гильсу, что я назначилъ васъ. Впрочемъ, вы #дете черезъ м#сяць или два.

– Я долженъ тамъ остаться, сэръ? – спросилъ Вальтеръ.

– Должны остаться! – повторилъ м-ръ Домби. – Что это значить? Что онъ этимъ хочетъ сказать, Каркеръ?

– То есть, я долженъ буду и жить въ Барбадос#? – пролепеталъ Вальтеръ.

– Разум#ется, – отв#чалъ м-ръ Домби.

Вальтеръ поклонился.

– Это д#ло кончено, – сказалъ м-ръ Домби, осматривая свои письма. – Вы, Каркеръ, объясните ему въ свое время, какая должна быть экипировка, запасы и такъ дал#е. Теперь ему, конечно, нечего дожидаться, Каркеръ.

– Вамъ, любезный, нечего ждать, – зам#гилъ м-ръ Каркеръ, оскаливая зубы до самыхъ десень.

– А, впрочемъ, онъ, можетъ быть, хочетъ сказать что-нибудь, – проговорилъ м-ръ Домбй, отрывая глаза отъ распечатаннаго письма и настороживъ слухъ.

– Н#тъ, сэръ, – отв#чалъ Вальтеръ, оглушенный и взволнованный безконечнымъ мно- жествомъ картинъ, нарисованныхъ его воображеніемъ. Онъ уже вид#лъ капитана Куттля въ его лощеной шляп#, съ изумленіемъ взирающаго на м-сь Макъ Стингеръ, вид#лъ отчаянный вопль и стоны старика-дяди, прощающагося съ единственнымъ другомъ и племянникомъ, безъ надежды когда-либо увид#ть его на этомъ св#т#.

– Я вамъ очень обязанъ сэръ, – продолжалъ Вальтеръ посл# минутной паузы, – и едва...

– Ему нечего ждать, Каркеръ, – сказалъ м-ръ Домби.

И когда м-ръ Каркеръ повторилъ: – "Вамъ нечего ждать", Вальтеръ увид#лъ ясно, что дальн#йшее промедленіе было бы сочтено за непростительную дерзость и, пов#сивъ голову, вышелъ изъ комнаты въ судорожномъ волненіи, не сказавъ ни слова. Въ коридор# его догналъ приказчикъ и вел#лъ позвать къ себ# брата.

Вальтеръ нашель Каркера младшаго въ его каморк# за перегородкой и, сообщивъ дан- ное порученіе, немедленно отправился съ нимъ въ комнату главнаго приказчика.

Каркеръ старшій величаво стоялъ у камина, запустивъ об# руки за фалды фрака и держа голову вверхъ на своемъ высочайшемъ галстух#, точь-въ-точь какъ м-ръ Домби. Не перем#- няя этой позы, не смягчая суроваго и гн#внаго выраженія, онъ слегка кивнулъ головой и вел#лъ Вальтеру затворить дверь.

– Джонъ Каркеръ, – сказалъ приказчикъ, вдругъ обратившись къ брату и выставляя страшные зубы, какъ будто онъ собирался загрызть своихъ собес#дниковъ, – что у тебя за связь съ этимъ молокососомъ, который, какъ злой демонъ, всюду пресл#дуетъ меня твоимъ именемъ? Не довольно ли для тебя, Джонъ Каркеръ, что я, твой ближайшій родственникъ, и могу избавиться отъ этого...

– Позора, что ли?... договаривай, Джемсъ.

– Да, отъ позора. Но къ чему же трубить и горланить объ этомъ позор# во вс#хъ концахъ и срамить меня передъ ц#лымъ домомъ? и когда же, въ минуту искренней дов#ренности м- ра Домби! Неужели ты думаешь, братъ мой Джонъ Каркеръ, что имя твое въ этомъ м#ст# совм#стимо съ дов#ріемъ и откровенностью?

– Н#тъ, Джемсъ, н#тъ, – возразилъ Каркеръ младшій, – я вовсе этого не думаю.

– Что же ты думаешь? загородить мн# дорогу? б#льмомъ повиснуть на моихъ глазахъ? Братъ мой, братъ мой! Мало ли обидь претерп#лъ я отъ тебя?

– Я никогда не обижалъ тебя, Джемсъ, по крайней м#р#, съ нам#реніемъ.

– Еще разъ: ты – братъ мой, – сказалъ приказчикъ, – и это уже смертельная обида.

- Джемсь, я бы отъ души желалъ разорвать эти кровныя узы.
- Могила разорветъ ихъ, твоя или моя.

Въ продолженіе этого разговора Вальтеръ смотр#ль на братьевъ съ безмолвнымъ изумленіемъ и бол#зненной грустью, едва переводя духъ. Старшій по л#тамъ и младшій по значенію въ торговой администраціи стоялъ въ почтительномъ отдаленіи, потупивъ взоры, понутивъ голову, смиренно выслушивая упреки грознаго судіи. И горьки были эти упреки, сопрождаемые горделивымъ тономъ и безжалостнымъ взоромъ, въ присутствіи молодого челов#ка, невольнаго свид#теля ужасной загадочной сцены! И, между т#мъ, ни одной жалобы, ни одного колкаго слова не вырвалось изъ устъ таинственнаго подсудимаго: онъ стоялъ и слушалъ съ безграничной покорностью и только изр#дка д#лалъ правою рукою умоляющій жестъ, какъ будто говорилъ: "Пощади меня, пощади"! Но палачъ не зналъ пощады и безжалостно терзалъ несчастную жертву, измученную продолжительной пыткой.

Наконецъ, великодушный и пылкій юноша, признавая себя невинной причиною этой бури, не могъ бол#е выдержать и съ величайшимъ жаромъ вм#шался въ разговоръ.

– М-ръ Каркеръ, – сказалъ онъ, обращаясь къ главному приказчику, – пов#рьте, я одинъ во всемъ виноватъ, ради Бога, пов#рьте. По безотчетному легкомыслію, за которое никогда себя прошу, я безумно позволялъ себ# говорить о вашемъ брат# гораздо чаще, нежели нужно, и его имя невольно срывалось у меня съ языка, наперекоръ вашему формальному запрещенію. Но еще разъ – только я одинъ виноватъ го всемъ, сэръ. Мы никогда не обм#нялись ни однимъ словомъ о предмет#, выходявшемъ изъ круга нашихъ общихъ отношеній, да и вообще мы говоримъ очень мало. Впрочемъ, и то сказать, едва ли я правъ, обвиняя себя въ легкомысліи и необдуманности. Знайте, сэръ, если вамъ угодно это знать: я полюбилъ вашего почтеннаго брата, лишь только переступилъ черезъ порогъ этого дома, я почувствовалъ къ нему непреодолимое влеченіе съ перваго дня своей служебной д#ятельности, и мн# ли было не говорить о немъ, мн#, который о немъ только и думалъ?

Вальтеръ говорилъ отъ души и съ полнымъ сознаниемъ своего благородства. Еще разъ онъ окинулъ пронизательнымъ взоромъ дрожащую руку съ умоляющимъ жестомъ, понурую голову, потупленные глаза и подумалъ про себя: "Такъ я чувствую, и такъ, а не иначе, долженъ д#йствовать въ пользу беззащитной жертвы".

– А, вы между т#мъ, м-ръ Каркеръ, – продолжалъ благородный юноша со слезами на глазахъ, – вы изб#гали меня, постоянно изб#гали. Я это зналъ, я это вид#ль и чувствовалъ, къ своему величайшему огорченію. Какихъ средствъ, какихъ усилій не употреблялъ я, чтобы сд#латься вашимъ другомъ, чтобы приобр#сть ваше дов#ріе! Все напрасно.

– И зам#тьте, – сказалъ приказчикъ, перебивая молодого челов#ка, – ваши усилія всегда будутъ бесполезны, если при каждомъ случа#, ни къ селу, ни къ городу, вы будете болтать о м-р# Каркер#. Этимъ вы всего меньше удружите моему брату. Попробуйте спросить его самого.

– Правда, – сказалъ братъ, – убійственная правда. Ваша горячность, молодой чело-в#къ, послужить только поводомъ къ подобнымъ сценамъ, отъ которыхъ, можете предста-вить, какъ желалъ бы я освободиться.

Сл#дующія слова Каркеръ младшій произнесъ съ разстановкой и твердымъ голосомъ, какъ будто желалъ произвести неизгладимое впечатл#ніе на душу Вальтера Гэя:

– Лучшимъ другомъ моимъ будетъ тотъ, кто вовсе не станетъ обо мн# думать, забудетъ о моемъ существованіи и оставитъ меня идти своей дорогой.

– Хорошо ли вы слышали, Вальтеръ Гэй? – сказалъ главный приказчикъ съ возрастающимъ одушевленіемъ. – Вы разс#яны и не любите слушать, что говорятъ старшіе; но этотъ аргументъ, авось, прохладитъ вашу кровь. – Да и ты, любезный братецъ, – продолжалъ Каркеръ старшій саркастическимъ тономъ, – над#юсь, не забудешь этого урока. Довольно. Ступайте, Вальтеръ Гэй.

Но, выходя из комнаты, Вальтеръ снова услышалъ голоса братьевъ и частое повтореніе своего собственнаго имени. Онъ въ нерешимости остановился за порогомъ подлѣ непритворенной двери и не зналъ, идти ему или воротиться назадъ. Въ этомъ положеніи онъ поневоле услышалъ продолженіе разговора.

– Ради Бога, Джемсъ, думай обо мнѣ снисходительнѣе, если можешь. Моя несчастная исторія, неизгладимо написанная здѣсь, – онъ указалъ на грудь, – мое истерзанное сердце... посуди самъ... могъ ли я не замѣтить Вальтера Гэя? Могъ ли не принять участія въ этомъ мальчикѣ? Какъ скоро онъ пришелъ сюда, я увидѣлъ въ немъ почти другого себя!

– Другого себя? – повторилъ презрительнымъ тономъ главный приказчикъ.

– Разумѣется, не такого, какъ теперь, но какимъ я впервые явился въ этотъ домъ. И онъ, какъ некогда я, пылкій, вѣтренный, неопытный юноша съ романическимъ и тревожнымъ воображеніемъ, съ чувствительнымъ сердцемъ, съ такими способностями, которыя, смотря по обстоятельствамъ, поведутъ его къ добру или злу...

– Будто бы? – сказалъ братъ съ язвительной улыбкой.

– О, братъ мой, братъ мой! ты поражаешь меня безъ пощады, и рука твоя не дрожитъ, и глубокая рана въ моемъ сердцѣ! – возразилъ Каркеръ младшій такимъ тономъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ остріе кинжала глубоко вонзилось въ его грудь. Такъ показалось Вальтеру. – Я все это передумалъ и перечувствовалъ, какъ этотъ молодой человѣкъ. Я вѣрилъ своимъ мечтамъ и жилъ среди нихъ, какъ въ дѣйствительномъ мѣрѣ. И теперь я увидѣлъ этого мальчика, беззаботно гуляющимъ на краю бездны, куда уже такъ многіе...

– Старая пснѣя, мой любезный, – прервалъ братъ, разгребая уголья въ каминѣ. – Ну, продолжай. Куда такъ многіе... свалились, что ли?

– Куда свалился о_д_и_н_ъ путешественникъ, безпечный некогда и беззаботный, какъ этотъ мальчикъ. Онъ оступился незамѣтно, скользилъ все ниже и, наконецъ, полетѣлъ стремглавъ на самое дно, разбитый, истерзанный. Подумай, что я долженъ былъ вытерпѣть, когда наблюдалъ этого юношу.

– Благодарю за это себя самого, – отвѣчалъ братъ

– Конечно себя, – со вздохомъ отвѣчалъ тотъ. – Я не прошу другихъ дѣлать мой стыдъ.

– Ты уже р_а_з_д_ѣ_л_и_л_ь его, – нроворчалъ Джемсъ сквозь зубы.

– Ахъ, Джемсъ, – возразилъ братъ, въ первый разъ тономъ упрека и закрывая руками лицо, – развѣ съ той поры я не былъ для тебя полезной почвой? и развѣ ты не попираешь меня ногами, когда карабкался наверхъ? Еще ли и теперь станешь добывать меня своими каблуками?

Послѣдовало молчаніе. Черезъ нѣсколько минутъ главный приказчикъ началъ перелистывать бумаги и показалъ видъ, что желаетъ окончить свиданіе. Братъ подошелъ къ дверямъ.

– Я все сказалъ, Джемсъ. Выслушай еще разъ: я слѣдилъ за пылкимъ юношей съ невыразимымъ страхомъ и волненіемъ до тѣхъ поръ, пока онъ благополучно миновалъ роковое мѣсто, съ котораго впервые я оступился, – и тогда его отецъ не могъ бы благодарить Бога усерднѣе меня. Я не смѣлъ его предостеречь, не смѣлъ совѣтовать ему; но въ случаѣ неминуемой опасности, я былъ бы принужденъ рассказать ему собственную исторію. Я боялся говорить съ нимъ въ присутствіи другихъ: могли подумать, что я дѣлаю ему вредъ, искушаю его на зло, развращаю его, а, быть можетъ, и точно совратилъ бы его съ прямой дороги. Какая-то роковая прилипчивая зараза кроется въ глубинѣ моей собственной души. Разбери мою исторію въ связи съ судьбою молодого Гэя, и ты поймешь, что я перечувствовалъ. Думай обо мнѣ снисходительнѣе, Джемсъ, если можешь.

И съ этими словами м-ръ Каркеръ младшій вышелъ изъ комнаты. Онъ поблѣднѣлъ, увидѣвъ Вальтера за порогомъ, и поблѣднѣлъ еще больше, когда тотъ схватилъ его за руку и шепотомъ началъ говорить:

– М-рЪ КаркерЪ, позволѣте мнѣ благодарить васъ. Позволѣте сказать, какъ много я вамъ обязанъ и какъ раскаиваюсь, что сдѣлался несчастной причиною этой ужасной сцены. Вы – мой покровитель, отецъ мой, великодушный, страждущій отецъ. О, какъ я люблю васъ и жалую о васъ!

И онъ судорожно сжималъ его руку, едва имѣя понятіе о томъ, что дѣлаетъ или говорить.

Такъ какъ по корридору безпрестанно бѣгали взадъ и впередъ писаря и слуги, м-рЪ КаркерЪ и его собесѣдникъ вошли въ комнату Морфина, которая на тотъ разъ была пріотворена и пуста. Тутъ Вальтеръ ясно разглядѣлъ на лицѣ несчастнаго друга свѣжіе слѣды такого ужаснаго волненія, которое совершенно его измѣнило.

– Вальтеръ, – сказалъ онъ, положивъ руку на его плечо – я отдѣленъ отъ тебя на неизмѣримое разстояніе, и отдѣленъ навсегда. Знаешь ли ты, что я такое?

– Что вы такое! – пролепеталъ Вальтеръ едва слышнымъ голосомъ, устремивъ на него пронизательный взоръ.

– Это началось, – сказалъ Каркеръ – передъ двадцать первымъ годомъ моей жизни... зародышъ, правда, обнаружился еще прежде, но созрѣлъ и развился только въ это время. Я ограбилъ ихъ, молодой человѣкъ, ограбилъ наповаль, когда достигъ этого возраста. На двадцать второмъ году моей жизни все открылось, и тогда... тогда я умеръ для людей, умеръ для всѣхъ, для всѣхъ!

Вальтеръ пошевелилъ губами, но не могъ произнести ни одного слова.

– Фирма обошлась со мной очень милостиво. Награди Богъ старика за его умеренность и сына, который тогда только что вступалъ во владѣніе и удостоилъ меня полною довѣренностью. Разъ позвали меня въ комнату, въ нынѣшній его кабинетъ, и я вышелъ оттуда такимъ, какимъ ты теперь знаешь меня. Послѣ уже ни разу нога моя не переступала за этотъ порогъ. Много лѣтъ сидѣлъ я одинокій, какъ и теперь, на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, но тогда меня знали, и я служилъ примѣромъ для другихъ. Всѣ обходились со мной милостиво, жалѣли меня, и я жилъ. Время загладило отчасти мою вину, и теперь, я думаю, во всемъ домѣ никто настоящимъ образомъ не знаетъ моей исторіи, кромѣ трехъ человѣкъ. Когда вырастетъ будущій управитель фирмы, ему скажутъ о Каркерѣ младшемъ, но мой уголь будетъ уже пустъ. Дай Богъ, чтобы такъ случилось. Я прожилъ свою молодость, не выдавъ ея; мои желанія и надежды разлетѣлись въ прахъ. Благослови тебя Богъ, Вальтеръ! Будь честенъ и самъ, и всѣ, которые дороги для твоего сердца, или умри прежде времени, не подвергаясь стыду, отравляющему жизнь въ ея источникѣ.

Вальтеръ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, слушая эту таинственную рѣчь, и слезы ручьями лились изъ его глазъ. Когда онъ поднялъ голову, Каркеръ сидѣлъ за конторкой въ печальномъ безмолвіи, удрученный безотраднѣйшей тоской. Онъ принялся за работу, и молодой человѣкъ увидѣлъ ясно, что разговоръ долженъ быть оконченъ. Смутно соображая все, что видѣлъ и слышалъ въ это утро, Вальтеръ едва вѣрилъ, что его назначили въ Вестъ-Индію, что скоро наступитъ время, когда онъ покинетъ, и, быть можетъ, навсегда, старика Соломона, капитана Куттля, когда онъ простится съ Флоренсой Домби, маленькимъ Павломъ и со всѣмъ, что любилъ, чего искалъ, къ чему стремился.

Однако-жъ это былъ не сонъ. Свѣжая вѣсть уже распространилась по всему заведенію, и когда Вальтеръ съ тяжелымъ сердцемъ, съ мучительной тоской, сидѣлъ одиноко въ отдаленномъ углу, подпирая голову руками, Перчъ, разсыльный, соскочивъ съ своей красной полки, толкнулъ его локтемъ, извинился и шепнулъ ему на ухо:

– Не можете ли вы, сударь, прислать мнѣ изъ Индіи кувшинъ хорошаго инбирю по дешевой цѣнѣ? Оно, вотъ видите, жена моя недавно родила, и не мѣшало бы ее попотчивать инбирнымъ вареньемъ. Это, говорятъ, очень пользительно.

Итакъ, это былъ не сонъ!

Глава XIV

Павель сд#лался еще странн#е и у#халь домой на каникулы

Когда приближались л#тнія каникулы, время вождед#нное для всякаго школьника, велемудрые питомцы дра Блимбера не обнаруживали никаких вн#шних признаков неблагопристойной радости. Бурное выражение «разгула», разум#ется, совершенно не могло согласоваться съ такимъ классическимъ заведеніемъ. Молодые джентльмены по два раза въ годъ степенно и чинно расплывались по домамъ и отнюдь не распускались, а были увольняемы по метод#, истинно классической.

Должно, впрочемъ, зам#тить, что н#которые изъ этихъ господъ вовсе не им#ли положительныхъ причинъ приходить въ восторгъ при мысли о скоромъ свиданіи съ дражайшими родственниками. Воспитанникъ Тозеръ, не будучи дерзкимъ вольнодумцемъ, говорилъ прямо, что если бы въ его вол# было выбирать изъ двухъ золь меньшее, то онъ ужъ лучше предпочелъ бы остаться въ учебной теплиц# дра Блимбера, ч#мъ #хать на свою любезную родину. Такая декларация, по-видимому, весьма р#зко противор#чила ученой диссертации м-ра Тозера, заслужившей громкую и совершенно справедливую похвалу отъ всего ученнаго синклита. Онъ писалъ, между прочимъ:

"Воспоминанія о родин#, или, правильн#е, о родномъ пепелищ#, пробуждаютъ въ моей душ# сладчайшія волненія чудной неземной радости и дивнаго неизреченнаго восторга. Живо представляю себ# того римскаго вождя, который, одержавъ р#шительную поб#ду надъ кар#агенянами, возвращался, наконецъ, съ блистательнымъ триумфомъ въ собственное отечество. Вотъ уже в#чный городъ, urbs aeterna, открывается передъ его глазами; еще н#сколко минутъ военнаго марша, и онъ въ Капитоліи, и слава встр#чаетъ его съ неувядаемымъ в#нкомъ, и любовь согражданъ несетъ его на раменахъ своихъ въ храмъ безсмертія. Счастливые римляне, счастливый вождь! Но Сципійонъ, Сципійонъ! я не завидую теб#. Скоро и для меня наступятъ минуты торжества, равнаго твоему. Скоро и моя нога еще разъ ступитъ на родное пепелище. Съ какимъ, о! съ какимъ восторгомъ буду взирать я на своихъ родственниковъ! съ какимъ радостнымъ трепетомъ брошусь въ объятія той, которая, по могучему мановенію неиспов#димой судьбы, возвала меня изъ небытія къ бытію!" ... и т. д.

При всемъ томъ б#дный ораторъ былъ гораздо искренн#е въ откровенномъ разговор# съ товарищами. Матушка его, м-съ Тозеръ, назначала сынка для духовнаго знанія и очень благоразумно рассуждала, что приготовленіе къ такому высокому назначенію требуетъ трудовъ неутомимыхъ, д#ятельности непрерывной. По ея непреложной вол#, будущій пастырь словесныхъ овецъ постоянно носилъ туго накрахмаленный батистовый галстухъ, который д#лалъ изъ него истиннаго страдальца. Притомъ былъ у него дядюшка, челов#къ очень наблюдательный и ученый, который находилъ высокое наслажденіе проэкзаменовывать въ продолженіе каникулъ своего племянника изъ самыхъ трудныхъ и отвлеченныхъ предметовъ. Иногда для этой ц#ли онъ пользовался событіемъ или случаемъ, по-видимому, самымъ невиннымъ, и радовался отъ всего сердца, когда нападалъ врасплохъ на в#треннаго юношу. Случалось, онъ #здилъ съ нимъ въ театръ или вывозилъ его поглаз#ть на какого-нибудь великана, карлика, фокусника, и какъ скоро любезный племянничекъ въ самомъ д#л# начиналъ глаз#ть, хитрый дядя вдругъ раскрывалъ передъ нимъ сокровища своей учености, и м-ръ Тозеръ долженъ былъ готовиться къ объясненію ц#лой коллекціи классическихъ цитатъ.

Другой воспитанникъ докторской теплицы, м-ръ Бриггсъ терп#лъ не меньшую пытку отъ своего возлюбленнаго родителя, который считалъ за особую честь и славу держать сынка въ ежовыхъ рукавицахъ. Его умственныя истязанія въ каникулярное время были такъ мно-

гочисленны и строги, что друзья фамилии, проживавшіе въ Бэйсватер# близъ Лондона, р#дко подь#зжали къ красивымъ прудамъ кенсингтонскихъ садовъ безъ смутной надежды увид#ть на поверхности воды скомканную шляпу молодого Бриггса и неоконченныя упражненія въ высокомъ слог#, возлежавшія на скамейк#. Такимъ образомъ м-ръ Бриггсъ не слишкомъ радовался приближенію каникулъ, да и вообще никто изъ молодыхъ джентльменовъ не ощущалъ въ себ# пламеннаго желанія освободиться на это время изъ-подъ ферулы Блимбера, доктора вс#хъ наукъ, и Фидера, магистра вс#хъ искусствъ.

Но изъ всей этой компаніи маленькій Павелъ составлялъ самое р#зкое исключеніе. Каникулы рисовались его воображенію безпрерывной перспективой св#тлыхъ праздниковъ, и хотя конецъ былъ отравленъ мыслью о разлук# съ Флоренсой, которая уже не по#детъ бол#е въ Брайтонъ, но Павелъ старался по возможности отстранить отъ себя эту мысль. Да и къ чему думать о конц# праздниковъ, которые еще не начинались? Передъ ихъ наступленіемъ львы и тигры, свир#пствовавшіе по ст#намъ д#тской, спальни, вдругъ сд#лались ручными и веселыми до крайности. Уродливыя гримасы на коврахъ приняли очень ласковое выраженіе и н#жной улыбкой изъявляли сочувствіе къ своему наблюдателю. Гордые ст#нные часы, очевидно, смягчили выраженіе и съ большимъ участіемъ осв#домлялись о здоровьи маленькаго друга. Только бурное море по прежнему продолжало по ночамъ расп#вать свою меланхолическую п#сню; но въ этой меланхоліи отражалась теперь какая-то особенная н#жность, и морская волна, какъ заботливая нянька, пріятно убаюкивала маленькаго Павла на его постели.

М-ръ Фидеръ рассчитывалъ въ каникулярное время на особыя истинно классическія наслажденія, а м-ръ Тутсъ готовился начать блистательный рядъ нескончаемыхъ торжествъ, которыя посл#дуютъ немедленно по выход# изъ докторской теплицы. Въ этомъ году онъ уже оканчивалъ курсъ своего образованія, о чемъ и докладывалъ Павлу разъ по семидесяти въ сутки, объявляя вм#ст# съ т#мъ, что онъ немедленно вступитъ во влад#ніе насл#дственнымъ им#ніемъ.

Очевидно, м-ръ Тутсъ и маленькій Домби сд#лались закадычными друзьями, несмотря на н#которую разницу въ л#тахъ и умственныхъ способностяхъ. Передъ наступленіемъ каникулъ м-ръ Тутсъ почти не отходилъ отъ своего пріятели и смотр#ль на него съ особой выразительностью.

Д-ръ Блимберъ, м-съ Блимберъ и миссъ Блимберъ, точно такъ же, какъ и вс# молодые джентльмены, зам#тили, что м-ръ Тутсъ н#которымъ образомъ принялъ на себя должность защитника и опекуна Павла, и это обстоятельство въ скоромъ времени дошло до св#д#нія самой м-съ Пипчинъ, старушки очень ревнивой и весьма набожной, которая по этому поводу вознснавид#ла м-ра Тутса вс#мъ сердцемъ своимъ и всею душою и, разговаривая о немъ въ своемъ замк#, называла его не иначе, какъ "скалозубымъ болваномъ". Невинный Тутсъ никакъ не подозр#валъ, что возбудилъ противъ себя такой ужасный гн#въ м-съ Пипчинъ, и въ простот# сердца продолжалъ считать ее почтенной дамой, заслуживавшей всякаго уваженія. По этой причин#, каждый разъ, какъ м-съ Пипчинъ д#лала визиты маленькому Павлу, онъ улыбался очень учтиво и съ такимъ добродушнымъ усердіемъ нав#дывался по н#сколько разъ о состояніи ея драгоц#ннаго здоровья, что почтенная дама, выведенная изъ терп#нія, однажды вечеромъ объявила ему напрямикъ, что онъ дуракъ, и что она вовсе не расположена сносить обидныя дерзости отъ всякаго молокососа. Озадаченный такими совершенно неожиданными выговорами, м-ръ Тутсъ робко забился въ отдаленный уголь и уже съ той поры ни разу не см#ль явиться на глаза рыцарственной дам#.

Однажды, за дв# или за три нед#ли до каникулъ, Корнелія Блимберъ призвала Павла къ себ# въ комнату и сказала:

- Домби, я нам#рена отправить въ Лондонъ твой "analysis."
- Покорно благодарю, миссъ, – отв#чалъ Павелъ.

– Понимаешь ли ты, что тако analysis? – спросила Корнелия, пристально всматриваясь через очки въ своего ученика.

– Н#тъ, миссъ, не понимаю, – отв#чалъ Павелъ.

– Ахъ, Домби, Домби, – сказала миссъ Блимберъ, – я начинаю думать, что ты очень дурной мальчикъ. Отчего ты не хочашъ спросить, какъ скоро не понимаешь ученаго выраженія?

– М-съ Пипчинъ, говорила, что я не долженъ д#латъ вопросовъ, – отв#чалъ Павелъ.

– Запрещаю теб# однажды навсегда упоминать мн# о м-съ Пипчинъ по какому бы то ни было поводу, – возразила съ большимъ достоинствомъ миссъ Блимберъ. – Это изъ рукъ вонъ. Курсь наукъ зд#сь слишкомъ удаленъ отъ понятій какой-нибудь м-съ Пипчинъ. Если ты еще разъ заикнешься этимъ именемъ, я принуждена буду завтра поутру прослушать тебя изъ латинской грамматики! отъ verbum personale до simillima cugno вслключительно...

– Я никакъ не хот#лъ, миссъ... – началъ маленькій Павелъ.

– Я вовсе не желаю знать, чего ты хот#лъ или не хот#лъ. Прошу впередъ не употреблять такихъ отговорокъ.

Павелъ замолчалъ. Миссъ Корнелия Блимберъ, покачавъ головою, съ важностью взяла бумагу и прочитала заглавіе: "Analysis характера Павла Домби".

– Слушай же, Домби, – сказала она. – Слово "Analysis," первоначально происшедшее отъ прост#йшихъ корней въ древнемъ греческомъ язык#ъ, безъ мал#йшаго изм#ненія перешло въ латинскій и съ теченіемъ времени утвердилось въ англійскомъ язык#. Теперь, если не ошибаюсь, оно получило право гражданства во вс#хъ европейскихъ языкахъ и нар#чіяхъ. Знаменитый нашъ соотечественникъ, Уокеръ, обезсмертившій себя изданіемъ превосходнаго англійскаго лексикона, объясняетъ это слово такимъ образомъ: "Analysis есть разложеніе предмета, подлежащаго внутреннему или вн#шнему чувству, на его составные элементы." Я, съ своей стороны, для большаго уясненія, считаю нужнымъ прибавить, что анализъ, въ логическомъ отношеніи, всегда противопологается синтезу. Понялъ ли ты теперь?

Казалось, яркій св#тъ ученаго о_б_ъ_я_с_н_е_н_і_я не провелъ слишкомъ зам#тнаго потрясенія въ мозгу малеиькаго Домби. Онъ поклонился и молчалъ.

– Итакъ, – продолжала Корнелия Блимберъ – "Analysis характера Павла Домби". – Я нахожу, что природныя способности Домби чрезвычайно хороши и, если не ошибаюсь, его общая склонность къ образованію состоитъ въ такой же пропорціи. Такимъ образомъ, принимая, по заведенному у насъ обычаю, число восемь за maximum, или за высшее м#рило при оц#нк# интеллектуальныхъ и моральныхъ способностей индивидуума, я могу опред#лить каждый изъ этихъ атрибутовъ въ шесть и три четверти.

Миссъ Блимберъ приостановилась, чтобы вид#ть произведенное впечатл#ніе. Б#дный Павелъ никакъ не могъ постигнуть, что тутъ сл#довало разум#ть подъ шестью и тремя четвертями: шесть ли фунтовъ стерлинговъ и пятнадцать шиллинговъ, или шесть пенсовъ и три фартинга, или шесть футовъ и три дюйма, или безъ четверти семь часовъ, или какой-нибудь неизв#стный предметъ, сличенный съ другимъ предметомъ, котораго онъ не изучалъ. Напрасно ломая голову, онъ потиралъ руками и безмолвно смотр#лъ на миссъ Блимберъ. Ув#ренная, между т#мъ, что все это ясно, какъ день, Корнелия продолжала:

– Буянство – два. Гордость – два. Склонность къ низкому обществу, проявившаяся особенно по поводу н#когого Глыбба, первоначально семь, но впосл#дствіи сократилась до четырехъ съ половиной. Джентльменское обращеніе покам#сть четыре, но впосл#дствіи увеличится... Теперь, Домби, я желаю обратить твое вниманіе на общія зам#чанія въ конц# анализа.

Павелъ приготовился слушать.

– Вообще должно зам#тить о Домби, – начала громкимъ голосомъ миссъ Блимберъ, взглядывая на мальчика при каждомъ второмъ слов#, – что его способности и наклоинности

весьма хороши, и что онъ, при данныхъ обстоятельствахъ, оказалъ очень удовлетворительные усп#хи. Но, къ несчастью, надобно прибавить объ этомъ молодомъ джентльмен#, что онъ очень страненъ въ своемъ характер# и поведеніи, такъ что не безъ основанія его называютъ чудачкомъ, и хотя, строго говоря, нельзя въ немъ указать ни на что, достойное положительнаго осужденія, однако-жъ, очень часто онъ вовсе бываетъ непохожъ на своихъ ровесниковъ и товарищей по наукамъ... Ну Домби, хорошо ли ты понялъ?

– Кажется, миссъ, – отв#чалъ Павелъ.

– Этотъ анализъ, – продолжала миссъ Блимберъ, – я нам#рена отослать въ Лондонъ къ почтенному твоему родителю, и, конечно, ему больно будетъ узнать, что въ его сын# развивается характеръ чудака. Это, любезный, и для насъ очень неприятно, потому что при такихъ свойствахъ мы не можемъ любить тебя такъ, какъ бы хот#ли.

Корнелія зад#ла теперь за самую чувствительную струну б#днаго мальчика, и онъ съ этого достопамятнаго дня началъ употреблять всевозможныя усилія, чтобы его полюбили въ докторскомъ дом#. По какому-то тайному побужденію, совершенно непостижимому и для него самого, онъ непрем#нно хот#лъ въ этомъ м#ст# оставить по себ# добрую память. Мысль, что къ отъ#зду его будутъ равнодушны, была для него невыносима. Онъ р#шилсѣ, во что бы то ни стало, заслужить любовь всего дома, и для это ц#ли помирился даже съ огромной ц#пной собакой, хриплой и шаршавой, которой прежде терп#ть не могъ: "Пусть, – думалъ онъ, – и этотъ песь не жалуется на меня".

Не подозревая, что и другими выходками онъ опять-таки р#зко отличался отъ вс#хъ своихъ товарищей, б#дняжка не разъ приставалъ къ миссъ Корнеліи и уб#дительно просилъ сд#лать милость полюбить его, несмотря на страшный анализъ. Эту же покорн#йшую просьбу онъ предъявилъ и м-съ Блимберъ, когда та пришла въ комнату дочери. Почтенная лэди даже въ его присутствіи повторила общее мн#ніе насчетъ его странностей. Павелъ не противор#чилъ и, совершенно соглашаясь съ нею, зам#тилъ только, что это, в#роятно, происходитъ отъ его больныхъ костей или Богъ знаетъ отчего, но, во всякомъ случа#, онъ над#ется, что добрая м-съ Блимберъ извинитъ его, потому-что онъ вс#хъ ихъ любитъ.

– Конечно, м-съ, – сказалъ Павелъ, тономъ совершенной откровенности, составлявшей прекрасн#йшую черту въ его характер#, – конечно я люблю васъ не такъ, какъ сестрицу Флоренсу, этого, м-съ, разум#ется, вы не потребуете и сами, не такъ ли?

– Что это за оригинальный мальчикъ! – прошептала м-съ Блимберъ, – удивительный чудакъ!

– Но все-таки я очень, очень люблю и васъ, и вс#хъ, кто живетъ въ этомъ дом#, – продолжалъ Павелъ, – и я буду ужасно огорченъ, если кто-нибудь обрадуется моему отъ#зду. Ради Бога, м-съ, попробуйте полюбить меня.

М-съ Блимберъ теперь окончательно уб#дилась, что въ ц#ломъ св#т# не сыскать ребенка странн#е Павла, и когда это мн#ніе, съ надлежащими объясненіями, было сообщено м-ру Блимберу, почтенный докторъ утвердилъ мысль своей супруги на прочныхъ основаніяхъ науки и прибавилъ, что эрудиція современемъ все можетъ исправить. Потомъ, обращаясь къ дочери, онъ съ особой выразительностью сказалъ: "Веди его впередъ, Корнелія, впередъ и впередъ!"

И Корнелія что есть мочи тащила его черезъ терніи и волчцы классической дороги. Павелъ трудился неутомимо, выбивался изъ силъ, и при всемъ томъ ни на минуту не выпускалъ изъ виду своей задушевной ц#ли: приобр#сть благосклонность всего дома. Онъ сд#лался ласковымъ, услужливымъ, н#жнымъ, предупредительнымъ, и хотя иной разъ по прежнему онъ сид#лъ одиноко на ступеняхъ л#стницы или задумчиво смотр#лъ на волны и облака изъ своего уединеннаго окошка, но уже не чуждался бол#е товарищей, гулялъ съ ними и скромно оказывалъ имъ разныя услуги безъ всякой просьбы или понужденія съ ихъ стороны. Вождел#нная ц#ль была, наконецъ, достигнута съ блистательнымъ усп#хомъ. Его

полюбили, какъ хрупкую маленькую игрушку, требовавшую деликатнаго обхожденія. Но все же б#дн#й мальчикъ не могъ перестроить своей природы, или переписать рокового анализа, и названіе чудака утвердилось за нимъ навсегда.

Это, однако-жь, не м#шало ему пользоваться такими привилегіями, какихъ не им#ль ни одинъ изъ его товарищей, и даже самыя странности теперъ обратились для него въ пользу. Вс# молодые джентльмены, уходя въ спальни, только кланялись доктору и его семейству, а Павелъ Домби см#ло протягивалъ свою маленькую руку и д-ру Блимберу, и м-сь Блимберъ, и миссъ Корнели Блимберъ. Если кому-нибудь грозило наказаніе, Павелъ отправлялся депутатомъ въ докторскій кабинетъ и нер#дко вымаливалъ прощеніе. Подсл#поватый малый одинъ разъ держалъ съ нимъ важное сов#щаніе по поводу разбитой фарфоровой чашки, и даже носились темные слухи, будто самъ буфетчикъ – человк# очень суровый, не им#вший особеннаго расположенія ни къ единому смертному – обратилъ благосклонное вниманіе на маленькаго Домби и по временамъ прим#шивалъ въ его столовое пиво значительную часть портеру, чтобы укр#пить слабаго ребска.

Кром# этихъ обширныхъ привилегій, маленькій Павелъ им#ль свободное право входить во всякое время въ комнату м-ра Фидера, откуда ему два раза удалось вывести на открытый воздухъ м-ра Тутса, близкаго къ обмороку отъ неудачнаго покушенія выкурить кр#пкую сигару, вынутую изъ огромной пачки, купленной этимъ джентльменомъ на морскомъ берегу у одного отчаяннаго контрабандиста, который сообщилъ ему тайну, что лондонская таможня назначила за его голову, живую или мертвую, дв#сти фунтовъ стерлинговъ чистоганомъ. М-рь Фидеръ занималъ очень уютную комнату съ крошечной спальней за перегородкой. Надъ каминомъ у него вис#ла флейта, на которой онъ еще не игралъ, но им#ль нам#реніе выучиться играть при первомъ удобномъ случа#. Тутъ же, на самомъ видномъ м#ст#, красовалась удочка со вс#ми принадлежностями рыболовства, ибо м-рь Фидеръ им#ль твердое нам#реніе выучиться ловить рыбу, хотя еще ни разу не упражнялся въ этомъ искусств#. Между книгами на большой полк# особенно бросались въ глаза испанская грамматика и шахматная доска: м-рь Фидеръ покам#сть еще не игралъ въ шахматы и не разум#ль по-испански, но им#ль непрем#нное нам#реніе въ наискор#йшемъ времени выучиться по-испански и овлад#ть важнымъ искусствомъ шахматной игры. Съ этой же ц#лью у м-ра Фидера пріобр#тены были и разставлены въ приличныхъ м#стахъ: рисовальныя кисточки съ разными сортами дорогихъ красокъ, круглый подержанный охотничій рожокъ съ клапанами и пара отличныхъ боксерскихъ перчатокъ. – Искусство самозащиты, – говорилъ м-рь Фидеръ, – есть одно изъ важн#йшихъ искусствъ, необходимыхъ для всякаго мужчины, сознающаго чувство чести. Не влад#ющій этимъ искусствомъ не можетъ, въ случа# надобности, оказать покровительства слабой и беззащитной женщин#. Я непрем#нно выучусь боксировать.

Но самую важную драгоц#нностью въ кабинет# м-ра Фидера былъ огромный зеленый кувшинъ съ нюхательнымъ табакомъ, подаренный ему въ конц# посл#днихъ каникулъ м-ромъ Тутсомъ, который пріобр#лъ это сокровище за весьма высокую ц#ну, такъ какъ оно принадлежало первоначально ею св#тлости принцу регенту. М-рь Фидеръ и м-рь Тутсъ, нюхая этотъ табакъ, даже въ самыхъ малыхъ дозахъ, чихали до упаду, и носы ихъ испытывали вс# признаки судорожнаго пароксизма, им#вшаго, впрочемъ, свою особую прелесть. Они приступали къ этому наслажденію не иначе, какъ посл# предварительныхъ церемоній, соблюдавшихся со всею строгостью. Разложивъ на стол# огромный листъ бумаги перв#йшаго сорта, они высыпали потребное количество табаку, смачивали его зеленымъ чаемъ, м#шали ложечкой или перочинными ножами и потомъ уже, насыпавъ полныя табакерки, начинали разнюхивать. Набивая такимъ образомъ носы, они выносили ужасную пытку съ удивительнымъ самоотверженіемъ, и потомъ, для вящаго наслажденія, чтобы разомъ испытать вс# прелести разврата, распивали бутылку кр#пкаго портеру.

Маленькій Павель, зас#давший иногда въ ихъ обществ# подл# своего главнаго патрона, м-ра Тутса, чувствовалъ при этомъ к_у_т_е_ж_# какое-то странное очарованіе, и когда м-ръ Фидеръ, разговаривая о лондонскихъ тайнахъ, сказалъ м-ру Тутсу, что онъ нам#реть нын#шнїя каникулы наблюдать ихъ вблизи во вс#хъ мельчайшихъ подробностяхъ и отг#нкахъ и уже нанялъ для этой ц#ли квартиру со столомъ у двухъ старыхъ д#виць въ Пеккгем#, Павель смотр#лъ на него, какъ на таинственнаго героя фантастическихъ приключенїй, и почти начиналъ бояться такого головор#за.

Однажды вечеромъ, передъ самымъ наступленїемъ каникулъ, Павель, войдя въ ихъ комнату, засталъ Фидера и Тутса за огромной пачкой литографированныхъ билетовъ; м-ръ Фидеръ вписывалъ имена въ оставленные проб#лы и д#лалъ адреса, а м-ръ Тутсъ складывалъ и запечатывалъ.

– Ага, Домби! – вскричалъ м-ръ Фидеръ – ты зд#сь, дружище? славно, братъ, славно.

Они всегда обращались ласково съ маленькимъ Павломъ и рады были его вид#ть. Бросивъ къ нему одинъ изъ билетиковъ, м-ръ Фидеръ продолжалъ:

– Держи, Домби: это твой.

– Мой? – сказалъ Павель.

– Твой пригласительный билетъ на балъ.

Билетикъ былъ напечатанъ съ м#дной доски отличнымъ шрифтомъ, за исключенїемъ имени и числа, написанныхъ рукою м-ра Фидера. Павель ирочиталъ.

"Д-ръ Блимберъ и м-съ Блимберъ, свид#тельствую свое совершенное почтенїе эсквайру Павлу Домби, им#ють честь покорн#йше просить его удостоить ихъ своимъ пос#щенїемъ въ будущую среду, семнадцатаго числа, въ половин# восьмого пополудни. Вечеръ начнется кадрилию".

М-ръ Тутсъ, бросаясь въ объятїя Павла, также сообщилъ ему радостную в#сть, что докторъ и докторша, свид#тельствую ему, м-ру Тутсу, совершенное почтенїе, покорн#йше просятъ его на балъ въ среду вечеромъ, семнадцатаго числа, въ половин# восьмого. Оказалось вообще, что д-ръ Блимберъ и м-съ Блимберъ свид#тельствовали свое совершенное почтенїе всей компанїи молодыхъ джентльменовъ и покорн#йше просили ихъ на балъ. Иначе и быть не можетъ въ классическомъ заведенїи.

Потомъ м-ръ Фидеръ, къ величайшей радости Павла, объявилъ, что его сестрица, Флоренса Домби, также приглашена на балъ, и такъ какъ въ этотъ же день, то есть семнадцатаго числа, оканчивается ихъ учебный семестръ, то онъ, если ему угодно, можетъ тотчасъ же посл# бала у#хать съ сестрою домой, на что Павель немедленно отв#чалъ, что ему это очень угодно. Дал#е, м-ръ Фидеръ сообщилъ, что докторъ и м-съ Блимберъ ждутъ отъ него отв#та, который долженъ быть написанъ мельчайшимъ почеркомъ на тонкой бумаг# такимъ образомъ: "Павель Домби, свид#тельствую свое глубочайшее почтенїе ихъ высокородїямъ д-ру Блимберу и м-съ Блимберъ, им#еть честь изв#стить, что онъ сочтетъ непрем#ннымъ и весьма прїятнымъ долгомъ воспользоваться ихъ обязательнымъ приглашенїемъ, а посему не замедлитъ къ нимъ явиться въ будущую среду, семнадцатаго числа, ровно въ половин# восьмого пополудни". Наконецъ, м-ръ Фидеръ далъ сов#тъ не заикаться объ этихъ распоряженїяхъ ни полсловомъ въ присутствїи д-ра и м-съ Блимберъ, ибо, по правиламъ классическаго воспитанїя и высокаго тона, предполагается, что д-ръ Блимберъ, съ одной стороны, а молодые джентльмены, съ другой, не им#ють ни мал#йшаго понятїя о предстоящемъ торжеств#.

Поблагодаривъ м-ра Фидера за вс# эти сов#ты, онъ спряталъ пригласительный билетъ въ карманъ и ус#лся по обыкновенїю на стул# подл# м-ра Тутса; но голова его, уже давно слабая и тяжелая, такъ разбол#лась въ этотъ вечеръ, что онъ принужденъ былъ подпереть ее руками и черезъ н#сколько минутъ вдругъ, какъ снопъ, повалился на кол#ни м-ра Тутса.

Казалось, онъ былъ не глухъ, однако-жь, немного погодя, Павелъ почувствовалъ, что м-ръ Фидеръ кричить ему на ухо и слегка треплетъ по плечу, чтобы пробудить его вниманіе. Онъ поднялъ голову въ совершенномъ испугѣ и, къ величайшему изумленію, увидѣлъ, что въ комнату вошелъ д-ръ Блимберъ, что окно было отворено, что лобъ у него вспрыснуть холодной водой. Какъ все это случилось и зачѣмъ все это случилось, онъ никакъ не могъ понять.

– Очнулся, очнулся! Ну, слава Богу. Теперь ничего, – сказала д-ръ Блимберъ. – Какъ ты себя чувствуешь, мой маленькій другъ?

– Очень хорошо, покорно благодарю, – сказалъ Павелъ.

Но ему показалось, что комната и всѣ предметы въ ней пришли въ какое-то странное положеніе. Полъ шатался, стѣны кружились и прыгали, а м-ръ Тутсъ раздулся до такой степени, что голова его, очевидно, стала походить на бочку, и когда онъ взялъ своего любимца на руки, чтобы снести наверхъ, Павелъ пришелъ въ неописанное изумленіе, увидѣвъ очень ясно, что м-ръ Тутсъ карабкался съ нимъ прямо въ трубу.

Но вмѣсто трубы, м-ръ Тутсъ благополучно снесъ его въ спальню, чего прежде не дѣлалъ никогда, и Павлу показалась очень удивительною такая необыкновенная учтивость. Онъ поблагодарилъ. Но м-ръ Тутсъ сказалъ, что этимъ еще не ограничатся его ласки, и Павелъ увидѣлъ, что дѣйствительно не ограничились: онъ раздѣлъ его, разулъ и уложилъ нѣжнѣйшимъ образомъ въ постель, сѣлъ подлѣ кровати и началъ ухмыляться очень любезно, между тѣмъ какъ м-ръ Фидеръ, расположившись насупротивъ м-ра Тутса, презабавно взъерошивалъ щетину на своей головѣ, улыбался и, наконецъ, въ припадкѣ необыкновеннаго восторга, выскочилъ на самую середину комнаты и принялся выдѣлывать преуморительные жесты, дѣлая видъ, что боксируетъ. Все это ужасно озадачило Павла и, не зная, плакать ему или смѣяться, онъ заплакалъ и засмѣялся вмѣстѣ.

Но вдружь м-ръ Тутсъ растаялъ, а м-ръ Фидеръ какимъ-то чудомъ ирерватился въ м-съ Пипчинъ. Павелъ уже не спрашивалъ, какъ это случилось, и не обнаружилъ ни малѣйшихъ признаковъ изумленія.

– М-съ Пипчинъ, – сказалъ онъ, – пожалуйста, не сказывайте Флоренсѣ.

– Чего не сказывать, мой милый? – проговорила м-съ Пипчинъ, обходя вокругъ постели и усаживаясь на стулъ.

– Обо мнѣ не сказывайте.

– Нѣтъ, нѣтъ. Будь спокоенъ.

– А какъ вы думаете, м-съ Пипчинъ: что я стану дѣлать, когда вырасту? – спросилъ Павелъ, поворачивая голову на подушкѣ и подпирая руками подбородокъ.

М-съ Пипчинъ никакъ не могла угадать.

– А вотъ что, – сказалъ Павелъ. – Я положу свои деньги въ банкъ, брошу всякую торговлю, уѣду съ сестрицей въ деревню, разведу прекрасный садъ и стану гулять съ нею всю свою жизнь.

– Неужто? – вскричала м-съ Пипчинъ.

– Непременно, – сказалъ Павелъ. – Вотъ только что... когда я...

Онъ остановился и съ минуту не говорилъ ни слова. Сѣрый глазъ м-съ Пипчинъ скользилъ по его лицу.

– Е_с_л_и только я вырасту, – сказалъ онъ оканчивая фразу.

Потомъ онъ принялся рассказывать м-съ Пипчинъ о разныхъ подробностяхъ насчетъ предстоящаго бала, о приглашеніи Флоренсы, о томъ, какъ молодые джентльмены стануть ею любоваться, какъ это будетъ ему пріятно и, наконецъ, о томъ, какъ всѣ его любятъ, и какъ онъ этому радъ. Далѣе онъ рассказалъ м-съ Пипчинъ о своемъ анализѣ, о томъ, что миссъ Блимберъ отмѣтила его страннымъ, о томъ, что и м-съ Блимберъ, да и всѣ считаютъ его чудачкомъ, о томъ, что онъ этого вовсе не понимаетъ, и потому теперь убѣдительно просить м-

съ Пипчинъ объяснить ему, почему онъ чудакъ и что такое чудакъ? М-съ Пипчинъ отвѣчала коротко и ясно, что все это вздоръ; но Павелъ далеко не удовлетворился этимъ отвѣтомъ и бросилъ на м-съ Пипчинъ такой пытливый взоръ, что она сочла нужнымъ отвернуться и подойти къ окну.

Жилъ въ Англіи скромный аптекаръ и вмѣстѣ лѣкаръ⁴, прикомандированный къ учебному заведенію д-ра Блимбера, который теперь очутился въ дѣтской спальнѣ вмѣстѣ съ м-съ Пипчинъ. Какъ они пришли, и зачѣмъ они пришли, и давно ли они пришли, Павелъ никакъ не могъ себѣ растолковать; но, увидѣвъ ихъ у своей постели, онъ привсталъ и иначалъ весьма обстоятельно отвѣчать на всѣ вопросы домашняго врача, которому, наконецъ, шепнулъ на ухо, чтобы онъ сдѣлалъ милость ничего не говорилъ Флоренсѣ, такъ какъ скоро будетъ балъ, и она приглашена. Вообще онъ очень много говорилъ съ лѣкаремъ, и они разстались превосходными друзьями. Положивъ голову на подушку, Павелъ закрылъ глаза; но ему послышалось или, быть можетъ, пригрезилось, будто лѣкаръ говорилъ, что въ мальчикѣ замѣтны большіе недостатки жизненной силы (что бы это такое? – думалъ Павелъ) и большая слабость въ организмѣ. "Такъ какъ ребенокъ, – говорилъ еще аптекаръ, – забралъ себѣ въ голову, что семнадцатаго числа онъ будетъ на балу и уѣдетъ домой, то ужъ пусть дозволяютъ ему эту фантазію, чтобы не сдѣлалось хуже. Это хорошо, что дитя скоро ѣдетъ къ родственникамъ, какъ говоритъ м-съ Пипчинъ. Я самъ напишу къ м-ру Домби, какъ скоро лучше ознакомлюсь ея ходомъ болѣзни. Покамѣстъ, кажется, еще нѣтъ большіе..." Но чего нѣтъ, Павелъ не слышалъ. Въ заключеніе лѣкаръ сказалъ, что это прелестное, но только очень странное дитя.

Какія-то дались имъ странности! – думалъ Павелъ и никакъ не могъ постигнуть, отчего онъ имъ всѣмъ бросается въ глаза. Между тѣмъ м-съ Пипчинъ какъ-то опять очутилась подлѣ него, а, быть можетъ, она и не уходила, хотя, кажется, онъ видѣлъ, будто она вышла съ докторомъ изъ дверей или, пожалуй, это такъ пригрезилось. Теперь въ рукахъ у нея, Богъ знаетъ зачѣмъ, появилась какая-то странная бутылка и рюмка, и она подносила рюмку Павлу. Потомъ м-съ Пипчинъ изъ собственныхъ рукъ поподчивала его какимъ-то сладкимъ желе, и ему сдѣлалось такъ хорошо, что м-съ Пипчинъ, по его настоятельной просьбѣ, отправилась домой, а Бриггсъ и Тозеръ подошли къ его постели. Бѣдный Бриггсъ ужасно ворчалъ на свой анализъ, гдѣ его съ безпощаднымъ искусствомъ опытнаго химика разложили на всѣ составныя части. При всемъ томъ онъ былъ ласковъ съ Павломъ, какъ и Тозеръ, какъ и всѣ молодые джентльмены, потому что каждый изъ нихъ, отходя ко сну, заходилъ напередъ къ Павлу и спрашивалъ: "Каковъ ты, Домби? какъ ты себя чувствуешь, Домби? Будь веселъ, Домби, не робѣй!" и такъ далѣе. Бриггсъ долго метался въ постели и безъ умолку жаловался на свой анализъ, говоря, что тутъ нѣтъ ни на волосъ правды и что его р_а_з_л_о_ж_и_л_и, какъ разбойника.

– Что бы сказалъ д-ръ Блимберъ, – говорилъ онъ, – если бы его самого такъ разложили? Вѣдь отъ этого зависятъ карманныя деньги! Какія штуки! Цѣлыхъ полгода мучили бѣднаго парня, какъ конторщика, да потомъ его же отрекомендовали лѣнивцемъ! Хорошъ лѣновецъ! Не давали по два раза въ недѣлю обѣдать, да еще называли жаднымъ! Посмотрѣлъ бы я, какъ онъ не сталъ бы жадничать на моемъ мѣстѣ. О! А!

Утромъ на другой день, подслѣповатый малый, собираясь, по обыкновенію, колотить въ мѣдный тазъ, сказалъ Павлу, чтобы онъ не беспокоился и почивалъ себѣ спокойно, когда другіе джентльмены будутъ одѣваться. Павелъ обрадовался. Скоро пришла м-съ Пипчинъ, а за нею лѣкаръ, а за лѣкаремъ Мелія, та женщина, что выгребала золу изъ камина въ первое утро по прибытіи вла въ докторскій домъ, – охъ, какъ давно, давно это было! Всѣ эти особы посмотрѣли на Павла, спросили, какъ онъ себя чувствуетъ, и пошли въ другую комнату на

⁴ Должность лѣкаря и аптекаря въ Англіи часто соединяются въ одномъ лицѣ.

консультацію, а, пожалуй, что все это пригрезилось. Потомъ л#каръ воротился уже съ д-ромъ Блимберомъ и м-съ Блимберъ. Онъ сказалъ:

– Да, господинъ докторъ, я сов#тую вамъ освободить этого джентльмена отъ всякихъ занятій. Да в#дъ ужъ и каникулы недалеко.

– Само собою разум#ется, – отв#чалъ д-ръ Блимберъ. – Душенька, изв#сти объ этомъ Корнелію.

– Очень хорошо, – сказала м-съ Блимберъ.

Л#каръ съ такимъ участіемъ и заботливостью щупаль пульсъ, сердце и смотр#ль въ глаза маленькаго паціента, что Павелъ невольно проговорилъ:

– Покорно васъ благодарю, сэръ.

– Маленькій нашъ другъ, – зам#тилъ дръ Блимберъ, – кажется, никогда не жаловался.

– О, я думаю! – отв#чалъ докторъ.

– Такъ вамъ кажется, что ему лучше? – спросилъ д-ръ Блимберъ.

– Значительно лучше, – отв#чалъ л#каръ какимъ-то двусмысленнымъ тономъ.

Павелъ углубился въ размышленіе насчетъ того, что бы такое думаль аптекаръ, такъ загадочно отв#тившій на два вопроса д-ра Блимбера. Но когда аптекаръ, уловившій взоръ маленькаго паціента, бросилъ на него ободрительную и дружескую улыбку, Павелъ тоже разс#ялся и уже бол#е не предпринималь своего заоблачнаго путешествія.

Весь этотъ день онъ пролежалъ въ постели, дремалъ, грезилъ и по временамъ смотр#ль на м-ра Тутса; но на другое утро онъ всталъ очень рано, спустился съ л#стницы во второй этажъ, вошелъ въ залу, остановился передъ часами и... вотъ чудесато! – часы уже не спрашивали бол#е: "Ка-ко-въ-мой-ма-лень-кій-другъ". Циферблатъ былъ снятъ, и часовой мастеръ, стоявшій на передвижной л#стниц#, засовываль какіе-то инструменты во внутренность машины. Это обстоятельство ужасно удивило Павла: онъ с#ль на нижней ступеньк# подвижной л#стницы и принялся наблюдать очень внимательно за вс#ми операціями, взглядывая по временамъ на циферблатъ, который какъ будто за что-то косился на него со ст#ны.

Часовой мастеръ былъ челов#къ ласковый и не замедлилъ спросить Павла, какъ его здоровье, на что Павелъ тоже не замедлилъ отв#тить, что, кажется, его находятъ не слишкомъ здоровымъ, а, впрочемъ, ничего. Когда такимъ образомъ разговоръ начался, Павелъ надавалъ мастеру множество вопросовъ насчетъ колокольнаго звона и боя часовъ. Нужно было знать, стоитъ ли кто на колокольн# по ночамъ, когда бьютъ часы, или часовой колоколь приводится въ движеніе самъ собою, и какъ все это устроено? Отчего это колокола иначе звонять при похоронахъ, и сов#мъ иначе на свадьб#, или они звонять одинаково, а это только такъ кажется, и почему именно такъ кажется? "А не лучше ли было бы, – спросилъ еще Павелъ, – изм#рять время сожиганіемъ св#чъ, какъ хот#ль это сд#латъ король Альфредъ? Вы в#дъ знаете короля Альфреда?" – Часовщикъ отв#чалъ, что не знаетъ, но думаетъ, однако-жь, что это было бы очень дурно, потому-что тогда неч#мъ было бы жить часовымъ мастерамъ. Вообще бес#да была очень интересная, и Павелъ продолжалъ д#латъ наблюденія до т#хъ поръ, пока циферблатъ не пришелъ въ свое обыкновенное положеніе. Часовщикъ положилъ свои инструменты въ корзину, раскланялся съ любознательнымъ собес#дникомъ и, выходя изъ дверей, не преминулъ сд#латъ зам#чаніе: "Какой странный мальчикъ! чудакъ, да и только!" Павелъ хорошо разслышалъ эти слова.

– Что это они вс# сговорились называть меня чудакомъ! – сказалъ онъ. – Чудакъ да чудакъ, – р#шительно не понимаю!

Не им#я теперь уроковъ, онъ часто объ этомъ размышляль, и конечно размышляль бы еще чаще, если бы другіе предметы не лежали у него на душ#. Ему было о чемъ думать.

Прежде всего – Флоренса прі#детъ на балъ. Флоренса увидить, что вс# мальчики его любятъ, и это будетъ очень пріятно Флоренс#. Это было главной темой его размышленій. Пусть Флоренса узнаетъ, что вс# джентльмены ласковы съ нимъ и добры, что онъ

сд#лался ихъ маленькимъ любимцемъ: тогда она станетъ думать, что онъ не слишкомъ станетъ тужить, когда посл# каникулъ его опять повезуть въ пансіонъ.

Повезуть опять! Разъ пятьдесятъ въ этотъ день заходилъ онъ въ свою комнатку, собиралъ книги, тетради, лоскутья, каждую безд#лицу, и все это увязывалъ, укладывалъ, упаковывалъ, чтобы взять домой. Ни мал#йшей мысли о возвращеніи назадъ, ни мал#йшаго приготовления къ этому и, думая о конц# каникулъ, онъ только останавливался на Флоренс#!

Проходя по верхнимъ комнатамъ, онъ думалъ, какъ он# опуст#ють, когда не будетъ его, и сколько потомъ еще пройдетъ безмолвныхъ дней, нед#ль, м#сяцевъ, годовъ между этими ст#нами. Кто то заступитъ его м#сто? Найдется ли когда-нибудь еще такой же мальчикъ, какъ и онъ?

Онъ думалъ о портрет#, вис#вшемъ на ст#н#, который всегда какъ-то задумчиво смотр#лъ на Павла, когда онъ проходилъ мимо, и если случалось, что онъ проходилъ съ товарищемъ, портретъ – чудное д#ло! – смотр#лъ только на него одного. Много онъ думалъ объ этомъ и почти въ то же время размышлялъ еще объ одной картин#, прелестной, удивительной картин#, гд#, среди группы различныхъ фигуръ, Павелъ зналъ только одну женщину, н#жную, кроткую, сострадательную, съ какимъ-то чуднымъ св#томъ вокругъ головы. Эта женщина тоже какъ будто смотр#ла на Павла и всегда указывала ему наверхъ.

Въ своей спальн#, облокотившись на окно, онъ тоже думалъ безпрестанно, и его мысли см#няли одна другую, какъ морскія волны, которыя онъ по прежнему наблюдалъ съ одинаковымъ вниманіемъ. Гд# живутъ эти дикія птицы, что летаютъ надъ моремъ въ бурную погоду? Отчего зарождались облака, и куда они сп#шили, перегоняя одно другое? Откуда брался в#теръ, и куда онъ шель? Берегъ, ио которому они такъ часто гуляли съ Флоренсой и наблюдали море, и говорили о многихъ вещахъ, останется ли такимъ же, когда ихъ не будетъ, или онъ опуст#еть? А если бы Флоренса гуляла зд#сь одна, и они бы разлучились, о чемъ и какъ бы стала она думать и что бы всего больше ее занимало?

Онъ думалъ еще о м-р# Тутс#, о м-р# Фидер#, о вс#хъ мальчикахъ; и о д-р# Блимбер#, о м-с# Блимберъ и мисс# Блимберъ; о дом#, и о тетушк# Чиккъ, и о мисс# Токсъ; о своемъ отц# Домби и Сын#, о Вальтер# съ его б#днымъ дядей, которому онъ далъ денегъ, и о басистомъ капитан# съ его жел#зной рукой. Кром# того, въ этотъ день ему надлежало сд#лать множество визитовъ – въ класную комнату, въ кабинетъ д-ра Блимбера, въ спальню м-с# Блимберъ, въ уборную мисс# Блимберъ и въ каморку ц#пной собаки. Ему дали теперь полную волю бродить везд# въ дом# и около дома, и онъ на прощаньи хот#лъ угодить вс#мъ. Онъ отыскивалъ для Бриггса въ учебныхъ книгахъ м#ста, которыя тотъ всегда забывалъ, приискивалъ въ словарь# слова для другихъ молодыхъ джентльменовъ, слишкомъ занятыхъ своимъ д#ломъ, приводилъ въ порядокъ бумаги для мисс# Корнеліи, а иногда пробирался въ кабинетъ самого доктора и, усаживаясь подл# его ученыхъ ногъ, ворочалъ потихоньку глобусы, совершалъ мысленныя путешествія по земнымъ и небеснымъ пространствамъ.

Словомъ въ эти посл#дніе дни передъ каникулами, вс# другіе молодые джентльмены работали изо вс#хъ силъ, повторяя уроки за ц#лый семестръ, Павелъ былъ привилегированнымъ воспитанникомъ, какого не видывали въ этомъ дом#. Едва и самъ онъ в#риль такому счастью; но свобода его увеличивалась съ часу на часъ, со дня на день, и вс# ласкали маленькаго Домби. Д-ръ Блимберъ былъ такъ къ нему внимателенъ, что однажды выслалъ Джонсона изъ-за стола, когда тотъ необдуманно проговорилъ за об#домъ; "б#дненькій Домби!" Павелъ дивился и находилъ, что докторъ поступилъ очень жестоко, хотя краска вспыхнула у него на лиц#, и онъ никакъ не могъ понять, отчего товарищъ называлъ его б#дненькимъ. Эта чрезм#рная строгость казалась т#мъ несправедлив#е, что Павелъ очень хорошо слышалъ, какъ докторъ въ прошлый вечеръ согласился съ мн#ніемъ м-с# Блимберъ, которая сказала напрямикъ, что б#дный маленькій Домби сд#лался теперь еще странн#е. Теперь Павелъ начиналъ догадываться, за что его называли чудакомъ, – конечно, за то, что онъ былъ слабъ,

бл#день, тонокъ, скоро уставаль и готовъ былъ во всякое время повалиться, какъ снопь, и отдыхать.

Наконецъ, наступило семнадцатое число. Д-ръ Блимберъ, посл# завтрака, обращаясь къ молодымъ джентльменамъ, сказалъ:

– Господа, наши лекціи начнутся въ будущемъ м#сяц# двадцать пятаго числа.

М-ръ Тутсъ немедленно над#ль кольцо, приняль гордый видъ а_н_г_л_і_й_с_к_а_г_о_г_р_а_ж_д_а_н_и_н_а и, разговаривая съ товарищами о своемъ бывшемъ начальник#, безъ церемоніи назвалъ его Блимберомъ. Старшіе воспитанники съ изумленіемъ и завистью взглянули на гражданина, а младшіе никакъ не могли понять, какимъ образомъ Тутсъ не сгинуль съ лица земли за такую неслыханную дерзость.

За столомъ никто не закинулъ ни полсловомъ насчетъ вечерняго торжества; но въ дом# во весь этотъ день происходила страшная суматоха, и Павелъ въ своихъ уединенныхъ прогулкахъ познакомилъ съ какими-то странными скамейками и подсв#чниками, а что всего забавн#е, при вход# въ залу онъ увид#ль арфу, од#тую въ зеленый сюртукъ. За об#домъ голова у м-съ Блимберъ приняла какую-то странную форму, какъ будто она завинтила свои волосы, и хотя у миссъ Корнеліи Блимберъ на каждомъ виск# красовался прелестный букетъ завитыхъ волосъ, но ея маленькія кудри, неизв#стно по какой причин#, были завернуты кусочками театральной афиши, и Павелъ съ изумленіемъ прочель у ней на лбу "королевскій театр", а за л#вымъ ухомъ "Брайтонъ".

Къ вечеру спальня молодыхъ джентльменовъ превратилась въ магазинъ б#лыхъ жилетовъ и галстуховъ, откуда на весьма значительное пространство несло запахомъ опаленныхъ волосъ, и д-ръ Блимберъ, посылая своимъ питомцамъ нижайшее почтеніе, вел#ль кстаті спросить, не пожаръ ли въ ихъ комнат#. Но слуга, возвращаясь съ отв#томъ, объявилъ, что парикмахеръ, завивая господамъ волосы, слишкомъ распалиль щипцы въ жару своего усердія.

Несмотря на слабость и расположение ко сну, Павелъ од#лся на скорую руку и сошелъ въ гостиную, гд# д-ръ Блимберъ ходилъ взадъ и впередъ съ величавымъ и совершенно беззаботнымъ видомъ, какъ будто онъ ждалъ не больше двухъ, трехъ челов#къ, которые, быть можетъ, завернуть къ нему случайно, немного погодя. Вскор# явилась м-съ Блимберъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа и съ такимъ длиннымъ шлейфомъ, что прогулка вокругъ ея особы составила для Павла препорядочное путешествіе. Посл# маменьки пришла и дочка, немного перетянутая, но чрезвычайно очаровательная.

Изъ гостей прежде вс#хъ явились м-ръ Тутсъ и м-ръ Фидеръ. Оба джентльмена держали въ рукахъ шляпы, какъ будто прі#хали издалека, и когда буфетчикъ, при торжественномъ доклад#, произнесъ ихъ имена, д-ръ Блимберъ сказалъ: "Прошу покорно, господа, добро пожаловать", и, казалось, былъ чрезвычайно радъ вид#ть дорогихъ гостей. М-ръ Тутсъ, великол#пно сіявшій булавкой, колечкомъ и пуговицами, истинно джентльменскимъ образомъ раскланялся съ дамами и величаво протянулъ руку д-ру Блимберу. Проникнутый глубокимъ сознаниемъ собственнаго достоинства, онъ тутъ же отвелъ Павла въ сторону и съ особой выразительностью спросилъ:

– Что ты думаешь объ этомъ, Домби?

Но несмотря на совершенную ув#ренность въ себ# самомъ, м-ръ Тутсъ надолго погружень былъ въ раздумье относительно того обстоятельства, должно ли застегивать на жилет# нижнія пуговицы, или н#тъ, и какъ приличн#е распорядиться оконечностями рубашечныхъ рукавчиковъ. Зам#тивъ, что у м-ра Фидера они были вытянуты, м-ръ Тутсъ распорядился точно такимъ же образомъ; но когда оказалось, что у другихъ гостей они были отогнуты на фрачные обшлага, м-ръ Тутсъ не замедлилъ посл#довать этому прим#ру, Разница касательно жилетныхъ пуговицъ не только нижнихъ, но и верхнихъ сд#лалась у новыхъ гостей еще ощутительн#е, такъ что пальцы м-ра Тутса безпрестанно шмыгали по этой части его

костюма, какъ-будто онъ разыгрывалъ на музыкальномъ инструмент# трудн#йшую арію, которая совершенно сбивала его съ толку.

Немного погодя, явились и другіе джентльмены въ модной прическ#, въ высочайшихъ галстукахъ, въ ганцовальныхъ башмакахъ, съ лучшими шляпами въ рукахъ. За ними пришелъ м-ръ Бапсъ, танцмейстеръ, въ сопровожденіи своей супруги, которую м-съ Блимберъ приняла очень в#жливо и благосклонно. Лакей о каждомъ гост# докладывалъ громогласно. Осанка м-ра Бапса былъ очень величественна, и онъ говорилъ съ особой выразительностью, д#лая ударенія на каждомъ слов#. Постоявъ минутъ пять подъ лампой, онъ подошелъ къ м-ру Тутсу, который въ молчаніи любовался своими башмаками, и спросилъ:

– Какъ вы думаете, сэръ, относительно сырыхъ матеріаловъ, привозимыхъ въ наши гавани изъ-за границы: что съ ними должно д#лать?

– Варить ихъ, – не задумываясь отв#чалъ м-ръ Тутсъ.

Этимъ и окончилась бес#да, хотя, казалось, господинъ танцмейстеръ не совс#мъ былъ согласенъ съ мн#ніемъ м-ра Тутса.

Павель, д#лавшій теперъ глубокомысленныя наблюденія на мягкой соф#, обложенной подушками, вдругъ соскочилъ съ этого с#далища и отправился въ чайную комнату дожидаться Флоренсу, которой онъ не видалъ уже около двухъ нед#ль, потому что въ прошлую субботу его не пускали домой изъ опасенія простуды. Вскор# явилась она, прелестная, какъ ангель, въ своемъ бальномъ платьиц#, съ св#жимъ букетомъ цв#товъ въ рук#. Въ комнат# не было никого, кром# пріятельницы Павла, Меліи, и другой женщины, разливавшей чай. Когда Флоренса стала на кол#ни, чтобы поц#ловать маленькаго брата, Павель бросился въ ея объятія и не хот#лъ оторвать глазъ отъ ея цв#гущаго личика.

– Что съ тобой, Флой, – вдругъ спросилъ Павель, почти ув#ренный, что увид#лъ слезу на щек# сестры.

– Ничего, милый, ничего, – отв#чала Флоренса.

Павель тихонько дотронулся до щеки: на ней точно была слеза!

– Милая, что съ тобою?

– Мы по#демъ домой, – отв#чала сестра, – и я буду за тобой ухаживать.

– За мной ухаживать! Это что такое?

Павель дивился, отчего дв# молодыя женщины смотр#ли на него съ такимъ задумчивымъ видомъ, отчего Флоренса на минуту отворотилась и потомъ опять оборотила на него глаза съ отрадной улыбкой,

– Флой, – сказалъ Павель, перебирая рукою ея черные лаконы, – скажи мн#, моя милая, правда ли, что я чудакъ?!..

Флоренса засм#ялась, обласкала его и проговорила: "н#тъ".

– А они вс# то и д#ло говорятъ, будто я чудакъ, – возразилъ Павель, – желалъ бы я знать, что такое чудакъ?

Въ эту минуту постучались въ дверь, и Флоренса, посп#шивъ къ чайному столу, не усп#ла отв#чать брату на его вопросы. Павель удивился опять, когда увид#лъ, что Мелія о чемъ-то перешептывалась съ Флоренсой; но вошедшіе гости сообщили другое направленіе его наблюденія.

Это были: сэръ Барнетъ Скеттльзъ, леди Скеттльзъ и сыночекъ ихъ, еще мальчикъ, который посл# каникулъ готовился поступить въ учебное заведеніе д-ра Блимбера. Отецъ былъ членомъ нижняго парламента, и м-ръ Фидеръ, разговаривая о немъ съ молодыми джентльменами, сказалъ между прочимъ, что г. Барнетъ Скеттльзъ непрем#нно свернетъ голову отчаянной партіи радикаловъ, только бы уловить ему взоръ президента⁵, чего, однако-жь, онъ никакъ не могъ дожидаться ц#лыхъ три года.

⁵ Когда членъ нижняго парламента встаетъ съ своего м#ста для произнесенія р#чи, онъ не можетъ начать ее прежде,

– Какая это комната? – спросила леди Скеттльз у Павловой приятельницы.

– Кабинетъ д-ра Блимбера, – отв#чала Мелія.

– Хорошая, очень хорошая комната, – проговорила леди Скеттльз, обращаясь къ своему мужу.

– Очень хорошая комната, – повторилъ почтенный супругъ.

– А кто малютка? – сказала леди Скеттльз, обращаясь къ Павлу. – Не одинъ ли...

– Изъ молодыхъ джентльменовъ? – подхватила Мелія. – Точно такъ, сударыня.

– Какъ васъ зовутъ, душенька? – спросила леди Скеттльз.

– Домби, – отв#чалъ Павелъ.

При этомъ имени сэръ Барнетъ Скеттльз немедленно вм#шался въ разговоръ и объявилъ, что им#ль честь встр#чаться съ Павловымъ отцомъ на публичныхъ об#дахъ, и теперь ему очень пріятно слышать о драгоц#нн#йшемъ здоровьи м-ра Домби. Зат#мъ Павелъ разслышалъ слова, обращенныя къ леди Скеттльз: "Сити... богачъ... изв#стн#йшій... докторъ говорилъ"...

– Потрудитесь передать папеньк# мое глубокое почтеніе, – сказалъ сэръ Барнетъ Скеттльз, обращаясь къ Павлу.

– Очень хорошо, – отв#чалъ Павелъ.

– Какой умненькій мальчикъ! – воскликнулъ сэръ Барнетъ Скеттльз. – Сынъ, – продолжалъ онъ, обращаясь къ молодому Скеттльзу, который между т#мъ съ величайшимъ аппетитомъ изволилъ кушать сладкій пирогъ съ изюмомъ, въ вознагражденіе за будущія лишенія въ докторскомъ пансіон#, – сынъ, познакомься съ молодымъ джентльменомъ. Это такой джентльменъ, съ которымъ ты можешь и долженъ познакомиться.

– Какое милое личико! Что за глазки! Что за локончики! – восклицала леди Скеттльз, лорнируя Флоренсу съ ногъ до головы.

– Сестра моя, Флоренса Домби, – сказалъ Павелъ, рекомендуя.

Скеттльзы ощущали теперь неизреченное наслажденіе, и такъ какъ леди Скеттльз, съ перваго взгляда почувствовала къ Павлу материнскую привязанность, то вся компанія посп#шила отправиться въ залу. Сэръ Барнетъ Скеттльз велъ Флоренсу, а молодой Скеттльз шель позади.

Молодой Скеттльз недолго оставался въ неизв#стности, потому что д-ръ Блимберъ вывелъ его изъ-за угла и заставилъ танцевать съ Флоренсой. Павлу показалось, что дикій мальчикъ вовсе не чувствовалъ себя счастливымъ отъ этой компаніи и даже будто бы на что-то сердился; но когда леди Скеттльз, играя в#еромъ, сообщила миссъ Корнеліи Блимберъ, что сынокъ ея просто безъ ума отъ этого ангельчика, миссъ Домби, Павелъ заключилъ, что молодой Скеттльз, упоенный блаженствомъ, не могъ выразить своихъ впечатл#нній вн#шними знаками.

Удивительнымъ показалось Павлу, отчего никто не хот#ль занимать его м#ста на соф# между подушками, и отчего молодые джентльмены, при вход# его въ залу, посп#шили дать ему дорогу и указать на прежнее м#сто. Зам#тивъ, что маленькій Домби съ наслажденіемъ смотр#ль на танцующую сестру, они распорядились такъ, что никто не заслонялъ передъ нимъ Флоренсы, и онъ могъ свободно сл#дить за нею глазами. Вс# гости, даже посторонніе, были такъ ласковы, что беспрестанно подходили къ нему и спрашивали, какъ онъ себя чувствуетъ, не болитъ ли у него головка, не усталъ ли онъ? Павелъ благодарилъ отъ души и, расположившись на соф# вм#ст# съ м-съ Блимберъ и леди Скеттльз, чувствовалъ себя совершенно счастливымъ, особенно когда Флоренса, посл# каждаго танда, садилась подл# него и разговаривала.

ч#мъ на него и взглянетъ президентъ. Отсюда выраженіе: уловить взоръ президента (to catch the Speaker's eye), равносильное выраженіе: получить позволеніе говорить р#чь.

Флоренса съ большой охотой вовсе оставила бы танцы, чтобы весь вечер просидеть подл# брата, но Павелъ непрем#нно хот#ль, чтобы она танцевала, говоря, что это ему очень пріятно. И онъ говорилъ правду: его сердце трепетало отъ радости, и личико пылало яркимъ румянцемъ, когда онъ вид#ль, какъ вс# любятъ Флоренсой и приходятъ отъ нея въ вос- торгъ.

Обложенный подушками на своемъ высокомъ с#далищ#, Павелъ могъ вид#ть и слы- шать почти все, что вокругъ него происходило, какъ будто весь этотъ праздникъ былъ устро- енъ исключительно для его забавы. Между прочимъ, онъ зам#тилъ, какъ м-ръ Бапсъ, танц- майстеръ, подошелъ къ г. члену нижняго парламента и спросилъ его точъ въ точъ, какъ м- ра Тутса:

– А какъ вы думаете, сэръ, насчетъ сырыхъ матеріаловъ, которые привозятъ изъ-за гра- ницы въ обм#нъ за наше золото: что съ ними д#лать?

Павелъ дивился и очень хот#ль знать, почему этотъ предметъ такъ сильно занималъ м- ра Бапса. Сэръ Барнетъ Скеттльзъ очень много и очень мудрено разсуждалъ о предложенной матеріи, но, казалось, не удовлетворилъ м-ра Бапса.

– Все это такъ, – сказалъ м-ръ Бапсъ, – я совершенно согласенъ съ вами сэръ, однако- жь, если предположить, что Россія запрудитъ наши гавани своимъ саломъ, тогда что?

Сэръ Барнетъ Скеттльзъ былъ совершенно озадаченъ этимъ неопред#леннымъ возра- жениемъ, однако-жь, скоро опомнился и, покачавъ головой, сказалъ:

– Ну, тогда, конечно, намъ придется усилить производство хлопчатой бумаги.

М-ръ Бапсъ не сд#лалъ бол#е никакихъ зам#чаній и посп#шилъ къ своей супруг#, кото- рая между т#мъ съ большимъ вниманіемъ разсматривала нотную книгу джентльмена, играв- шаго на арф#. Сэръ Барнетъ Скеттльзъ, не сомн#ваясь, что бывший его собес#дникъ – очень зам#чательная особа, обратился къ д-ру Блимберу съ вопросомъ:

– Скажите, пожалуйста, докторъ, господинъ этотъ, в#роятно, служить въ департамент# вн#шней торговли?

– О, н#тъ, – отв#чалъ д-ръ Блимберъ, – н#тъ, это нашъ профессоръ...

– Статистики или политической экономіи? – зам#тилъ сэръ Барнетъ Скеттльзъ.

– Не совс#мъ такъ, – сказалъ докторъ Блимберъ, подпирая рукою подбородокъ.

– Ну, такъ н#тъ сомн#нія, онъ занимается вычисленіемъ математическихъ фигуръ или чего-нибудь въ этомъ род#?

– Именно фигуръ, – сказалъ д-ръ Блимберъ, – да только не въ этомъ род#. М-ръ Бапсъ, см#ю доложить вамъ, нашъ профессоръ танцевъ, превосходн#йшій челов#къ въ своемъ род#.

Сэръ Барнетъ Скеттльзъ нахмурился, разсвир#плъ и, подойдя къ своей супруг#, ска- залъ очень явственно, что господинъ, съ которымъ онъ говорилъ, пре-без-сты-д-н#й-шій наг- лець въ своемъ род#. Павелъ никакъ не могъ постигнуть, отчего сэръ Барнетъ Скеттльзъ перем#нилъ такъ скоро свое мн#ніе о м-р# Бапс#, котораго ему отрекомендовали, какъ пре- восходн#йшаго челов#ка въ своемъ род#.

Скоро наблюдательность Павла приняла другое направленіе. М-ръ Фидеръ, посл# двухъ-трехъ стакановъ глентвейну, повесел#ль удивительнымъ образомъ и принялъ твердое нам#реніе наслаждаться вс#ми благами міра сего. Танцы были вообще очень церемонны, и музыка скор#е походила на церковную, ч#мъ на бальную; но м-ръ Фидеръ, очевидно, при- ходившій въ восторженное состояніе, сказалъ м-ру Тутсу, что им#еть нам#реніе повернуть д#ла по своему. Посл# того онъ подошелъ къ оркестру и, приказавъ играть весел#е, принялся танцовать со всею развязностью и беззаботностью моднаго денди. Особенно онъ сд#лался внимательнымъ къ дамамъ и, танцуя съ миссъ Корнеліей Блимберъ, шепнулъ ей – можете вообразить! – шепнулъ ей два стишка изъ простонародной чрезвычайно н#жной п#сни, и – можете вообразить! – миссъ Корнелія Блимберъ ни мало не обид#лась. Эти же стишки м-ръ Фидеръ немедленно повторилъ еще четыремъ дамамъ, которыя также не обижались. Павелъ

все это слышала очень хорошо. Она слышала и то, как Фидер сказал Тутсу, что завтра, черт побери, придется расквитаться за этот вечер.

Наконец, оркестр заиграл самые буйные, площадные арии, и это обстоятельство крайне обеспокоило м-сь Блимбер, которая не без причины опасалась, что это может оскорбить благородный слух почтенной леди Скеттльз. Но леди Скеттльз просила не беспокоиться и очень благосклонно выслушала объяснение касательно м-ра Фидера, который, говорила м-сь Блимбер, несмотря на некоторые крайности при таких случаях, был вообще превосходнейший человек, отлично понимал Вергилия и убирал свои коротенькие волосы истинно классическим образом.

Разговаривая с Павлом, леди Скеттльз заметила между прочим, что, кажется, она очень любит музыку.

– Люблю, леди, – отвечал Павел, – а если и вы любите, так я вам советую послушать, как поет сестрица моя, Флоренса.

Леди Скеттльз немедленно объявила, что умирает от нетерпения слышать мисс Домби, и когда Флоренса начала отказываться, говоря, что никак не может прийти при таком многочисленном собрании, Павел подзвал ее и сказал:

– Пожалуйста, Флой, для меня, мой друг, сделай милость.

Флоренса подошла к фортепьяно и зашла. Гости разступились, чтобы не загородить сестры от маленького Домби. Когда она увидела, что его сестра, добрая, милая, прекрасная сестра, сидела предметом общего внимания, когда она услышала ее заливающийся голосок, очаровательный и сладкий, раздававшийся среди безмолвной блестящей залы звучной трелью любви и надежды, она отворотила свое личико и заплакала, – не оттого заплакала, чтобы мелодия была слишком жалобна или печальна, нет, а оттого, что "она слишком мила для меня", – сказал Павел, отвечая на распросы гостей.

Все полюбили Флоренсу, да и как не полюбить! Павел заранее знал, что иначе и быть не может, и когда она сидела на своей мягкой софе с сложенными накрест руками, немногие могли вообразить, какой торжественный восторг озарял эту младенческую душу. Со всех сторон доходили до его слуха роскошные похвалы "сестрицы маленького Домби"; все удивлялись скромности, уму, талантам маленькой красавицы, и Павел был в каком-то упоительном чаду, и казалось ему, будто докторская зала превращается в очаровательный сад, и атмосфера вдруг наполнилась какой-то сладкой симпатией, которая смягчала и размягчала сердце.

Как это случилось, Павел не знал. Все, что наблюдал она в этот вечер и чувствовала, и мыслить – настоящее, прошедшее и будущее, предметы близкие и отдаленные – все это перепуталось и перемешалось в его голове, подобно цветам в радуге или в богатом плюмаже павлина, когда над ним сияет солнце, или в тихом лазурном небе, когда то же солнце, закатываясь, бросает яркие лучи на безбрежное море. Многие вещи, о которых она думала последний раз, носились перед ней в неопределенных звуках музыкального оркестра и уже не пробуждали его наблюдательности. Фантастические мечты, занимавшие его не ранее, как вчера, когда он смотрел из своего уединенного окошка на бурные воды океана, улеглись и убаюкались в его воображении. Но тот же таинственный говор морских волн, которому так долго и так часто внимала она в своей колыбельке на морском берегу, еще мерещился ему, и чудился в этом говоре привкус любви и дружбы, и вместо слышалось ему, будто все называют его чудачком, хотя опять-таки неизвстно за что. Так грезились и мечтались, слушала и думала маленькой Павел и был совершенно счастлив.

Счастлив – пока не пробил час разлуки, роковой час, пробудивший общее волнение между гостями м-ра Блимбера. Сэр Барнетт Скеттльз еще раз просил Павла засвидетельствовать от его имени глубокое почтение м-ру Домби и вместе с тем изъявить

надежду, что сын его, посл# каникуль, постарается приобр#сть благосклонность маленького друга. Леди Скеттльз съ материнской н#жностью поц#ловала его въ лобъ, и даже м-съ Басъ, бросивъ музыкальную книгу, постоянный предметъ своего наблюденія, посп#шила обнять маленького Домби и пожелать ему нескончаемыхъ радостей.

– Прощайте, д-ръ Блимберъ, – сказалъ Павелъ, протягивая руку.

– Прощай, мой маленькій другъ, – отв#чалъ докторъ.

– Я вамъ очень обязанъ, сэръ, – продолжалъ Павелъ, наивно всматриваясь въ задумчивое лицо доктора. – Прикажете, сд#лайте милость, беречь Диогена.

Диогеномъ звали ц#пную собаку, которая во всю жизнь одного только Павла удостоила своей искренней дов#ренности. Докторъ об#щаль покровительство Диогену, и Па. вель поблагодарилъ его отъ души. Потомъ, прощансь съ м-съ Блимберъ и Корнелией, омъ такъ много обнаружилъ искренняго чувства и д#тской любви, что м-съ Блимберъ совс#мъ забыла шепнуть кое-что леди Скеттльз насчетъ Цицерона, хотя это нам#реніе тревожило ее ц#лый вечеръ. Корнелия взяла своего питомца за об# руки и сказала:

– Домби, Домби, ты всегда былъ моимъ любимымъ ученикомъ. Прощай, дружокъ. Благослови тебя Богъ!

– А я считаль ее такою жестокою! – подумаль Павелъ. – Какъ легко ошибиться!

Вдругъ молодые джентльмены зажужжали: "Домби у#зжаетъ! маленькій Домби у#зжаетъ!", и все изъ танцевальной залы двинулось по л#стниц# за Павломъ и Флоренсой, не исключая самого д-ра Блимбера съ его семействомъ. М-ръ Фидеръ, по этому поводу, сказалъ очень громко, что такой чести, сколько онъ помнитъ, еще не удостоивался ни одинъ изъ прежнихъ молодыхъ джентльменовъ, хотя, быть можетъ, глентвейнъ на этотъ разъ слишкомъ помрачаль память м-ра Фидера. Лакеи, подъ предводительствомъ буфетчика, вс# выб#жали провожать маленького Домби, и даже подсл#поватый малый, видимо растаялъ, когда началъ укладывать книги и сундуки въ коляску, отправлявшуюся въ замокъ м-съ Пипчинъ.

Даже вліяніе н#жной страсти на сердца молодыхъ джентльменовъ – а они вс# до одного влюбились въ Флоренсу – не могло удержать ихъ отъ выраженія восторговъ при прощаніи съ маленькимъ Домби. Они пожимали ему руки, махали шляпами, и каждый кричалъ: "Домби, не забывай меня!" Такіе взрывы чувствительности были необыкновеннымъ явленіемъ между этими юными Честерфильдами⁶. Когда Флоренса на крыльц# окутывала брата, Павелъ шепталъ: "Слышишь ли ты, милая? рада ли ты? забудешь ли ты это?" И глаза его искрились жив#йшимъ восторгомъ, когда онъ произносилъ эти слова.

Усаживаясь въ карету, Павелъ еще разъ взглянулъ на многочисленную толпу, которая его провожала, и теперь вс# предметы закружились и запрыгали передъ нимъ, какъ будто онъ смотр#ль черезъ стекла зрительной трубки, колебавшейся въ его рукахъ. Потомъ онъ забился въ темный уголь кареты и кр#пко прижался къ Флоренс#. Вся эта сцена трогательнаго прощанья представлялась ему какимъ-то сновид#ніемъ, тревожнымъ и вм#ст# чрезвычайно приятнымъ, и когда впосл#дствіи онъ думаль о д-р# Блимбер#, онъ всегда воображалъ его не иначе, какъ стоявшимъ на крыльц# при прощаньи съ своимъ маленькимъ другомъ.

Но, кром# доктора, другая фигура рисовалась иередъ маленькимъ Павломъ, фигура м-ра Тутса, который совершенно неожиданно открылъ одно изъ оконъ кареты, просунулъ голову и спросилъ: "Домби зд#сь?" Прежде, ч#мъ усп#ли отв#чать, онъ скрылся и захохоталь самымъ дружелюбнымъ образомъ. Но этимъ еще не окончилось. Когда карета уже тронулась

⁶ Слово «Честерфильдъ» употреблено зд#сь въ смысл# св#тскаго модника, льстеца. Есть въ англійской литератур# книги: "The letters of Lord Chesterfield to his son", – "Письма Лорда Честерфильда къ своему сыну". Зд#сь авторъ между прочимъ рекомендуетъ скрывать свои настоящія чувства и считаетъ притворство необходимою доброд#телью всякаго молодого челов#ка. Книга пользуется въ Англійи такою популярностью, что недавно одинъ лондонскій портной, рекомендуя въ своемъ пуф# прилично од#ваться, подкр#пилъ свои доказательства огромной цитатой изъ писемъ Честерфильда. *Прим. перев.*

съ м#ста, м-рь Тутсъ подскочилъ съ другой стороны и, опять просунувъ голову черезъ окно, т#мъ же тономъ спросилъ: "Домби зд#сь?" И потомъ онъ мгновенно исчезъ, заливаясь т#мъ же дружелюбнымъ хохотомъ.

Какъ Флоренса см#ялась! Павелъ часто вспоминалъ объ этой сцен# и самъ см#ялся отъ всего сердца.

Но на другой и въ сл#дующіе дни произошло много такихъ вещей, которыя посл# воображенію Павла представлялись въ самомъ тускломъ св#т#. Прежде всего онъ никакъ не могъ понять, зач#мъ они продолжали жить у м-съ Пипчинъ вм#сто того, чтобы #хать домой, зач#мъ онъ лежалъ въ постели, и Флоренса всегда сид#ла подл# него. Приходилъ ли къ нему въ комнату отецъ, или онъ только вид#лъ на ст#н# чью-то высокую т#нь? Правда ли, что л#каръ говорилъ – или это пригрезилось – что если бы взяли мальчика домой прежде д#тскаго бала, на которомъ онъ испыталъ слишкомъ сильныя потрясенія, то, в#роятно, онъ не завянулъ бы такъ скоро?

Ему казалось также, что онъ говаривалъ сестр#: "Охъ, Флой, возьми меня домой; не покидай меня"! А, впрочемъ, можетъ быть, и это пригрезилось. Только кажется, будто онъ слышалъ свои собственныя слова: "По#демъ домой, Флой, по#демъ"!

Но зато онъ очень хорошо помнилъ, какъ привезли его домой вм#ст# съ Флоренсой, и какая была толкотня на л#стниц#, когда понесли его наверхъ. Онъ узналъ свою старую комнату и маленькую постель, гд# его положили. Передъ нимъ, въ числ# прочихъ, стояли: тетюшка его, и миссъ Токсъ, и м-съ Пипчинъ, и Сусанна. Онъ вс#хъ ихъ угадалъ и прив#тствовалъ очень радушно. Но было, однако-жъ, и тутъ что-то такое, чего онъ никакъ не понималъ и что крайне его беспокоило.

– Мн# надобно поговорить съ Флоренсой, – сказалъ онъ, – съ Флоренсой наедин#.
Оставьте насъ.

– Скажи мн#, св#тикъ мой, Флой, папенька не былъ на крыльц#, когда меня вынесли изъ кареты?

– Былъ, мой милый.

– Кажется, онъ заплакалъ и ушелъ въ свою комнату, когда увид#лъ меня; правда ли это, мой ангелъ?

Флоренса отрицательно покачала головой и прильнула губами къ его щек#.

– Ну, я радъ, что онъ не плакалъ, – сказалъ маленькій Павелъ – это правда, мн# померещилось. Не сказывай, о чемъ я тебя спрашивалъ.

Глава XV

Замысловатое лукавство капитана Куттля и новые хлопоты Вальтера Гэя

Долго Вальтеръ не зналъ, что дѣлать съ барбадосскимъ назначеніемъ, и даже лелѣялъ слабую надежду, что м-ръ Домби авось измѣнитъ роковую резолюцію. Быть можетъ, онъ одумается и прикажетъ старику Каркеру "оставить молодого Гэя въ лондонской конторѣ". Но такъ какъ ничто не подтверждало этой, совершенно, впрочемъ, неосновательной надежды, бѣдный юноша увидѣлъ настоятельную необходимость дѣйствовать безъ замедленія, не обольщая себя пустыми мечтами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.